

II

335917 В.В. Пименов, Е.М. Эпштейн

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАРЕЛИИ (XVIII в.)

В. В. ПИМЕНОВ, Е. М. ЭПШТЕЙН

РУССКИЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛИ
КАРЕЛИИ
(XVIII в.)

Очерки

335917

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАССР
ПЕТРОЗАВОДСК

1958

ОТ АВТОРОВ

Посетив в начале XX века Карелию, писатель Михаил Пришвин назвал ее «краем непуганых птиц и нехоженных троп». Эти слова приобрели характер крылатого выражения, и с ними нельзя не согласиться.

Дореволюционная Карелия являлась отсталой окраиной царской России с множеством глухих углов. Население ее подвергалось жестокой эксплуатации, жило в условиях нищеты и невежества. Все это было неизбежным результатом политики царского правительства по отношению к национальным окраинам.

И тем не менее своеобразный по своей природе, хозяйству и составу населения этот край издавна привлекал к себе внимание и уже в XVIII веке был неплохо изучен в самых различных отношениях. Его знали не только местные жители—крестьяне, купцы, рудознатцы. В обследовании края приняли участие и виднейшие русские ученые. Результаты всей этой работы нашли отражение в описаниях, путевых дневниках и рапортах путешественников, а также в ряде других материалов.

Между тем литература об истории изучения Карелии очень бедна и нуждается в пополнении, ибо имеющиеся несколько статей, посвященных отдельным путешественникам, не создают достаточно полной и ясной картины.

В настоящей работе сделана попытка кратко рассказать о том, как происходило изучение Карелии в XVIII веке, и хотя бы в некоторой мере восполнить существующий пробел.

Работа написана в виде очерков об отдельных исследователях, побывавших в Карелии в XVIII веке (главным образом во второй половине) и так или иначе внесших свою лепту в дело изучения края.

Характер исследований Карелии был различным. Неоднороден прежде всего самый состав исследователей. Среди них мы видим и академиков (Лепехин, Лаксман, Озерецковский, Иноходцев, Севергин), и тех, для кого наука не была главным занятием (Державин, Челищев, Ярцов и др). Это, естественно, наложило известный отпечаток на характер их работ. Однако нельзя забывать, что при тогдашнем уровне развития науки даже простое собирание фактов, простое описание виденного составляло уже существенный вклад в науку, т. к. было первой и необходимой ступенью для дальнейших исследований. Это обстоятельство дает нам право включить в состав исследователей Карелии не только профессиональных ученых, но и Державина, и Челищева, и авторов описаний.

Имея в виду характер настоящего издания, мы не ставили своей целью анализ специальных научных результатов в области геологии, минералогии и т. п. той или иной экспедиции, но старались установить, как постепенно нарастала сумма знаний о Карелии в целом.

В книге использованы как опубликованные, так и малоизвестные архивные материалы, частью впервые вводимые в научный оборот. Это дает возможность составить представление о том, насколько русская читающая публика того времени была осведомлена об изучении Карелии, а также показать, что в этом направлении было сделано гораздо больше того, чем принято думать, судя лишь по материалам, которые попали в печать.

Большинство работ исследователей было издано в конце XVIII или в начале XIX века и с тех пор не переиздавалось. Учитывая это, а также и то, что в очерках использованы архивные материалы, мы старались чаще предоставлять слово самим авторам, не ограничиваясь одним лишь пересказом.

Введение, главы II, IV, VII, VIII, IX, а также 3 раздел V главы и 2 и 3 раздела заключения написаны В. В. Пименовым.

Главы I, III, V и VI и 1 раздел заключения написаны Е. М. Эпштейном.

Приложение к книге — «Поденная записка» Г. Р. Державина, а также «Ландкарта Олонецкого уезда» А. Клешина, подготовленные к печати Е. М. Эпштейном, публикуются впервые. «Поденная записка» печатается с незначительными сокращениями.

ВВЕДЕНИЕ

Истоки ознакомления с тем краем, который впоследствии стал называться Карелией, уходят в глубокую древность.

Первые неолитические, а может быть даже мезолитические насельники этой территории (III—I тысячелетия до н. э.) уже в какой-то мере — в процессе хозяйственного освоения края — должны были внимательно приглядываться к тому, что их окружало.

Заселение территории Карелии охотничье-рыболовческими (возможно, лопарскими) племенами, а вслед за тем племенами, говорившими на языках прибалтийско-финской семьи, сопровождалось определенным накоплением практических сведений об окружающей природе, о населении и т. п. К сожалению, проследить в подробностях этот процесс пока что не представляется возможным. Однако в определенной мере это достижимо и теперь. Замечательным памятником того времени являются карельские петроглифы. Изучение их помогает представить себе культурный уровень неолитического населения Карелии, его отношение к природе, степень познания окружающего мира. Бесспорно, самые подробные сведения были у него о природе, в особенности о животном мире. Наскальные рисунки полны изображений птиц, оленей, лосей, морских животных и рыб. Встречаем мы здесь также изображения людей (в частности, фигурки лыжников, самые древние в мире),

отдельные фрагменты сцен охотничьего быта, некоторые предметы материальной культуры и т. п.^{1*}

О посленеолитическом периоде мы не располагаем подобным материалом: сведения о нем очень скудны и отрывочны. Можно лишь сказать, основываясь на данных, полученных в результате изучения фольклора, а отчасти и на данных археологии, что в течение I тысячелетия нашей эры население края освоило металлургическое (железоделательное) производство, приобщилось к земледелию (подсечно-огневая система), развило ремесла и на рубеже I и II тысячелетий нашей эры находилось на грани разложения первобытнообщинного строя и становления классового общества.

Новый этап в ознакомлении с краем, в его освоении начался в XI—XII вв. со времени славянской колонизации. Летописный и в особенности актовый материалы позволяют в некоторой мере проследить этот процесс. Новгородцы проникали глубоко на территорию Карелии, в Лапландию, Заволочье, в результате чего и русское общество получает известное представление о Карелии. Не следует упускать из виду того факта, что этот интерес к Карелии со стороны новгородских феодалов и купцов был обусловлен потребностями феодального хозяйства, интерес к крестьянину был интересом по отношению к основному объекту эксплуатации. Однако нам важно теперь подчеркнуть и другую сторону: с этого периода мы получаем в свое распоряжение письменные источники, которые относительно правдиво рисуют жизнь, быт и нравы населения, природу края и т. д.

После присоединения к концу XV века Новгорода и всех его владений к централизованному русскому государству, в состав которого вошла и Карелия, начался следующий период ее изучения, который дал большие результаты. С конца XV и по конец XVII века особыми правительственными чиновниками был составлен ряд документов, имевших большое значение в деле ознакомления с Карелией. Это так называемые писцовые книги, т. е. своды подворных переписей преимущественно крестьянского населения. В писцовых кни-

* Литературу и источники см. в конце книги.

гах нашли отражение данные о количестве дворов, деревень, о хозяйстве, частично о природе, о состоянии путей сообщения, о культуре и быте населения края.

Нужды административного управления, необходимость уточнения сельскохозяйственных угодий и состояния землевладений, задачи налогового обложения, обширные военные мероприятия, вызывавшиеся всей совокупностью исторических условий, требовавших напряженной борьбы с многочисленными внешними врагами,— все это властно толкало русское правительство на собирание ряда разнообразных сведений, среди которых важную роль играли данные географического порядка². Именно поэтому с конца XV и по XVII столетие получило такое широкое распространение составление писцовых книг, скрупулезно учитывавших не только сельские, но и городские земли с их владельцами и населением.

Конечно, и эти материалы вырабатывались и составлялись не в научных, а в практических целях: правительство для более полного охвата населения системой налогов и податей нуждалось в таких сводках о составе местного населения, его имущественном положении и т. п. И все же поездки чиновников-переписчиков способствовали распространению сведений о Карелии.

Сколько всего было составлено писцовых книг, неизвестно. Ясно только, что до нас дошли не все. Так, наиболее ранние писцовые книги «старого письма», упоминания о которых встречаются в позднейших, вероятно, утрачены навсегда. Писцовых книг, относящихся к Карелии, в настоящее время известно II, кроме того, имеется десять документов, сходных по своему характеру с писцовыми книгами³.

Если составители писцовых книг не ставили перед собой задачи научного познания края, то находились другие люди, замечательные представители передовой общественной мысли того времени, для которых вопросы науки стояли на первом плане. Об одном из таких местных исследователей мы узнаем из сочинения голландского купца и путешественника Симона ван Салингена, который в 1562—1565 годах побывал в Карелии и неплохо с ней познакомился. В своем «Сообщении... о земле Лопии» Салинген пишет о встречах с неким

Федором Чудиновым из Кандалакши, которого он называет «русским философом». Федор Чудинов был замечательным человеком, весьма по тому времени просвещенным: он написал историю Карелии и Лапландии, к сожалению, до нас не дошедшую. Чудинов с полным основанием может быть назван первым историком Карелии.

Среди карельского населения в XVI веке, вероятно, уже существовала небольшая прослойка людей, овладевших начатками грамоты на русском языке и стремившихся создать письменность на родном карельском языке. В связи с этим и стоит попытка Федора Чудинова, как пишет Салинген, «изобрести письма для карельского языка, на котором никогда не писал ни один человек». Эта попытка Федора Чудинова представляет очень интересный историко-культурный факт. Едва ли можно подвергнуть сомнению эти сообщения Салингена: он объехал морем весь Кольский полуостров, неоднократно бывал во внутренних районах Карелии, «имел у себя на службе несколько работников из русских и карелов, дружил как с начальниками и старшинами деревень, так и с попами, угощался с ними, а также часто бывал приглашен к ним на совещания, благодаря чему часто был осведомлен о местных делах Карелии и Лопии»⁴.

Очень интересным памятником первой половины XVII века, в котором отразились данные о Карелии того времени, является так называемая «Книга Большому Чертежу» — своеобразная «объяснительная записка» и «легенда» к карте Русского государства. В тех разделах «Книги Большому Чертежу», которые посвящены Карелии, даются названия озер и рек, направление их течения, упоминаются поселения—города и деревни, указываются расстояния между ними; так, названы город Корела, Муромский монастырь, Ковда, Кереть, Чупа, озеро Водло, реки Свирь, Шуя, Суна, Водла и т. д.

«Книга Большому Чертежу» была составлена в 1627 году в результате огромной предварительной работы по описанию и картографированию отдельных областей государства и должна была служить практическим руководством для «государевой службы посылок». Однако в последние десятилетия XVII века в ней

начинают видеть такое сочинение, которое способно удовлетворить интерес к познанию родной страны, поэтому ее включают в круг общеобразовательной литературы того времени; наконец ученые XVIII века пользуются ею и в научных целях. Все это вызвало появление на свет большого числа списков названного произведения (до нас дошло 38 списков), которые служили источником ознакомления с Карелией для определенного, конечно, еще очень узкого круга лиц⁵.

Аналогичным памятником, но только местного масштаба, является известная «Роспись Олонецким городом», составленная в 1649 году. В отличие от «Книги Большому Чертежу» местные условия отразились здесь более полно и подробно: названо гораздо больше населенных пунктов (не только крупных, но и мелких), больше содержится сведений о природе края, точнее указываются расстояния. В «Росписи Олонецким городом» мы встречаемся с постоянными указаниями на плохое состояние, а в ряде случаев на отсутствие в крае дорог. Вот один из примеров: «От Андомского погоста до Шальского погоста 70 верст... от Шальского погоста до Пудожского погоста 20 верст. А выставки из всех тех погостов расселилися по мелким озерам в розни... сухим путем дороги во все погосты есть же, пешие и конные... а тележных дорог нет»⁶.

Ряд интересных и ценных сведений о Карелии XVI—XVII веков сообщают некоторые путешественники-иностранцы, посещавшие с торговыми, дипломатическими и разведывательными целями Север Русского государства, в частности, проезжавшие и по Карелии. Описания путешествий иностранцев в ряде случаев были изданы, что в какой-то степени познакомило с Карелией зарубежных любителей и знатоков географии (хотя, конечно, в основном сведения, собранные иностранцами, предназначались не для публики, а для купцов и правителей своих стран).

Таковы в самом кратком виде итоги изучения, точнее, знакомства с Карелией за ряд столетий. Таким было положение дел к началу XVIII века, принесшего столь значительные изменения в этой области.

ГЛАВА I

ИЗУЧЕНИЕ КАРЕЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

I

Начало XVIII века в истории России ознаменовалось глубокими изменениями во всех областях жизни страны. Преобразования правительства Петра I, подготовленные всем ходом предшествующего исторического развития, явились своеобразной попыткой выскочить из рамок отсталости и ликвидировать возникшую серьезную угрозу для независимости страны.

Одним из основных способов борьбы с отсталостью явилось громадное по тем временам промышленное строительство. За первую четверть XVIII века в России возникло около 220 промышленных предприятий. В связи с рядом войн, которые вела Россия в царствование Петра I, значительно возросла потребность в металле, что способствовало развитию уральского и северо-западного металлургических районов. В результате в середине столетия Россия занимала одно из первых мест в Европе по производству железа и чугуна.

Укрепляются и расширяются торговые связи как внутри России, так и со странами Запада. Повсюду появляются ярмарки, торжки, гостиные двory, возникают новые торговые пути. В торговлю втягиваются не только купцы, но и зажиточные крестьяне, продающие как товары собственного производства, так и товары односельчан. После окончания войны со Швецией

широкие возможности открываются для экспорта русских товаров за границу. Значительно активизируется торговля с Англией, Голландией, Францией, Германией, в несколько раз возрастает торговля с Китаем.

Наконец, первая четверть XVIII века была временем создания русской регулярной национальной армии и флота, возникновения централизованного государственного аппарата.

Все это достигалось ценой дальнейшего усиления эксплуатации народных масс и прежде всего крестьянства, изнемогавшего под непосильным бременем налогов и повинностей.

Система преобразований послужила величайшим толчком для развития культуры и науки. Бурный рост промышленности и торговли ставил перед наукой многочисленные практические задачи, сближал ее с жизнью и тем самым освобождал от мертвящей опеки церкви и богословия. В стране открываются инженерные и медицинские школы, Морская академия, Академия наук с гимназией и университетом.

В первой половине века широко развернулась деятельность таких выдающихся русских ученых, как историк Татищев, географ Ремизов, математик Магницкий, первый русский писатель по вопросам народного хозяйства Посошков, выдающийся изобретатель Нартов и многие другие.

Огромный вклад в развитие науки и техники внес русский трудовой люд. Простые русские люди разведывали новые месторождения полезных ископаемых, изобретали машины, открывали и осваивали новые земли. Крестьянин Волков открыл месторождение каменного угля, на основе которого вырос современный Кузбасс. Подьячий Капустин обнаружил каменный уголь в районе будущего Донбасса. Крестьяне Костылев и Комар положили начало разработке природных богатств Алтая. Крестьянин Рябоев открыл кончезерские минеральные воды. А сколько замечательных открытий совершили безвестные люди, имена которых до нас не дошли!

Развитие производительных сил страны вызывало необходимость накопления конкретных знаний о природных и хозяйственных особенностях отдельных районов и прежде всего окраин государства. Нужно было

выяснить запасы сырья для крупной промышленности, собрать сведения о ярмарках и путях сообщения, внести ясность в состояние сельского хозяйства, изучить промыслы местного населения и т. д.

В XVIII веке не существовало еще четкого разграничения между различными отраслями знаний. Это была эпоха, когда, по выражению Энгельса, знания только превращались в науку. Поэтому ответить на все эти вопросы была призвана прежде всего география, объединявшая в себе целый комплекс знаний. В Академии наук был создан специальный географический департамент, направлявший деятельность экспедиций, определявший программы исследований, занимавшийся вопросами картографии и т. д. Исследователи, геодезисты, топографы, все те, кто работал в эту эпоху над познанием своей страны, вписали славные страницы в историю отечественной географии. Имена Ломоносова, Крашенинникова, Беринга, Ремизова, Чирикова по праву составляют славу русской науки. Не случайно труды в области географии занимают по своим результатам первое место в истории русской науки XVIII века.

В общем плане исследований первой половины XVIII столетия значительное место было отведено Русскому Северу, и в частности Карелии, интерес к которой особенно возрос в первом десятилетии века.

В 1700 году Россия начала борьбу за выход к побережью Балтийского моря, за освобождение исконных русских территорий — Прибалтики и Карельского перешейка. Это была Северная война, которая 21 год держала в громадном напряжении всю страну.

Территория Карелии оказалась в непосредственной близости к театру военных действий. В 1701—1703 годах здесь проходили дороги войны. Все это определяло интерес к краю, к его экономике и прежде всего к его полезным ископаемым, наличие которых было установлено уже давно. Металл нужен был для армии, для флота, для строительства. Основная база русской металлургии — Урал — не могла обеспечить всех потребностей, тем более, что дальность расстояния затрудняла использование всех ее возможностей. Карельские руды, хотя и уступали уральским по своему качеству, имели перед ними в сложившихся условиях громадное преимущество: они близко залегали к поверхности земли

и позволяли создать металлургическую базу в непосредственной близости от фронта.

Значительную роль в увеличении удельного веса Карелии в экономике страны сыграла и близость к ней новой столицы государства—Петербурга. Заказы для столичныхстроек получала не только металлургическая промышленность края, но и другие отрасли хозяйства. С ними, в частности, связаны разработка минеральных строительных материалов, развитие лесопильной промышленности и т. д.

Развитие экономики края, и прежде всего металлургической и горнодобывающей промышленности, требовало глубокого предварительного изучения местных ресурсов. Оно шло по различным линиям, но все они способствовали более глубокому познанию Карелии. Правда, в первой половине XVIII века здесь было сравнительно мало специальных экспедиций и исследований. Основную работу по изысканию полезных ископаемых выполняли местные крестьяне-рудознатцы. Но такое положение было характерно для всей страны. Научные исследования и обобщения собранных сведений производились главным образом во второй половине века, когда географическая наука стала на новую, более высокую ступень.

Таким образом, изучение Карелии в первой половине XVIII века стояло в тесной связи с бурными событиями этого времени, которые наш край переживал вместе со всей страной.

2

Известную роль в изучении Карелии сыграли мероприятия, проведенные на территории края в связи с непосредственными нуждами войны. К их числу следует прежде всего отнести сооружение знаменитой «Осударевой дороги». В 1702 году была осуществлена переброска двух военных судов и около 4000 солдат из района Белого моря в Ладожское озеро через Онежское озеро и реку Свирь. В результате громадных усилий тысяч карельских крестьян через леса и болота был проложен путь от Нюхотской пристани на Белом море до Повенца на Онежском озере. Население назвало это сооружение «Осударевой дорогой». Следует отметить,

что трасса «Осударевой дороги» только на небольшом отрезке совпадала с линией старой дороги от Повенца к Белому морю, известной еще с новгородских времен, но не пригодной для решения поставленной задачи⁷.

Мы не знаем, проводились ли руководителем строительства Щепотевым какие-нибудь предварительные изыскания в связи со строительством «Осударевой дороги», но надо полагать, что они были и в известной мере тоже способствовали изучению края. Наконец, существует, по-видимому, вполне обоснованное мнение, что во время перехода по этой дороге Петр I собирал сведения о месторождениях руд. Ведь не случайно именно в этом районе был построен Алексеевский металлургический завод, а затем еще три небольших предприятия.

Первая в XVIII веке специальная экспедиция для изучения возможностей промышленного строительства в Карелии была направлена из Москвы в 1702 году. Во главе экспедиции стояли горный мастер Блюэр и дозорщик Патрушев. Всего в ее состав входило 14 человек. К сожалению, почти никаких достоверных сведений о деятельности экспедиции Блюэра — Патрушева не сохранилось. Известно только, что изыскания велись вблизи Онежского озера. Особенно обстоятельно было обследовано устье Лососинки, после чего экспедиция поднялась вверх по течению реки до Машезера и озера Лососинного.

В результате Блюэр и Патрушев остановили свой выбор места для строительства завода на устье Лососинки. При этом учитывалось наличие близких залежей железной руды и обилие богатого строительного и топливного материала. Немаловажную роль сыграли также и особенности течения быстрой и порожистой Лососинки, поскольку на будущем заводе следовало установить водяные двигатели. Наконец, в расчет было принято и то обстоятельство, что среди окрестного населения было значительное количество крестьян, издавна занимавшихся железоделательным промыслом, в частности, добычей руды, что обеспечивало завод сравнительно квалифицированной рабочей силой⁸.

Материалы исследований были отправлены в Москву. Для того чтобы окончательно определить целесообразность и место постройки нового завода, в Карелию при-

ехал мастер горного дела Яков Власов, который должен был уточнить данные, собранные Блюэром и Патрушевым. Он проделал тот же путь, что его предшественники, убедился, что Машезеро и озеро Лососинное обеспечивают достаточный запас воды для будущей плотины, подтвердил и прочие выводы экспедиции Блюэра—Патрушева. В результате поездки Якова Власова вопрос о постройке завода в устье Лососинки был решен окончательно. В последних числах августа или в самом начале сентября 1703 года состоялась закладка завода.

Поиски полезных ископаемых велись и в других районах края, о чем неоднократно сообщала первая печатная русская газета «Ведомости». Так, в февральском номере за 1703 год газета указывала, что «В Олонецком уезде в Фоймогубской волости в камени найдена медная руда... да в том же Олонецком уезде в Фоймогубской волости в каменной горе сыскана же самородная медь и набрано ее многое число плитами... и по опытам из той руды и самородной меди медь самая добрая — красная».

В январе 1704 года «Ведомости» сообщали об открытии железных руд в Шуйском и Толвуйском погостах и Шокшинской волости. Иногда уточнение разведок уже известных месторождений приводило к открытию новых залежей. В декабрьском номере той же газеты за 1706 год опубликована реляция о том, что «близ новопетровских заводов, что на Онеге озере, в прежде приисканных местах найдена медная руда... и выняли той руды верхней и жилкой мелкой, и в валючем камени с две тысячи пуд».

Мы не знаем имен участников этих разведочных поисков. Однако нет сомнения, что почти все эти открытия, как и более поздние, были произведены местными крестьянами-рудознателями.

На базе известных ранее, а также вновь открытых месторождений возникали новые предприятия. Небольшой медеплавильный завод был построен в Фоймогубской волости. В 1706 году был построен Кончезерский медный завод.

Вблизи заводов возникали населенные пункты. Крупнейшим из них была слобода Петровского завода. На строительство Петровского завода были собраны

сотни людей. Вначале они жили в шалашах и мазанках, и только для иностранных мастеров было построено несколько домиков. Впрочем, и эти домики были, по-видимому, построены на скорую руку. Управляющий заводами А. С. Чоглоков в письме к первому олонецкому коменданту Яковлеву писал в апреле 1705 года, что «иноземцы непрестанно приходят с криком, что все переязбли без оконниц...» С весны 1705 года, когда строительство завода было в основном закончено, началась постройка жилого поселка. В Центральном государственном архиве Военно-Морского флота сохранился интересный документ «Описание хоромного строения. Олонецкие Петровские заводы генваря 1713 года»⁹. Это описание завода и слободы, составленное новым комендантом Олонецких заводов Лукьяном Сытиным,— первое описание будущего Петрозаводска.

В центре слободы стояла крепость с шестью батареями. Там, где теперь улица Карла Маркса упирается в площадь Кирова, был расположен гостиный двор. Для «оружейных мастеров» было построено «122 житья теплых, длиною и шириною по четыре сажени и меньше». Такая же группа барачков, только несколько меньших размеров, предназначалась для размещения «молотовых и доменных мастеров и подмастерий и прочих заводских слугителей».

Жилые дома частных лиц стояли отдельно, в основном по дороге, ведущей от крепости к пристани, и вдоль Онежского озера.

В описи имеется и упоминание домов гостиничного типа: «четыре дома про проезд, в них теплых житий 36». Это любопытное свидетельство оживленной жизни Петровской слободы. По-видимому, число лиц, приезжавших по различным делам на завод, было довольно велико.

Слобода быстро росла. К 1717 году в ней насчитывалось уже около 600 дворов с населением до трех тысяч человек. Здесь находились контора Олонецких Петровских заводов, две технические школы, в одной из которых обучали детей дворян «для присмотра и науки к заводским делам», в другой — готовили будущих мастеровых для завода. В слободе были многочисленные лавки, харчевни, две церкви, а при заводе — тюрьма.

После окончания Северной войны производство на заводе значительно сократилось, большинство постоянных работников было переведено на вновь построенный Сестрорецкий завод и на Урал. После закрытия завода, в 1734 году, слобода еще более обезлюдела. Положение изменилось только через несколько десятилетий, в связи со строительством Александровского завода, когда бывшая Петровская слобода была возведена в ранг города и получила наименование Петрозаводск.

3

В середине второго десятилетия XVIII века богатства недр карельского края раскрылись с новой стороны. Недалеко от Петрозаводска были открыты целебные минеральные источники, получившие наименование Марциальных вод.

Зимой 1714 года карельский крестьянин Иван Рябоев, страдавший, по его собственным словам, «сердечной болезнью», обнаружил в 9 верстах от деревни Кончезеро источник, вода из которого приносила ему облегчение. Через некоторое время об этом узнал олонецкий комендант и начальник горных заводов Геннин. Он сразу же оценил значение открытия Рябоева. Дело в том, что еще за несколько лет до этого Петр I во время одного из посещений местных заводов предложил произвести работы по изысканию минеральных вод. Под руководством некоего доктора Шуберта поиски были проведены, но безрезультатно.

Геннин, разумеется, не назвав имени Рябоева, сообщил об открытии источника в Петербург. Там это сообщение было встречено с большим интересом, и по приказанию Петра в октябре 1717 года в Карелию приехал для исследования минеральных вод Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост.

Блюментрост с полным правом может быть назван одним из первых исследователей Карелии. Сын врача, он родился и вырос в России. С 1714 года служил придворным врачом, заведовал императорской библиотекой и кунсткамерой. Блюментрост принимал активное участие в составлении проекта учреждения Академии наук, а с 1725 года стал первым ее президентом.

Л. Л. Блюментрост

Крупный ученый и выдающийся врач, Блюментрост выступил активным сторонником создания на базе Марциальных вод первого в России курорта. Он произвел химический анализ источника и подтвердил его целебные свойства. Имеются сведения, что Блюментростом была написана в этой связи специальная работа, однако полностью она опубликована не была, и мы знаем о ней только по переписке.

При участии Блюментроста были разработаны подробные правила для приезжающих на лечение и опуб-

ликван список первых пациентов, излечившихся на курорте от болезней. Этот список должен был рассеять последние сомнения в целительных свойствах олонцких минеральных вод.

Так, «некая жена Елена Анцыферова, 50 лет, у которой была близь шести годов болезнь в диафрагме и в непрестанном тосковании, у ней же была скорбь в голове, також и в хребте; к тому же имела многие себе беспокойства; и когда помянутой воды несколько дней пила, и стало ей быть многим легче и получила доброе вкушение и желание к естве и ко сну, спокойство и умаление во всей болезни».

Источник помог и «шинкарному дела мастеру» Кириаму, который «не имел целый год в естве вкусу и во всяких пищах противность, к тому же была во всех суставах тягость великая и ночные беспокойства и в лице цвет бледный, и когда несколько дней оной воды пил, получил в пище вкушение и ко сну успокойство и сила повседневно стала умножаться».

Блюментрост освидетельствовал многих больных и признал воды весьма полезными для излечения ряда болезней.

Любопытна последующая судьба источников. Во второй четверти века олонцкие Марциальные воды были преданы забвению. Затем о них вспомнили в 1752 году, и в июле месяце туда отправили провизора Санкт-Петербургской главной аптеки Бера с аптекарским учеником Николаем Скудовым. Согласно инструкции, Бер должен был описать местность, где находятся воды, исследовать их «по регулам физической и химической наук».

Вернувшись из поездки, Бер представил обстоятельное описание района источника с указанием дорог, расстояний и т. д. и высокой оценкой Марциальных вод. В следующем году исследование было повторено зимой. Однако стоявший тогда во главе Медицинской канцелярии Бургаав сделал все возможное для того, чтобы закрыть источник. Объясняется это просто: голландец Бургаав опасался возможного сокращения ввоза минеральных вод из-за границы, и в частности из Амстердама. В результате многочисленных комбинаций и под-

логов ему удалось подорвать доверие к выводам Бера, и попытка возродить курорт на Марциальных водах успехом не увенчалась¹⁰.

4

В конце 20-х годов XVIII века Академия наук снарядила свою первую научную экспедицию. Во главе ее стал Людовик Делиль де ля Кройер, старший брат известного астронома и географа Иосифа-Николая Делиля. Цель экспедиции заключалась в определении географического положения различных пунктов северной части Европейской России и Сибири.

Первоначально поездка де ля Кройера планировалась очень широко. В сопровождении двух геодезистов, из которых один (Яков Фелисов) уже бывал на Севере, он должен был проехать через Карелию в Архангельск, оттуда в «Русскую Лапландию» (на Кольский полуостров), затем вернуться в Москву и завершить свои исследования в Сибири. Однако дело ограничилось выполнением только первой части задуманного плана.

В марте 1727 года де ля Кройер выехал из Петербурга и через три года вернулся обратно, посетив северную Карелию, Архангельск, Колу и некоторые другие районы Русского Севера. В ходе поездки он действительно произвел ряд широтных определений, в том числе и нескольких пунктов, находящихся на территории Карелии. Однако научные итоги экспедиции по существу этим были исчерпаны, так как долготу де ля Кройер сумел определить только для Архангельска. В результате после возвращения экспедиции де ля Кройеру были даже предъявлены обвинения в неудовлетворительности результатов его работы¹¹. Судя по отзывам современников, де ля Кройер был ученым весьма посредственным; геодезисты, которые должны были принять участие в путешествии, поехать не смогли, и в итоге первая научная экспедиция Академии наук (и первая научная экспедиция на территории Карелии) не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Во второй четверти века продолжают работы по исследованию и освоению сырьевых богатств Карелии. Прежде всего следует упомянуть о трудах Дмитрия Ивановича Виноградова (1717 или 1720—1758 гг.) —

изобретателя русского фарфора. Талантливый инженер и ученый, друг, соученик и сподвижник Ломоносова, Д. И. Виноградов проделал огромную работу, чтобы выяснить способы изготовления фарфора, которые в то время хранились в строгом секрете. В результате ряда опытов им был создан первый отечественный фарфор.

Для успешного решения задачи Виноградову требовалось высококачественное сырье, которое и было обнаружено в Карелии,—чистый кварц и подходящие виды глин. Олонецкий кварц (в особенности с Сондозерского рудника) становится с 1745 года постоянной составной частью фарфоровой массы, изготавливавшейся по рецептам Виноградова. Для растирания кварца в порошок потребовался специальный жернов, также из кварца. По-видимому, такой жернов был доставлен Виноградову из Карелии. Наконец, известные своими жаростойкими качествами андомские глины тоже использовались в фарфоровом производстве по инициативе Виноградова.

Особенно интересен тот факт, что, по имеющимся сведениям, Виноградов состоял в переписке с местными горными инженерами, которые хорошо знали край и могли помочь в деле отыскания нужных материалов¹².

В 30—50 годах поиски полезных ископаемых приобретают еще более широкий размах. Как и в первой четверти XVIII века, они осуществляются главным образом крестьянами. Так, в 1733 году крестьянин Шунгского погоста Игнатий Федосеев обнаружил недалеко от Шуньги месторождение свинца. В том же году свинцовый рудник был найден кижскими крестьянами Антоном Ивановым и Михаилом Бабушкиным. В 1737 году крестьянин Воицкой волости Тарас Антонов открыл Воицкпй рудник. В 1739 году мунозерский крестьянин Иван Кушников открыл месторождение серебряных руд.

В дальнейшем открытия совершались почти ежегодно. В большинстве случаев это были небольшие месторождения меди, свинца, серебра, и только в 1764 году в нескольких верстах от деревни Тивдии крестьянин Иван Григорьев и купец Мартьянов «отыскали мраморную гору». Через несколько лет там были

открыты знаменитые Тивдийские мраморные ломки, поставлявшие мрамор на постройку Исаакиевского собора в Петербурге.

К середине 80-х годов XVIII века, по данным «Топографического описания» Тутолмина, насчитывалось «в разные времена отысканных и разработанных рудников: золотых 1, свинцово-серебряных 51, из них опробованных и разработанных 24... медных 533, из них 229 опробованы и разработаны... железных 177, из них опробованы и разработаны 49, опробованы, но не разработаны 102, неопробованы и неразработаны 26». При этом следует учитывать, что абсолютное большинство открытий падает на первую половину века.

5

Ко второй половине 20-х годов XVIII века относится первое, хотя и очень краткое, описание Карелии.

В 1727 году выдающийся русский географ Иван Кириллович Кирилов (1689—1737 гг.) написал книгу «Цветущее состояние всероссийского государства». Труд Кирилова, охвативший все губернии и провинции страны, был составлен главным образом на основе архивных материалов и представлял собой первое статистико-географическое описание России. В сочинении в виде таблиц, ведомостей или сводок сведений с краткими примечаниями, а иногда и в виде материала, имеющего описательно-географический характер, давалось представление о состоянии промышленности, сельского хозяйства, путей сообщения, вооруженных сил и т. д. Большой интерес представляет раздел о городах: «какого строения оные и при каких реках или при море, а о некоторых и времена, в которые оные построены», и о «заводах и фабриках».

Современникам труд Кирилова был известен только в рукописи. Опубликован он был лишь в 1831 году.

Карелия отражена в сочинениях Кирилова на нескольких страницах, посвященных описанию Олонецкого уезда.

Дав краткую характеристику Олонцу и отметив, что «прежде воеводы живали в Олонце, а ныне на Петровских заводах», Кирилов переходит к описанию промышленности края. «Ведомства Адмиралтейского Оло-

нецкие Петровские заводы на устье реки Лососинки подле Онежского озера расстоянием от города (Олонца — Е. Э.) 133 версты. Зачали те заводы строить в 1703 году, на тех заводах имеются домны, в коих плавят железную руду и молотами делают железо прутное, также литье пушек и прочих артиллерийских и адмиралтейских припасов».

Затем следует описание Повенецких заводов «подле Онеги же озера», Кончезерских заводов, а также частного завода Овчинниковых, при этом обычно указывается число занятых на заводе мастеровых.

Упоминает Кирилов и «минеральные лечительные воды, при которых сделан дом и особливые покои для приезжающих пользоваться».

Таким образом, в сочинении Кирилова Карелия впервые вошла в общерусское описание. Если при этом учесть общепризнанную точность приведенных в книге сведений, то «Цветущее состояние всероссийского государства» следует признать и полноправным источником по истории промышленности Карелии в первой четверти XVIII века.

Говоря об изучении Карелии в первой половине XVIII века, следует в заключение отметить, что территория края была достаточно подробно представлена на современных картах.

В XVIII веке русская картография достигла ряда замечательных результатов. Московская математико-навигационная школа, открывшаяся в 1701 году, дала стране целую плеяду выдающихся геодезистов, топографов, гидрографов, межевых инженеров. Многие из них работали в экспедициях, другие принимали участие в составлении карт и межевых работах, в результате чего впервые были четко установлены местоположения многих населенных пунктов, границы губерний, очертания водоемов.

В 1720 году, когда были подготовлены необходимые кадры геодезистов и топографов, Петр I приступил к осуществлению давней своей мечты — провести планомерную съемку территории всего государства с целью составления первой точной географической карты страны.

В начале 1721 года после проведения необходимых подготовительных мероприятий геодезисты приступили

к составлению ландкарт. Согласно инструкции, они должны были «измерять и записывать» точные расстояния между населенными пунктами, «писать каждые города и каждые села и деревни и реки, откуда которая вытекла и в которую реку впала, также и озера и из них реки и леса и поля». Интересно, что в целях ускорения работ предписывалось сочетание инструментальных съемок с широким использованием расспросных сведений¹³.

Работа геодезистов проходила в чрезвычайно трудных условиях. Часто портились еще несовершенные инструменты, а починить их на месте далеко не всегда представлялось возможным; не хватало бумаги, туши. Зброшенные в самые отдаленные уголки страны геодезисты редко получали вовремя жалование. И все же, несмотря на все эти трудности, геодезисты создали в эти годы ряд замечательных карт, которые затем легли в основу первых русских атласов.

Государственная съемка охватила и территорию Карелии. Здесь работал один из наиболее талантливых русских геодезистов первой половины XVIII века Аким Клешнин.

Клешнин был в числе первых питомцев «навигационной школы». Окончив ее, он стал преподавателем и получил звание «подмастерье геодезии». О его знаниях в области геодезии свидетельствует, в частности, инструкция, составленная им в дополнение к официальной академической инструкции для геодезических работ. Клешнин подробно описал начало съемок и некоторые приемы определения положения пунктов. Документ кончается следующими словами: «Сие сочинил себе с примеру данных пунктов посланным в губернии геодезистам для лучшего описания и означения в ландкартах, а из Академии им посланным сего дано не было. Подписал сие геодезии подмастерье Аким Клешнин».

У Клешнина был громадный опыт и практических работ. Еще до приезда в Карелию он составил ландкарту границы между Россией и Швецией и ландкарту Выборгского уезда. Позднее он производил съемки в Архангельской и Вологодской губерниях.

Территория Карелии частично была нанесена на карты XVIII века и до Клешнина. Так, в начале столетия гравер Адриан Шхонбек выполнил «Географический

чертеж над Ижорской землей со своими городами, уездами и проч.». В него вошла и часть Карелии. Сохранилось несколько карт под названием «Ингерманландия и Карелия», но в них отображена лишь небольшая часть той территории, которая относится к современной Карелии, а именно северо-западное побережье Ладожского озера.

В 1728 году Клешнин составил первую карту Олонецкого уезда, выполненную на основе инструментальной съемки*. Карта эта хранится в картографическом отделе Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде в составе так называемого «Атласа Кирилова» 1734 года и представляет большой научный интерес. Карта Клешнина отличается исключительной для своего времени полнотой и точностью. На нее нанесено около 850 названий населенных пунктов, заводов, озер, рек. Достаточно указать, что более пятидесяти населенных пунктов отмечено только на территории нынешнего Заонежья (среди них Великая Губа, Толвуя, Типиницы, Кузаранда, Вырозеро и др.). Столь же подробно нанесены на карту районы Пудожа, Петрозаводска и Повенца, т. е. территорий, прилегающих к Онежскому озеру.

Клешнин определил такое количество населенных пунктов, что поместить все их названия на карту было невозможно. Поэтому на месте многих сел и деревень стоят кружки и цифры, соответствующие названиям, вынесенным за пределы самой карты. Многие населенные пункты на карте Клешнина отмечены впервые.

Менее подробно изображена северная Карелия. Самая северная точка, нанесенная на карту, Кестеньга.

Карты Клешнина высоко оценивались современниками. Даже академик Делиль, весьма скептически относившийся к русским геодезистам, писал о Клешнине, что «он свое дело разумел изрядно» и «весьма точен в своих чертежах».

Благодаря точности нанесенных границ и обилию населенных пунктов карта Клешнина по справедливости может быть отнесена к важным источникам по истории Карелии первой половины XVIII века, и остается жаль, что этот источник до сих пор не использован историками.

* См. вкладку.

В 1745 году был напечатан «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями...» В состав «Атласа» вошла и карта Олонецкого уезда, которая по существу мало чем отличалась от карт Клешнина, хотя внешне была оформлена более тщательно.

Таким образом, карты 1728 и 1745 гг. свидетельствуют не только о значительных успехах отечественной картографии, но и о большой работе, проделанной русскими геодезистами по исследованию Карелии.

Итак, подводя итоги изучения Карелии в первой половине XVIII века, мы прежде всего должны отметить тот большой вклад, который был внесен самим народом, местным населением, в дело исследования своего края. Открытия Рябоева, Антонова, Григорьева, Федосеева и многих других — драгоценное свидетельство неиссякаемой народной энергии, проявление заботы о будущем края, о его промышленном и культурном развитии.

Научное, в собственном смысле слова, изучение Карелии в этот период времени проводилось сравнительно слабо. К положительным результатам его по существу могут быть отнесены только работы Блюментроста, Виноградова и особенно Акима Клешнина.

Положение коренным образом меняется во второй половине столетия, когда Карелию посещает ряд выдающихся русских ученых, когда появляются первые «описания» края, в которых обобщается громадный материал, накопленный усилиями десятков и сотен людей. Все это явилось отражением тех новых задач, которые стояли перед русской наукой в этот период.

Во второй половине XVIII века в экономике России происходят дальнейшие изменения. Увеличивается удельный вес наемного труда, особенно в обрабатывающей промышленности. Расширяются посевные площади. Растут торговые связи внутри страны и за ее пределами. Происходит расслоение городского и сельского населения, из которого выделяется сельская буржуазия и обедневшая масса крестьян. Все это было свидетельством того, что в недрах феодально-крепостнической системы зарождаются новые, капиталистические отношения, начинается разложение крепостного строя.

Развитие экономики вызывало необходимость более глубокого географического и народнохозяйственного изучения России. Экономические вопросы все сильнее привлекают внимание правительства, они широко обсуждаются на страницах периодической печати, стоят в центре деятельности научных учреждений.

Однако разработка всех этих проблем оказалась связанной с большими трудностями и прежде всего с тем, что в знаниях об экономической жизни ряда районов, особенно окраин страны, было еще очень много «белых пятен». Отрывочных сведений теперь уже стало недостаточно, понадобились систематизированные данные, чтобы на основе их воссоздать картину действительного состояния внутреннего рынка, перспектив развития промышленности, сельского хозяйства и т. д.

Первой ступенью в решении поставленной задачи должно было стать накопление фактического материала. Работа эта шла по различным путям: научные учреждения рассылали по всей стране анкеты и запросы; издавались новые карты; с 60-х годов с особой силой развернулась экспедиционная деятельность Географического департамента Академии наук. Ряд академических экспедиций (И. И. Лепехина, П. С. Палласа, С.-Г. Гмелина, Э. Лаксмана, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева и др.) провели всестороннее научное обследование Сибири, южных районов страны, просторов Русского Севера. Они доставили в Петербург исключительно ценные материалы по различным отраслям наук, статистические сведения, иногда обширные путевые дневники, в которых подробнейшим образом фиксировались все наблюдения, сделанные во время поездок.

В 80-х годах проводится большая работа по созданию топографических описаний губерний и отдельных городов. В соответствии с общей практической направленностью всех мероприятий топографические описания повествуют не только о географии района, его флоре, фауне, почвах, климате, но и о промышленности, сельском хозяйстве, промыслах местного населения.

Наконец, по всей стране ведут работу местные историки и краеведы, все те, кому дорого прошлое и будущее страны.

На этот же период приходится и пробуждение систематического научного интереса к Карелии. Если

в предшествующее время Карелию исследовали лишь спорадически, от случая к случаю, то теперь изучение ее принимает гораздо более организованный и основательный характер. Это было связано, помимо всего прочего, и с могучим воздействием идей великого русского ученого М. В. Ломоносова, призывавшего к тщательному изучению Севера нашей страны.

Огромные научные заслуги Ломоносова, его необычайная разносторонность и выдающаяся эрудиция в самых различных областях теоретических и прикладных наук обусловили то поистине громадное влияние, которое он оказал на развитие русской науки. Именно Ломоносов высказал и подчеркнул мысль о необходимости тщательного изучения Европейского Севера. «Краткое описание путешествий по северным морям» (особенно раздел об архангельском мореходце Корнилове) свидетельствует о глубоком интересе Ломоносова к Русскому Северу. «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура», — писал Ломоносов в трактате «О слоях земных». Эти слова во многом определили для ряда русских ученых направление их будущих исследований. На призыв Ломоносова отозвались И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, В. В. Крестинин, П. Б. Иноходцев и многие другие.

Среди путешественников — исследователей Русского Севера были профессиональные ученые, были и просто любители, но всех их объединяло одно — живой интерес к Северу, его бескрайним живописным просторам, его неизведанным природным богатствам. Благодаря им Север стал одной из областей, включенных в сферу научных и практических интересов русского общества.

В путевых дневниках, рапортах и описаниях путешественников значительное место отведено и Карелии. Ее своеобразная природа, богатство недр, особенности экономического развития, сложный этнический состав, культура — все это в той или иной мере нашло свое отражение в их трудах. Обильный, разнообразный и зачастую очень ценный материал может найти там и историк, и геолог, и этнограф, и ботаник.

Написанные на основе личных наблюдений сочинения путешественников подкупают своей обстоятель-

ностью, правдивостью, стремлением способствовать развитию края.

Разумеется, на их работах лежит печать классовой ограниченности. Тщетно мы стали бы искать в них сведения о крестьянском движении, даже о таком крупном событии в жизни края, как Кижское восстание 1769—1771 годов, или правильного решения проблем исторического прошлого Карелии. Нельзя не учитывать и того, что исследователи Карелии, как, впрочем, и абсолютное большинство ученых XVIII века, стояли на идеалистических позициях. Поэтому они не могли, а зачастую и не пытались объяснить те или иные процессы, а обычно лишь фиксировали отдельные факты.

Однако это не может снизить значения научного наследия Лепехина, Лаксмана, Озерецковского и других исследователей. Все они были людьми своего века, когда один лишь зачинатель русской революционной мысли А. Н. Радищев сумел возвыситься до понимания того, каким благом была бы для России революция.

Сравнивая же результаты их трудов с исследованиями первой половины столетия, мы увидим, какой большой вклад внесли они в науку.

Первым крупным ученым, принявшим деятельное участие в изучении Русского Севера на основе экспедиционных исследований, был академик И. И. Лепехин. С него мы и начинаем наш рассказ об изучении Карелии во второй половине XVIII века.

ГЛАВА II

И. И. ЛЕПЕХИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ

I

Выдающийся русский ученый-патриот, последователь М. В. Ломоносова, Иван Иванович Лепехин родился 10 сентября 1740 года. Отец его был рядовым солдатом Семеновского полка, из однодворцев. Заметив в мальчике склонность к учению, он с большим трудом добился приема сына в гимназию при Академии наук в Петербурге, куда Лепехин был зачислен весной 1751 года с жалованьем 12 рублей в год. Уже первые годы учения определили склонность Лепехина к естественным наукам. Этот вкус к «натуральной истории» привил молодому Лепехину замечательный русский ученый и путешественник, ученик и друг Ломоносова, С. П. Крашенинников (1711—1755), бывший в первые годы учения Лепехина ректором гимназии и университета при Академии наук. С основным трудом Крашениникова «Описание земли Камчатки», вышедшим уже после смерти автора, Лепехин познакомился еще в гимназические годы. Эта книга послужила как бы образцом в последующих работах самого Лепехина.

Девять лет пробыл Лепехин в гимназии, отсюда он вынес отличное знание иностранных языков и основательное знакомство с начатками тех наук, которые там преподавались. Это дало ему возможность в январе

И. И. Лепехин

1759 года поступить в академический университет, где он слушал лекции лучших русских ученых-академиков по различным отраслям науки, особенно увлекаясь химией. Учился Лепехин прекрасно, и уже в сентябре 1762 года для завершения образования и приобретения ученой степени он был отправлен Академией за границу—в Страсбург. В Страсбургском университете, помимо занятий на медицинском факультете, он слушал лекции

и посещал практические занятия известных в то время ученых — Шпильмана и Лобштейна, но главным образом работал самостоятельно. Именно самостоятельные занятия, далекие загородные экскурсии, внимательное изучение литературы дали Лепехину ту огромную эрудицию, широту и глубину знаний и суждений, которыми он отличался впоследствии. Живя в Страсбурге, студент Лепехин не был оторван от родины, несмотря на то, что многие версты отделяли его от нее. По просьбе академика А. П. Протасова русским студентам за границей присылались труды отечественных ученых, среди которых первое место занимали работы Ломоносова и Крашенинникова.

В мае 1767 года Лепехин успешно защитил диссертацию и ему была присвоена ученая степень доктора медицины, а осенью того же года он вернулся в Петербург и вскоре был избран адъюнктом Академии наук. С этого времени началась его служба в Академии, которая не прерывалась до самой смерти.

В 1768 году произошло событие, которое во многом определило дальнейшую жизнь Лепехина как ученого: он был назначен руководителем одного из отрядов так называемой «Оренбургской посылки», экспедиции, принятой по решению Академии наук в различные районы России. В путешествии Лепехин провел почти пять лет (1768—1772 гг.).

В 1771 году, находясь еще в экспедиции, Лепехин был избран академиком. По возвращении из экспедиции он занимался обработкой своих наблюдений и выпустил при жизни три части своего основного труда «Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства». Работу над четвертой частью он только начал, но завершить не успел. Эта часть, посвященная как раз описанию Севера Европейской России, была выпущена в свет после смерти Лепехина его учеником академиком Н. Я. Озерецковским и содержала то немногое, что написал сам Лепехин, а также материалы Озерецковского, Крестинина и Фомина.

Помимо службы в Академии наук, Лепехин много работал в учрежденной в 1783 году Российской Академии, центре языковедческих исследований в России в то

время*. Он участвовал в составлении академических словарей, был редактором большинства томов корневого словаря, секретарем Российской Академии.

Много сил отдал Лепехин и педагогической работе, заведывая в течение многих лет (с 1777 по 1794 гг.) академической гимназией.

Жил Лепехин очень скромно, на одно жалованье. За заведование гимназией он никакой платы не получал. После его смерти не осталось почти никакого имущества. Его вдова и сын оказались в нищете и вынуждены были продавать книги ученого.

Умер Лепехин 6 апреля 1802 года¹⁴.

2

Чтобы понять, что привело Лепехина в Карелию, нужно хотя бы в основных чертах припомнить маршрут его экспедиции 1768—1772 гг.

8 июня отряд Лепехина двинулся из Петербурга в далекий путь. Кроме самого Лепехина, в составе отряда были гимназисты Николай Озерецковский (18-ти лет), Тимофей Мальгин (16-ти лет) и Андрей Лебедев, рисовальщик Михаил Шалауров и чучельщик Филипп Федотьев.

В подорожной, полученной Лепехиным от Академии, был указан маршрут его экспедиции: Москва—Симбирск — Самара — Царицын — Гурьев — Оренбург—Екатеринбург — Тобольск (крайний пункт) — Верхотурье — Соликамск — Хлынов — Казань — Нижний Новгород — Ярославль.

В течение первых трех лет Лепехин твердо придерживался назначенного маршрута. Четвертый год путешествия (1771 год) он встретил в Тюмени. Перед ним встал вопрос о маршруте возвратного пути, так как основные работы уже были выполнены. Хотя крайним пунктом путешествия был назначен город Тобольск, Лепехин остановился на зимовку в Тюмени, не доехав до Тобольска скорее всего потому, что туда направилась экспедиция под начальством П. С. Палласа,

* Российская Академия просуществовала до 1841 года, когда была преобразована в отделение русского языка и словесности в составе Академии наук.

руководившего вторым отрядом «Оренбургской посылки». С другой стороны, Н. П. Рычков уже обследовал к этому времени (в 1769 и 1770 гг.) районы Вятки и Казани, и Лепехину уже не имело никакого смысла возвращаться в Петербург через них.

Именно теперь представилась возможность внести серьезный корректив в ранее составленный план и осуществить завет Ломоносова, призывавшего обратить внимание на изучение Европейского Севера. У Лепехина возникла мысль совершить путешествие через Крайний Европейский Север, через Архангельск, обследовать этот район, добыть сведения «о продуктах Белого моря». Таким образом, «обратный путь» превращался в новый этап экспедиционных работ, в сущности в особую экспедицию, первую экспедицию с научными целями в этот обширный и до тех пор необследованный край.

Это было смелое и безусловно правильное решение. И впоследствии, спустя пять лет после описываемых событий, Лепехин продолжал настаивать на необходимости более основательного и систематического исследования Русского Севера. В одном из писем в Академию наук (от 22 августа 1776 года) он писал: «Я думаю, что и ближайшие наши провинции не менее заслуживают внимания, как и самые отдаленные, а открытия в них перед отдаленными гораздо полезнее могут быть».

Лепехин составил план северного маршрута своей экспедиции («роспись езды») и послал его из Тюмени 8 ноября 1770 года на утверждение Академии. План был одобрен.

Но, чтобы не упустить драгоценного времени, уже в январе 1771 года Лепехин отправляет в Архангельск Озерецковского, в мае — Мальгина, а вскоре выезжает и сам (через Соликамск, Слободской, Усть-Сысольск, Яренск и Великий Устюг). В Архангельск он прибывает 30 августа 1771 года.

Конец 1771 и начало 1772 года Лепехин и его спутники провели в Архангельске. Здесь Лепехин составил план путешествия на 1772 год, который был также одобрен Академией. Этим планом предусматривалось, что сам Лепехин, студент Лебедев и рисовальщик Шалауров объедут все берега Белого моря, «стараясь не упустить ни одного острова без осмотра, ибо искусство довольно доказало, что и самые глубочайшие северные

Маршрут экспедиции И. И. Лепехина в 1772 году

страны изобилуют высокою металлов породою, примером Медвежьего острова и Трех островов»¹⁵.

В самом деле, отплыв на баркасе из Архангельска 18 июня 1772 года, Лепехин двигался вдоль Летнего Берега Белого моря и последовательно побывал в устье р. Солвы, в устье р. Сюзьмы, в Унской губе, в селе Яренга, на островах Сокжинском (или Жокжинском, ныне Жижгинский), Анзерском и Соловецком. Этот отрезок маршрута описан в IV части его «Дневных записок», изданных Н. Я. Озерецковским в 1805 году

под названием «Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772».

Долгое время дальнейший маршрут экспедиции Лепехина после Соловецких островов оставался неизвестным. Лишь в сравнительно недавнее время, в 1934 году, В. П. Тарановичем были обнаружены важные документы, проливающие свет на этот вопрос. (Опубликованы они в «Трудах Института истории науки и техники АН СССР»). Это краткие донесения Лепехина о проделанной экспедиционной работе. Их всего три. Первое и третье отправлены из Архангельска, второе — особенно для нас важное — из села Умбы. В результате изучения этих материалов выяснилось, что Лепехин весьма интересовался Карельским Поморьем и предпринял поездку с целью его обследования.

После Соловков Лепехин продолжал свое путешествие по маршруту: о-ва Кузева, Кемь, Кереть, Кандалакша, устье р. Умбы, вдоль Терского Берега, устье р. Пялицы, Поной, Три острова, устье р. Майды (на Зимнем Берегу), о. Моржовец, устье р. Кулоя, устье р. Мезени, далее по рекам Неси и Вижасу до устья последней, по Канину п-ову до мыса Никулина (ныне Микулин), далее по рекам Кулою, Пинеге и Северной Двине в Архангельск, которого путешественник достиг 21 сентября 1772 года.

Озерецковский в это время провел ряд самостоятельных исследований, в частности, на Кольском полуострове.

В Петербург вся экспедиция возвратилась — через Холмогоры, Каргополь и Ладогу — 25 декабря 1772 года. Велись ли на этом пути какие-либо научные наблюдения, точно не известно. Известно лишь, что Лепехин собирался обследовать «места, между городами Архангельским и Санкт-Петербургом лежащие».

Изучение Карельского Поморья было начато Лепехиным с Кеми. На маленьком суденышке в бурную погоду отважный путешественник шел к намеченной цели. Он и его спутники мужественно переносили все невзгоды тяжелого пути. В рапорте, посланном из деревни Умбы 25 июля 1772 года, Лепехин писал: «Бурливые ветры на малом нашем суденышке нередко делают нам притеснения, однако дальней крайности

еще не видали».— Это единственная фраза о трудностях путешествия.

Познакомимся ближе с маршрутом Лепехина по Карельскому Поморью. По коротеньким строчкам его рапортов в Академию наук очень трудно судить о конкретных результатах исследовательских работ в этом районе. Однако некоторые данные, имеющиеся теперь в нашем распоряжении, помогут нам хотя бы примерно определить границы обследованного района и те основные вопросы, которые интересовали здесь Лепехина и его спутников.

Анзерский остров — первый в группе Соловецких островов, лежавший на пути следования экспедиции. «Остров сей бесприютный оставили мы... без осмотра...» — писал Лепехин. Напротив, Соловецкий остров и монастырь участники экспедиции обследовали самым тщательным образом. «Оставя Соловецкой остров, между островами, Кузева прозываемыми, пробирался в Кемскую волость».

По тем отрывочным данным, которые у нас имеются, можно полагать, что программа работ отряда осталась без изменений. По-прежнему Лепехин интересуется природными условиями края, полезными ископаемыми и возможностями их использования в интересах «общественной пользы». «Около Кеми по островам везде находили изобильные признаки слюды», — замечает путешественник. Он предполагает наличие здесь металлов, указывает на возможность улучшений в ловле жемчуга и проч. Путь его лежит на север. «Большого примечания в сем пути достойна была Керетьская волость», — пишет он в рапорте. Собрав различные сведения о богатствах этих мест, Лепехин спешит дальше. «Из Керети проехали мы почти до конца Кандалакскую губу до Кандалакской волости».

Таким образом, Лепехиным было обследовано почти все Карельское Поморье. Помимо этого, он дал превосходное описание Соловецкого острова, его природы, достопримечательностей, строений, частично истории и т. п. и впервые подготовил к публикации топографическую карту Соловков. «Чертеж Соловецкому острову... — писал Лепехин, — мне сообщен г. Крестининым»*.

* О В. В. Крестинине см. гл. V, 3-й раздел.

Творческое содружество петербургских ученых и местных краеведов было очень плодотворно и полезно как для тех, так и для других.

Кроме географии, Лепехин интересовался этнографическими особенностями края. Он оставил несколько очень кратких, но тем более ценных упоминаний этнографического характера. Наблюдательный исследователь, он всюду фиксировал этнический состав населения.

В первой части его «Дневных записок» мы находим детальное описание быта и культуры народов Поволжья, во второй и третьей частях подробно говорится о башкирах и коми-зырянах, а в третьей имеются сведения еще и о вогулах (манси) и коми-пермяках. На последнем этапе своего путешествия Лепехин также, хотя и попутно, делал заметки на эту тему. Так, например, он упоминает о коренном населении Кольского полуострова — саами (называя их лопарями): «В 70 верстах от Кандалакской волости на матерой земле в Лобском Бабинском погосте от озера Имандры в 20 верстах в западную сторону в тундрах Кима и Выдселга много также находится слюды, которую добывают бабинские лопари...» * Возвратившись в Архангельское Поморье и исследуя Канин полуостров, Лепехин не забывает упомянуть о ненцах.

Кажется странным, что, изучая Карельское Поморье, Лепехин ни слова не говорит в своих донесениях в Академию наук о карелах, хотя упоминает о Лоухах, находящихся в районе расселения карел: «Керетская волость,— пишет он,— славится еще слюдяными промыслами. Слюдяные вараки находятся при озере Лоу(х)-ском верстах в 20 от Керети». Это обстоятельство — отсутствие упоминаний о карелах — тем более кажется странным, что самый термин «карелы» Лепехину был известен, о чем свидетельствуют следующие принадлежащие ему строки, посвященные описанию Архангельского Поморья: «Взяв проводника, пробиралися на гребле по разным речкам... до монастыря Никольского, в 134 верстах от города Архангельского отстоящего... Монастырь сей полагается в 3-м классе и именуется

* Подробнее описывает саами Н. Я. Озерецковский в своем «Описании города Колы». СПб., 1804.

Корельским». Пожалуй, единственное приемлемое и простое объяснение может состоять в том, что во время путешествия вдоль Карельского Поморья Лепехин не совершал далеких экскурсий внутрь материка — в районы расселения карел, а ограничивался лишь узкой приморской полосой, где, естественно, общался только с русским поморским населением, этнографическое описание которого он начал, но, к сожалению, закончить не успел.

Однако некоторые сведения о русских поморах Лепехин все же сообщает; так, он говорит о расселении поморов, указывает, в частности, на Соловецкий остров как на место их сезонных промыслов, куда они приезжают с материка.

Суровая природа Севера, расселение по берегам Белого моря обусловили особое направление хозяйственной деятельности человека в этих условиях. И это своеобразие не укрылось от пытливого взора ученого: «Поморские жители о хлебопашестве и понятия не имеют, но единственно кормятся от моря. Морские их промыслы отменны; многие соединены с великою отвагою и всякого любопытства достойной имеют порядок, о чем со временем пространно сказано будет».

Свое обещание — «пространно» сказать о промыслах поморов — Лепехин начал выполнять в подготовлявшейся им рукописи IV тома «Дневных записок», оставшейся незаконченной. В ней Лепехин пишет об архангельских поморах, но так как в донесении из Умбы он, по-видимому, говорит обо всем поморском населении, включая и население Карельского Поморья, мы с известным основанием можем предположить, что во времена Лепехина в промысловых занятиях, способах и орудиях промыслов населения различных районов Поморья не наблюдалось существенной разницы, и это позволяло дать общую, суммарную их характеристику. «Промыслы поморян бывают или звериные, или рыбные, или сальные. Ранней весной поморы отправлялись на промысел, покидая свои поселения и рассредоточиваясь по всему морскому побережью... По берегам (Белого моря — В. П.) в летнее время рассыпаны бывают промышленники...» — сообщает Лепехин.

В местах промыслов предстояло пробыть долгое время, весь сезон, поэтому там сооружались жилища

и временные хранилища для пойманной рыбы и продуктов охоты за морским зверем. Об этих промысловых жилищах исследователь сообщает несколько раз; наличие их отмечает он и вблизи Карельского Поморья, на Соловецком острове. «Остров Соловецкий из давних времен был известен только поморьянам, которые кратковременное на нем имели пребывание или по нужде для отстоя, или для рыбных и звериных промыслов...»

Лепехин довольно подробно описывает орудия промысла морского зверя. «К промыслу надлежащие орудия суть ружье, порох, носки, спицы и лямки». К местным названиям «носки» и «спицы» Лепехин делает примечание: носки — это «гарпуны, которые имеют широкое острие, обоюду острое, и которое кверху суживается. Над оным с одной стороны делается крюк, а с другой выводится трубка, в кою слабо втыкается древко; к трубке привязывается обора, или ремень. Спицами называют рогадины, коими зверя колют».

Промысел рыбы и морского зверя—не единственное занятие поморов. Лепехин сообщает еще и о другом промысле, причем локализует его именно в Карельском Поморье, что для нас особенно интересно. Речь идет о ловле северного жемчуга. Лепехин пишет в Академию наук: «Река Кереть, из озера того же имени вытекающая, быстра и порожи́ста. В сей реке изобильно водится жемчужная раковина (*Mya margaritifera* L.). Случайно попадаются зерна ценою рублей до 30-ти. Сожалительно, что жемчужные промышленники мало стараются об наружных на раковинах признаках, по которым узнавать можно, есть ли в раковине жемчужина или нет, чем приплод в раковинах и, следовательно, собственную свою пользу умножить бы могли». Для Лепехина характерно стремление не просто зафиксировать определенный научный факт, но, как это свойственно подлинному ученому-патриоту, способствовать улучшению дела. Эту черту, унаследованную от Ломоносова, Лепехин воспитывал и в своих учениках.

О характере поселений в Карельском Поморье путешественник ничего не сообщает. Делать же какие-либо заключения на основании тех данных, которые он приводит по Архангельскому Поморью, было бы слишком смело. В этом смысле исключение, вероятно, можно сделать для жилища, и то лишь в одном отношении: по

всему Поморью распространен тип жилища на высоком подклете. Это, по-видимому, объясняется особенностями местных почв. У Лепехина мы находим следующее наблюдение: «избы... на высоких строятся подклетах...»

Путешествуя по Поморью, Лепехин живо интересовался и историей этого края. Особенно его внимание привлекал Соловецкий монастырь, история которого в то время была еще совершенно не изучена. Не были даже известны важные документальные источники, необходимые для ее изучения. Будучи на Соловках, Лепехин знакомится с такими источниками. Из них особо следует отметить «Соловецкий летописец», содержание которого Лепехин подробно излагает на написанных им страницах четвертой части своего основного труда. Лепехин передает содержание «Соловецкого летописца» беспристрастно, стараясь отбросить тенденциозность документа, выбирая факты, кажущиеся ему наиболее интересными. Таким образом, материал по истории Соловецкого монастыря впервые был введен им в научный оборот.

Обладал Лепехин и тем особенным качеством, которое мы теперь назвали бы музееведческим чутьем. Известно, что из ряда пунктов он отправлял в Академию наук для ее кунсткамеры многочисленные и весьма ценные экспонаты. То же, чего ему не удавалось приобрести, Лепехин подробным образом описывал. В Соловецком монастыре им была осмотрена коллекция старинного оружия, о котором он писал: «Оружейная монастырская палата наполнена множеством оружия, предками нашими употребляемого, каковы суть бердыши, разных видов палаши, сабли, метательные дротики, копья и стрелы. Немалое же количество есть и огнестрельного мелкого оружия, между коим большое число составляют ружья с фитилями разного вида, величины и сложения, так что знающий хорошо древние оружия нашел бы в них и самые редкие».

3

Непосредственные научные результаты путешествия Лепехина в Карельское Поморье невелики. Мы можем лишь предполагать, что они были бы весьма значительны, если бы он успел написать четвертую часть своего

труда. Однако заслуга Лепехина в деле изучения Карелии все же огромна. Он первый практически начал эту работу, начал ее успешно и тем самым доказал на опыте ее важность и необходимость. Завещанный еще Ломоносовым научный интерес к Северу нашел свое воплощение в путешествии Лепехина.

Этим, однако, не исчерпывается значение его путешествия. Дело в том, что Лепехин сумел привить любовь к Северу и своим ученикам, среди которых в первую очередь должен быть назван Н. Я. Озерецковский, деливший с ним все трудности пути. Лепехин направлял работу краеведов-северян, из которых особо следует отметить В. В. Крестинина. Он сумел поставить дело таким образом, что начатая им работа продолжалась. Карелию начали изучать основательно.

ГЛАВА III

ДВЕ ЭКСПЕДИЦИИ Э. ЛАКСМАНА

I

Имя Эрика (Кирилла Густавовича) Лаксмана прочно вошло в историю многих естественных наук. Один из выдающихся ученых XVIII века, член русской Академии наук, он внес большой вклад в развитие химии, ботаники, зоологии, минералогии, собрал многочисленные коллекции и гербарии для ряда музеев страны.

Лаксман родился в Финляндии в 1737 году, но большую часть жизни провел в России. В 1762 году он приехал в Петербург, преподавал здесь естественную историю и физику. Одновременно Лаксман провел ряд ботанических экскурсий в районе Петербурга, в результате которых было открыто несколько не известных ранее растений. На основе сообщений, сделанных ученым по материалам этих экскурсий, а также за работы в области химии Лаксман в 1764 году был избран корреспондентом Академии наук.

Последующая жизнь Лаксмана была связана с многочисленными экспедициями и путешествиями. Он побывал на Алтае и на берегах Байкала, в Нерчинских рудниках и на Черноморском побережье, в Якутске и у берегов Охотского моря. Наконец Лаксман дважды побывал в Карелии, проехав во время второй экспедиции через всю территорию края—от Олонца до Кеми. Во время экспедиций Лаксман собирал гербарии и

коллекции минералов, регулярно высылал в Петербург семена неизвестных растений, производил метеорологические наблюдения.

Труды Лаксмана получили высокую оценку: в 1770 году он был избран академиком «по экономии и химии».

Научную работу и многочисленные экспедиции Лаксман сочетал с преподавательской деятельностью в академической гимназии и в Сухопутном кадетском корпусе, часто выступал он с публичными лекциями. До самой смерти (Лаксман умер в экипаже во время одной из экспедиций в Сибири в 1796 году) ученый выступал как неутомимый исследователь окраин русского государства, их природы, полезных ископаемых, сельского хозяйства¹⁶.

Поездки Лаксмана в Карелию остались почти незамеченными в литературе. Частично это объясняется тем, что они заслонялись более обширными результатами многочисленных сибирских путешествий ученого, частично тем, что материалы второй поездки (1779 года) сравнительно мало известны. Впервые некоторые сведения об этом путешествии Лаксмана сообщил академик Паллас в примечаниях к своей книге «*Neue Nordische Beiträge*», изданной в 1781 году и с тех пор не переиздававшейся и не переведенной на русский язык. Несколько страниц уделил пребыванию Лаксмана в Карелии его биограф В. Лагус в книге «Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка». К сожалению, немногочисленны и материалы, сохранившиеся в архиве Академии наук, где все документы об ученом объединены в нескольких делах под общим названием «Экспедиция академика Лаксмана 1779—1780 гг.».

Однако даже сохранившиеся сведения достаточны для того, чтобы оценить результаты его поездок как значительный вклад в дело изучения Карелии.

Первая поездка была предпринята Лаксманом в августе-сентябре 1769 года, когда он посетил район реки Свири и доехал до Олонца. Возможно, что путешествие было предпринято по заданию Вольного экономического общества. Во всяком случае сохранившийся довольно подробный отчет Лаксмана об экспедиции был опубликован в «Трудах» этого общества в 1769 году и носил название «Экономические ответы, касающиеся

хлебопашества в лежавших около Свири и южной части Олонца местах». 65 «ответов» Лаксмана явно соответствуют специальной инструкции, разработанной Вольным экономическим обществом для сбора сведений по всем губерниям.

Небольшое сочинение Лаксмана было первым печатным описанием этой части территории Карелии, причем по своему содержанию оно выходит за пределы заглавия.

Начав «ответы» с обстоятельного описания природных условий района, Лаксман подробно останавливается на состоянии сельского хозяйства. По его наблюдениям, больше всего здесь сеют ячмень и овес, «пшеницу сеют не все, но только зажиточные крестьяне». Подробно перечисляя местные сельскохозяйственные культуры, Лаксман отмечает, что «земляных яблок» (картофеля) он «нигде не видал и как о том спрашивал, то ответствовали, что о сем роде земляных плодов никогда еще не слышали». Как известно, картофель в Карелии появился только в 20—30-х гг. XIX века.

Интересно описание сельскохозяйственных орудий. Основным орудием обработки земли была соха, но Лаксман упоминает и плуг, у которого «долгие, узкие, несколько наперед загнутые и вместе сходящиеся сошники с тупыми сторонами, ибо они сделаны не столько для разрывания дерна, как для выворачивания малых камней и для взорания рыхлой пашни или пережженного поля». Борона, как сообщает Лаксман, состояла из четырех или пяти еловых сучковатых и сколоченных поперек в двух местах жердей; «если такая борона легка, то для тяжести кладут на нее камни».

Лаксман описал и способ пахоты, при котором крестьяне стремятся «только взорать (т. е. вспахать — Е. Э.) так называемую плодородную землю, или чернозем, а до материка не касаться, который обыкновенно состоит из песка, илу или глины и мало имеет в себе тучных частиц к произведению плодородия». По данным Лаксмана, «редко пахут на пол-аршина, а по большей части только на шесть вершков глубины и меньше». Иногда землю совсем не пахут, «потому что покрытая тенью от стоящих деревьев земля бывает влажнее, притом

же находится на ней столько угля, моху, хворосту и пеплу, сколько потребно к прикрытию семян».

При подготовке к севу, как указывает Лаксман, «в великом употреблении сжигание кустарников, да и самого леса». Лаксман подробно описал различные способы пережога и отметил, что большое количество леса гибнет при этом совершенно бесплодно, многие «деревья засыхают и гниют без всякой пользы».

В Олонецком уезде было широко распространено трехполье. Пашни обычно находились около деревни, «но хорошие в лесу заведенные пашни иногда за двадцать верст отстоят от жилища». Лаксман считает, что количество плодородных земель было бы значительно больше, если бы проводились соответствующие мелиоративные работы, в частности, осушение болот, ибо «живущих в северной стране земледельцев труды ничем лучше не награждаются».

Лаксман сообщает и ряд других сведений о состоянии местного хозяйства — о животноводстве, разведении домашней птицы и т. д. Поскольку инструкция, которой придерживался Лаксман, охватывала очень большой круг вопросов, «ответы» касаются и разведения пчел, и рыбной ловли, и охоты, и описания местных речных судов.

Подробно, месяц за месяцем, перечисляет Лаксман крестьянские работы на протяжении всего года.

«Ответы» Лаксмана содержат некоторые сведения и о различных отхожих промыслах местного населения. Он указывает, что крестьяне часто «вдаются в плотничество и каменную теску, в мореходство и другие сему подобные промыслы... лучшие идут в Петербург». В Петербург же возят «великое множество сена на галиотах»*.

Указывая, что крестьяне «по большей части скудные», Лаксман считает, что одна из причин этого — широко развитое в деревнях ростовщичество, когда «имеющий достаток почти за весь погост платит деньги в нужном случае, а именно, когда нужно платить подушные деньги или употреблять на домашние нужды и на

* Г а л и о т — озерное парусное и гребное судно.

складчину во время рекрутского набора. Но за такое свое благодеяние берет он чрезвычайные проценты... Таким образом бедные крестьяне не только не могут исправиться, но еще приходят через то в большое разорение».

2

Вторая экспедиция в Карелию была предпринята Лаксманом через десять лет, в 1779 году. В июне этого года он представил в Академию наук план своего очередного путешествия. Задача исследователем ставилась очень сложная: он предполагал вначале посетить истоки Волги и озеро Ильмень, затем отправиться на север, проехав восточнее Онежского озера до Белого моря, и возвратиться обратно в Петербург через северную Карелию и западное побережье Ладожского озера. Правда, в дальнейшем Лаксману пришлось несколько изменить маршрут и ехать на север через Олонец и Петрозаводск. В рапорте в Академию наук он так объяснял это изменение: «в Вытегорском уезде нет почти ни одной дороги... чрез которые без опасности не только верхом проехать, но и пройти никак не можно».

Свой план Лаксман обосновывал тем, что изучение истоков Волги проводилось до сих пор в зимнее время, когда снег и лед затрудняли наблюдение, что же касается территории от Онежского озера до Белого моря, то и она нуждалась в точном исследовании, поскольку имеющихся отрывочных сведений было явно недостаточно.

Перед отъездом из Петербурга Лаксман заручился «видом» к административным властям тех мест, через которые он предполагал проезжать. Подписанный президентом Академии наук этот документ обязывал местные власти «сообщать ему безостановочно всякие известия, касающиеся до натуральной тех мест истории, до топографии, до истории, до экономики, до числа народа, в городах, уездах, селах и деревнях обитающего, до рудников и заводов и других предметов; сообщать ему нужные карты и чертежи, давать ему провожатых и работных людей и напоследок дозволить ему собирать... разные натуральные редкости, металлы и горные породы и чинить ему, академику Лаксману, по всем

Маршрут второй поездки Э. Лаксмана в 1779 году

трактам его путешествия безостановочный пропуск». Одновременно берг-коллегия отправила соответствующие указы на все заводы, расположенные по пути Лаксмана. Такой указ был получен, в частности, и в канцелярии Олонецких Петровских заводов.

17 июля 1779 года Лаксман отправился в путь. Свыше месяца продолжались исследования Ильменя и Волги, после чего ученый заехал в Москву и оттуда через Тверь—Боровичи—Тихвин направился в Олонец. Из Олонца Лаксман поехал в Петрозаводск, куда он прибыл 3 октября, почти через месяц после отъезда из Москвы.

Пока шли приготовления к поездке по Онежскому озеру, Лаксман исследовал окрестности Петрозаводска. Десять дней ездил он «отчасти водою, отчасти сухим путем», как сообщалось в одном из рапортов, и возвратился в Петрозаводск «с знатным количеством горных руд». Во время этой поездки Лаксман посетил, в частности, Кончезерский завод. В канцелярии Олонецких Петровских заводов была составлена для Лаксмана ведомость, «сколько в ведомстве здешней канцелярии состоит казенных и партикулярных заводов и рудников и в каких местах».

Утром 16 октября путешествие было продолжено. Легкий экипаж, в котором Лаксман приехал в Петрозаводск, был сменен на лодку, и следующую часть пути путешественник совершил по Онежскому озеру. И здесь Лаксман не прекращает научных исследований. Он проводит измерение глубин озера и приходит к такому выводу: «весьма замечательно, что озеро в большинстве мест имеет большую глубину, нежели Белое море». По подсчетам Лаксмана Онежское озеро достигает местами ста сажен глубины.

Большое впечатление на путешественника произвела живописная природа края. Вот что он писал: «Трудно вообразить себе, как живописно-красивы виды, начиная от острова Климентского... Чередуюсь с красивыми полями и лугами, видны здесь хвойные, березовые и густые липовые леса, крутые горы, голые утесы и холмы. Черный мелкозернистый траповидный сланец всех степеней твердости, от яшмы до мела, составляет приятную противоположность белому мраморообразному известняку...»

Осматривая Фоймогубский медный рудник, Лаксман записывает, что он расположен «в романтической местности, которая более множества других достойна кисти художника... Окрестная местность украшается множеством рыбных озер, речек, ручейков, водопадов, островов, лесов, долин и деревень. Вид со скалы прелестен, к востоку можно обозреть два озера, именно залив Толва и само озеро Онего, а к юго-востоку взоры тонут в обширности этого озера».

Особенно большое внимание уделяет Лаксман описанию геологического строения территории Карелии, различным минералогическим сведениям и полезным ископаемым края, имея в виду облегчить работу, как он пишет, «мыслящих минералогов».

Вопросов народной жизни, сельского хозяйства, промышленности и торговли Лаксман почти не касается. О Даниловском ските, о котором все проезжавшие мимо путешественники (Озерецковский, Державин и др.) пишут очень подробно, Лаксман говорит всего несколько слов. В них сквозит откровенное недоброжелательство: «местоположение не из приятных... а управляют ими (раскольниками — Е. Э.) немногие лицемерно-человеколюбивые старики совершенно по своему произволу».

Зато Воицкий рудник Лаксман описал очень обстоятельно, причем, в отличие от более поздних описаний, главным образом с точки зрения его геологического строения, хотя, по словам Лаксмана, «снег несколько препятствовал более подробному исследованию этой замечательной местности». Влюбленный в геологию и особенно в минералогию, Лаксман неоднократно пишет об «удовольствии... осматривать первобытные формации гранита» и даже уверяет, что это «сделало для него езду по этим диким водам в такое позднее время года, под 65-м градусом, весьма приятною».

1 ноября Лаксман достиг Сороки и пробыл на побережье Белого моря до 26 ноября, занимаясь исследованием берегов и прибрежных островов. Он осматривает и описывает, как производится лов сельди, совершает поездку в Кемь. Эта последняя экспедиция едва не стоила Лаксману жизни. Вот как он рассказывает об этом в рапорте в Академию наук: «Пятого числа я имел несчастье перед устьем Шуи около одной версты от берега провалиться под лед, так что с большим лишь

трудом спасся из воды, имевшей глубину более чем в две сажени, и в четырех сажнях от моей лодки. По миновании опасности я должен был совершенно мокрый провести более двух часов на морозе, пока не дошел до скалы Павнаволок, в пятнадцати верстах отсюда. Здесь я велел затопить печку в находящейся там рыбацкой хатке и должен был ждать, пока густейший дым не разошелся, и лишь потом был я в состоянии вползти туда и высушить мое платье».

Две недели Лаксман провел в Сумском остроге, но описал его очень бегло. Дождавшись начала санного пути, Лаксман через Воицкий рудник, Повенец и Шуньгу возвратился в Петрозаводск, где пробыл до 17 декабря. Таким образом, все путешествие продолжалось около полугода.

Помимо рапортов в Академию наук, важным научным итогом экспедиции явились привезенные Лаксманом из Карелии коллекции минералов. В архиве Академии наук СССР среди других материалов путешествия Лаксмана хранится содержащий 419 названий «Каталог руд и минералов», собранных академиком во время этой поездки.

К сожалению, каталог до сих пор не опубликован и, вероятно, поэтому не был предметом специального рассмотрения, хотя представляет значительный интерес для истории геологических исследований Карелии.

Разносторонние результаты экспедиций Лаксмана делают их несомненно важными вехами в истории изучения нашего края.

ГЛАВА IV

ПУТЕШЕСТВИЕ АКАДЕМИКА Н. Я. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО ПО ОЗЕРАМ ЛАДОЖСКОМУ И ОНЕЖСКОМУ

I

Заслуги академика Н. Я. Озерецковского в деле изучения Карелии особенно велики. Можно без преувеличения сказать, что он сделал в этом направлении больше, чем кто-либо другой из ученых XVIII века.

Николай Яковлевич Озерецковский был сыном деревенского священника. Он родился в 1750 году в селе Озерецком (отсюда, по-видимому, его фамилия Озерецковский) под Москвой. Как и многие дети священников, первоначальное образование Озерецковский получил в духовной семинарии, в Троице-Сергиевой лавре (ныне г. Загорск). Вероятно, родители готовили сына к духовной карьере. Однако судьба его сложилась иначе.

В 1768 году в числе лучших семинаристов Николай Озерецковский был отправлен в гимназию при Академии наук в Петербург и определен «в студентские классы», а весной того же года зачислен в состав экспедиции И. И. Лепехина. Так начались его служба в Академии, дружба с Лепехиным и творческая биография как ученого. Очень скоро Лепехин заметил в своем молодом спутнике большой интерес к исследовательской работе, наблюдательность, точность в исполнении поручений.

Н. Я. Озерецковский

Благодаря своим способностям Озерецковский уже в первой экспедиции получает от Лепехина задания самостоятельно, во главе небольшого отряда, исследовать тот или иной район. Первый такой маршрут Озерецковский проделал весной-летом 1769 года в Саратов и его окрестности. Зимой 1771 года он возглавлял передовой отряд, посланный Лепехиным из Тюмени

в Архангельск. Весной 1771 года он обследует Кольский полуостров. Наконец, в 1772 году путешествует по побережью Белого моря от Архангельска до мыса Св. Нос. Озерецковский сопровождает Лепехина и в экспедиции в Белоруссию в 1773 году.

По возвращении из этих путешествий Лепехин, по мнению которого его молодой ученик достаточно проявил себя как исследователь, представил его к произведению в должность адъюнкта Академии наук. Однако назначение не состоялось, и Озерецковский на несколько лет уезжает за границу для завершения образования. Он посещает лекции при Лейденском университете, но главным образом работает самостоятельно над изучением любимой науки — натуральной истории. В 1778 году в Страсбурге он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины и возвращается в Петербург, где, наконец, избирается адъюнктом, а через три года — академиком.

Озерецковский был ученым необычайной разносторонности. Им опубликовано около ста научных трудов, свидетельствующих о том, что его научные интересы лежали в самых различных сферах: он писал по вопросам русского языка и словесности (которые, кстати сказать, много лет преподавал), публиковал исследования по истории, этнографии, ботанике, зоологии, минералогии, географии.

Помимо участия в экспедициях Лепехина, Озерецковский сам провел ряд поездок по России и опубликовал их научные итоги, которые составили значительную часть его трудов. В 1785 году он совершает путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому; в 1805 году — на озеро Ильмень; в 1814 году исследует верховье Волги и озеро Селигер.

Озерецковский резко выступал против засилия в Академии наук иностранцев, против рутины, против того несправедливого порядка, когда русских ученых обязывали публиковать свои сочинения не на родном, а на латинском или каком-либо западноевропейском языке.

Настоящий подвижник в науке, ученик, друг и научный наследник Лепехина, Озерецковский был, в сущности, бедным человеком. «Много лет путешествуя по России для исследования натуральных произведений,—

Маршрут самостоятельной поездки Н. Я. Озерецковского в составе экспедиции И. И. Лепехина в 1772 году

писал он,— в 1771 году лишился я всей моей собственности в Ледовитом океане, в 1773 году погорел в Великих Луках, в 1814 году в озере Ильмень потонули остатки моих пожитков».

Умер Озерецковский в 1825 году ¹⁷.

Путешествовал по Карелии Озерецковский в течение одного лета 1785 года, однако охват обследованной территории был весьма значительным. Выехав из Петербурга, Озерецковский направился вверх по р. Неве до ее истока, затем повернул на север и двигался вдоль западного берега Ладожского озера, обследовал северный и восточный его берега, совершая экскурсии внутрь материка, посетил г. Олонец и его окрестности и, наконец, достиг устья р. Свири. Дальнейший путь исследователя пролегал по р. Свири, вверх по ее течению, до Вознесенского погоста (ныне пос. Вознесенье), на север — по западному берегу Онежского озера — до Петрозаводска, оттуда дальше по берегу озера. Постоянно делая экскурсии в глубь материка, Озерецковский исследовал Заонежский полуостров, посетил Даниловский раскольничий монастырь, побывал в г. Повенце, спустился к югу до Андомского погоста и Вытегры, откуда, добравшись до истока р. Свири, возвратился в Петербург 26 сентября 1785 года.

Почти все путешествие было совершено по воде — по рекам и озерам, которые в то время представляли большие удобства для передвижения. В этом путешествии Озерецковского, по-видимому, сопровождал лишь один художник; во всяком случае данных о каких-либо других спутниках нет.

2

Прежде всего Озерецковский обращает внимание на изучение природных богатств обследуемого края. На острове Валаам он обнаружил месторождение железной руды. Ученый ратует за то, чтобы природные богатства не лежали втуне, а использовались для развития хозяйства и промыслов. Озерецковский оценивает значение уже известных и открытых им самим месторождений железных руд, призывает более тщательно изучать возможности их промышленного использования, предостерегая от ряда ошибок.

Исследователя занимают не только поиски металлов. Он старается выяснить все возможности разработки полезных ископаемых края, учитывая и изучая эти

ископаемые. «Река Андома низменные имеет берега, но как в устье, так и далее вверх нарочито глубока, и ходят по ней галиоты расстоянием от устья на 15 верст до пристани Сорочье поле называемой, где нагружаются известною андомскою глиною, которую добывают от Сорочья поля верстах в 15, при деревне Замошье. Ее достают из ям, из коих иные бывают глубиною сажен десяти. Глина попадает не толстыми слоями; цветом она белая, особливо когда высохнет, и служит вместо извести на беление изб и печей. Замошские крестьяне делают из нее горшки, которые очень долго держатся и в том краю в большом количестве раскупаются»¹⁸.

Глина эта действительно была уже хорошо известна. Ее использовали при строительстве доменных печей на Олонецких заводах, она нашла применение, как было уже сказано выше, в производстве первого русского фарфора.

Интересно отметить, что Озерецковский впервые обратил внимание на минерал, который впоследствии получил наименование «шунгит»; у него этот минерал фигурирует под названием «углистые сланцы»¹⁹.

Интересные и подробные сведения могут почерпнуть в описаниях Озерецковского ботаник и зоолог, изучающие растительность и животный мир Карелии. Значительное место отводит он описанию карельских лесов.

Путешественник любил Север, любил Карелию, восхищался ее живописной природой. В работах его можно найти немало страниц, посвященных описанию природы — красивого деревенского вида, порожистой речки, бурного и мрачного водопада. Вот как, к примеру, описывает Озерецковский водопад Кивач: «Шум падающей с Кивача воды возвестил нам о его близости прежде, нежели мы подъехали. Тут представился зрению каменный непорядочный утес, поперек лежащий, на котором находятся три уступка, один другого выше. С первых двух уступков сбегает вода... и падает на третий уступок, с которого в великом количестве низвергается она в глубокий бочаг, внизу порога находящийся, куда упавая обращается в пену и обильной дает от себя пар, которой, поднявшись вверх, ложится на деревья, близь берега растущия, и мочит их ветви до самых вершин, отчего в зимнее время стоят они обвешены боль-

шими ледяными сосульками. В весеннюю водополь падение воды бывает здесь столь сильно, что большие бревна, пущенные с порога, надвое и больше переламываются».

3

Большой вклад внес Озерецковский в дело изучения этнографии народов Карелии, интересуясь, в частности, исследованием этнического состава ее населения. Сложность этнической истории края обусловила тот факт, что на этой территории в близком соседстве проживали различные родственные и неродственные народы: финны, карелы, ижоры, вепсы, русские, саами. Все они, хотя и в различной мере, упоминаются путешественником. Изучение приводимых им данных позволяет проследить расселение этих народов. «От пристани (в 15 верстах от д. Морья — В. П.), при которой изрядные на берегу проделаны светлицы, через целые 25 верст нет по берегу никакого селения до устья реки Влоги*, при котором лежит чухонская деревня Микульская**». «Чухонцами» Озерецковский называет ингерманландских финнов.

Точность и детальность сведений, сообщаемых Озерецковским, поразительны; он описывает этнический состав населения почти каждой проезжаемой деревни. «Деревня Микульская на реке Влоге от устья ее есть первая; за нею в шести верстах по той же реке лежит другая чухонская деревня, Волоярви называемая, от которой в 20 верстах находится село Матокса... Всех деревень в графской даче***, сказывают, двенадцать; в них мужского полу жителей считается 976 человек, кои все чухонцы, кроме осьми дворов, ижорами обитаемых».

Здесь мы встречаемся с редким для XVIII века упоминанием ижор, причем особенно важно, что группа деревень, населенных этим народом, довольно точно локализована.

* Ныне Авлога.

** Теперь Никулясы.

*** Имение графа Остермана.

От ингерманландцев Озерецковский отличает собственно финнов, составлявших, по его данным, большую часть населения города Сортавалы (Сердоболь).

Путешественник хорошо видит сложность этнического состава населения и старается быть возможно более точным. Это было нелегко, в особенности при изучении городского населения. Однако в городе Сортавале Озерецковский все же сумел подметить наличие карельского населения.

Одной из сложнейших проблем этнической истории Севера является так называемая «лопарская проблема». Вопросы расселения саами на всем протяжении их истории уже долгое время занимают исследователей²⁰. В материалах путешествия Озерецковского содержится любопытное свидетельство о саами, могущее служить подтверждением тому мнению, согласно которому этот народ прежде был расселен на значительно более широкой территории, к югу от современного местобитания.

Предание о саами, живших в районе д. Ялгуба, подтвержденное документальным свидетельством, передается Озерецковским в следующем виде: «На северной стороне сего залива или губы при самой воде лежит село Ялгубское, в котором живут крестьяне экономические, государственные и обельные, или освобожденные от всякой подати. На сию льготу имеют они жалованную грамоту от царя Василия Иоанновича за верную службу лоплянина Григорья Меркуриева, которому дана была она грамота. Но в чем состояла верная его служба, в грамоте не означено; а потомки онаго лоплянина по преданиям предков своих и поныне рассказывают будто прародитель их Григорей Меркуриев зализал больную ногу оному государю и за сие излечение получил, как для себя, так и для своего потомства, объявленную милость».

Озерецковский едва ли мог ошибиться в данном случае: саами он хорошо знал еще со времен изучения их в составе экспедиции Лепехина. Спустя 30 лет, 3 ноября 1802 года, он составил и подал в Конференцию Академии наук записку «О российской Лапландии»*, в которой, по всей вероятности, использовал результаты своей поездки. В 1804 году им была опубликована

* Этот документ не опубликован.

книжка «Описание города Колы», в которой он также говорит о саами. Все это позволяет с доверием отнести к приведенному выше сообщению и использовать его при изучении проблемы расселения саами.

Еще один народ — вепсов Прионежья, говорящих на языке финской семьи, отметил Озерецковский, хотя и спутал их с карелами. Двигаясь водою от Вознесенского погоста к Петрозаводску, путешественник проезжал мимо вепсских деревень. «В 10 верстах от села Щелеек на возвышенном берегу Онежского озера лежит карельская деревня Каскесручей, от которой в 7 верстах находится село Рыборецкое при речке Рыбьей, в Онежское озеро впадающей...» Ошибка Озерецковского, к сожалению, так и не была исправлена. Даже академик Шегрен, открывший в первой половине XIX века для науки вепсов по р. Ояти, в сущности ничего не знал о прионежских вепсах.

Наконец исследователь говорит и о русском населении края, но не часто. Впрочем, последнее обстоятельство легко объяснимо: Озерецковский особо отмечает присутствие русского населения в тех районах, где оно не составляло компактного массива, например, на западном берегу Ладожского озера или к северу от Петрозаводска. В тех же случаях, когда речь идет о районах со сплошным русским населением, например к югу от Повенца, естественно, не было надобности писать об уже известных вещах.

Озерецковский с уважением отзывается об изучаемых им народах. Он чужд великодержавного высокомерия. Чуткий исследователь, он видит сложные этнические и языковые процессы, происходящие на территориях со смешанным населением, и по-своему пытается о них судить: «Все различие между русскими и чухонцами состоит только в вере и несколько в языке; но большая часть русских не так хорошо говорит своим языком, как чухонским, и женский пол наиболее язык сей употребляет, так что некоторые из них по-русски говорить совсем не умеют». Конечно, это сообщение Озерецковского относится к ограниченному району, но как таковое заслуживает полного доверия.

Чрезвычайно интересны приводимые ученым характеристики отдельных черт психического склада изучаемых народов. Так, с уважением отзываясь о карелах,

он высоко ставит их храбрость, присутствие духа в опасную минуту. Работая на сплаве леса по бурным рекам, карелам часто приходится с риском для жизни разбирать заторы из бревен, образовавшиеся в порожистых местах. «Кряжи... камней составляют... пороги, с которых вода во многих реках с превеликою падает силою; несмотря на сие, из гоняльщиков леса такие сыскиваются смельчаки, что, стоя на одном бревне и не имея в руках [ничего] кроме багра, опускаются по воде с оных порогов в находящиеся под ними пропасти и по большей части на бревне удерживаются».

Характеристики, даваемые путешественником, всегда точны, колоритны, ярки.

В работах Озерецковского, посвященных Карелии, имеются материалы, которые могут представить специальный интерес для лингвиста. Эти материалы разнообразны и по характеру, и по количеству. Прежде всего отметим, что Озерецковский приводит названия всех пунктов, через которые (или мимо которых) он проезжал. Хотя транскрипция этих названий оставляет желать лучшего, все же мы здесь сталкиваемся с такими материалами, которые вполне могут быть использованы (при необходимой критической проверке) в качестве ценного источника для изучения топонимики* этих районов в историческом разрезе.

Среди местных названий на Севере, как известно, имеется много топонимов финского происхождения, причем встречаются они не только в тех районах, где теперь живет финноязычное население, но и там, где сейчас обитают настоящие великоруссы. Такие топонимы иногда являются единственным свидетельством того, что до русской колонизации территория Карелии была занята финноязычным населением. «В Челмужскую губу,— пишет Озерецковский...— впадают реки 1) Куржа, 2) Шойвана, 3) Киидежа, 4) Ребежа, 5) Мелиокса и 6) Немена...» Важно подчеркнуть, что путешественник тщательно записывал не только названия населенных пунктов, но и рек, урочищ, болот, порогов и т. п.

Озерецковский приводит и данные, позволяющие изучать славянскую топонимику на Севере. На этом

* Топонимика — совокупность местных названий (поселений, рек и пр.). Топонимику изучает особый раздел языкознания — топонимия.

материале в какой-то мере могут быть прослежены процессы, связанные со славянской колонизацией.

Наконец, у Озерецковского имеются данные, важные для изучения диалектов северновеликорусского населения, обитавшего в Карелии. Представляют известный лексикологический интерес и приводимые им названия ветров, распространенные среди населения, живущего по берегам Ладожского озера. Озерецковский делает любопытное сопоставление этих названий с названиями ветров, бытующими в Русском Поморье. «Плавающие по Ладожскому озеру и живущие вокруг него россияне обыкли называть главные ветры русскими наименованиями, кои почти те же самые, какие в употреблении у всех наших поморцев, около Белого моря и по берегам Северного Окиана живущих. Сии названия ветров суть следующие: восток, зимняк, полуденник, шелонник, запад, подсеверный, северик и меженец».

Озерецковский хорошо знал свой родной язык (вспомним, что он был преподавателем русского языка и словесности), поэтому, вероятно, он отметил и некоторые диалектные особенности местного говора, положив тем самым начало диалектологическому изучению русского языка в Карелии. «Кроме свойственных каждой стране в языке отмен, жители, как по Олонке реке, так и по Свири, общие всем россиянам слова произносят отлично, а именно: не договаривают глаголов в третьем лице, как-то вместо будет говорят буде, вместо несет — несе и пр.». Нет сомнения в том, что эти и подобные им сведения, содержащиеся в работах Озерецковского, имеют большое значение и для истории науки, и для изучения этнической истории края.

4

Исследователь фиксирует социальный состав населения изучаемого им края. Он обстоятельно записывает данные о количестве купцов и мещан в городах, делает заметки (иногда беглые) по поводу имущественного положения отдельных слоев городского и сельского населения. Озерецковский постоянно отмечает, к каким категориям относятся крестьяне посещаемых им деревень. «Крестьяне же там троякого звания: государствен-

Маршрут экспедиции Н. Я. Озерцковского 1785 года

ные, экономические и помещичьи», — пишет он о населении Шуйского погоста (под Петрозаводском).

Категории крестьянского населения в Карелии действительно были весьма разнообразны, хотя большинство, безусловно, составляли государственные крестьяне. Интересны группы обельных крестьян и так называемых вотчинников. «Селение Челмужа (близ г. Повенца — В. П.) отменно от всех прежде упомянутых тем, что в нем живут вотчинники и обельные крестьяне. Первых числом 19, а последних 66 человек... Вышеупомянутые вотчинники 19 человек... владеют

66 обельными оными крестьянами, но владение их сопряжено со многими для них досадами, ибо как они по сие время ни в какую службу не вступали, то и преимущество их над крестьянами состоит в одной только жалованной грамоте; кроме того не уважаются они ни от капрала, ни от солдата, которые поступают с ними ровно как с мужиками».

Этот большой интерес к социальному составу населения не есть результат чисто академического или тем более праздного любопытства. Большие социальные сдвиги, происходившие в ту эпоху в России, породили стремление к изучению основной проблемы того времени — проблемы крепостного права, крестьянства, изнывавшего под его игом. Конечно, в ту эпоху лишь отдельные гениальные люди, как А. Н. Радищев, пришли к совершенно правильному выводу о необходимости и неизбежности революции в России и страстно призывали к ней. Значительно более широкий круг образованного общества того времени, не делая революционных выводов из изучения действительности, тем не менее с сочувствием относился к тяжелому положению народа, пытался облегчить его судьбу, предлагая различные пути вроде развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, мореходства и т. п. Это были прогрессивно настроенные люди, ученые, писатели, к их числу принадлежал и Озерецковский. С сочувствием и негодованием пишет он о тяжелом подневольном труде рудокопов, об ужасных условиях, созданных для них на Воицком руднике: «Никаких побочных шахт в руднике не было... очень часто случалось, что в сырую и туманную погоду воздух в шахте снижался и удерживая в ней пороховой дым, от паления выбуренных в камне скважин происходящий, захватывал у рудокопов дыхание, так что их едва живых оттуда вытаскивали, и они сряду дни по два и по три буровальной работы производить там не могли...»

Таким образом получилось, что основная тема сочинений Озерецковского — не природа края, а народ, его быт, культура, нужды, занятия.

Несмотря на то, что природные условия не благоприятствовали развитию в крае земледелия, оно все же являлось главным занятием большинства населения тех районов, где побывал путешественник. Он подробно

описывает северное карельское земледелие, отмечая и употребляемые сельскохозяйственные орудия, и культуры растений, и виды домашнего скота. «Пашни их (жителей Шуйского погоста — В. П.), к реке Шуе принадлежащая, частью глинисты, частью песчаны или каменисты; на оныя возят они навоз в исходе зимы; пашут прямыми сохами; сеют рожь, ячмень, овес, лен и горох; жнут серпами; изобилуют сенокосами; сено косят горбулями; довольно держат скота, как-то: коров, овец и лошадей; но из птиц, кроме кур, никаких не водят». Исследователь входит даже в мелкие подробности и детали, сообщая, например, о приемах укладки сена.

Сельское хозяйство, в особенности земледелие, не могло полностью обеспечить население продовольствием, в частности хлебом. Указания на недостаток хлеба у Озерецковского постоянны. «...Край сей весьма недостаточен хлебом, который всегда заимствует от других российских областей, оным изобильных...» Особенно большие трудности в продовольствии испытывали города, что, вероятно, служило одной из причин их медленного роста.

Недостаток в хлебе местное население восполняло путем развития подсобных промыслов, среди которых особенно большое место занимало рыболовство. Путешественник описывает разнообразные способы его: лучение рыбы при помощи остроги, ловля заколами, использование различных снастей. У него мы находим и подробные описания рыбной ловли на Онежском озере при помощи кереводов, представлявших собою род невода с одним крылом.

Надо отметить, что в Карелии в ряде мест, особенно в западном Прионежье, рыболовство приобретало характер сезонного отхожего промысла. «Некоторые из жителей села Щелеек каждую весну ездят в С. Петербург на лодках с воротницами или кереводами для рыбной ловли при устье Невы, где живут недель по пяти и более, пока в жительство их не начнутся полевые работы. А когда сии приближаться станут, то продают... свои воротницы и лодки и пешие домой возвращаются». В связи с этим Озерецковский описывает и временные промысловые жилища, которые он видел в ряде

пунктов, весьма напоминающие аналогичные жилища поморов.

Другим важным подспорьем в жизни местного населения была охота. Интересно, что данные Озерецковского свидетельствуют о постепенном превращении охоты в промысел, характер которого определялся тем, что его продукты сбывались в Петербурге, т. е. шли в массовом порядке на вывоз. Как пишет исследователь, жители Шуйского погоста «... в С. Петербург... возят... разную дичь, как-то: глухарей, белых куропаток и рябчиков, которых у себя стреляют».

Суровые природные условия края, громадные побои, налагавшиеся на местное население, необходимость для приписных крестьян значительное время года работать на казенных заводах и, наконец, частые неурожай — все это обрекало население Карелии на голодное существование.

Описывая некоторые виды народной пищи, Озерецковский иногда приводит и местные названия, например, названия, распространенные среди жителей верхней Свири (вероятнее всего вепсов). Быть может самым важным после хлеба растительным продуктом была репа.

Определенным дополнением к этому служили продукты, получаемые населением посредством собирательства. Чрезвычайно велико было значение рыбы в составе пищи народов Карелии. «Обыкновенная сих (т. е. Шуйского погоста — В. П.) жителей пища состоит из капусты, репы, гороха, разных ягод, волнух, также говядины и рыбы, но исключая угрей, которых совсем не едят». Естественно, что роль рыбы в пищевом рационе зависела от развития рыболовства, от близости к большим водоемам. Прионежские вепсы в то время, если верить Озерецковскому, в значительной мере питались рыбой.

Низкий уровень развития зернового хозяйства и животноводства вынуждал население Карелии искать иных средств существования. В хозяйстве все большее значение начинает приобретать занятие ремеслами, связанными с разведением культуры льна. «В деревне Ручья отменно от многих других мест готовится лен; а вся отмена состоит только в том, что, обивши с бабок головки, или колоколку, как в тамошнем краю

называют, кладут обитые бабки в воду и мочат их так, как обыкновенно с пенькою поступают. После сей мочки стелют лен по лугам, где он еще больше вымокает и через сие двойное моченье делается гораздо белее против обыкновенного льна, которой стелют не вымачивая».

Интересно отметить и виденное Озерецковским производство канатов из свиной щетины.

Но интереснее всего, пожалуй, материалы, свидетельствующие о существовании в Карелии, в различных ее районах, крестьянского железодельного ремесленного производства. Озерецковский замечает, что сталь и уклад «приготавливаются поселянами из железных руд...» Его данные определенно говорят о том, что, несмотря на запретительные меры, принимавшиеся правительством и местными властями в связи с развитием казенной мануфактурной промышленности, крестьянские железодельные промыслы продолжали в то время довольно стойко сохраняться. «На ярманки Тихвинскую и Шун[г]скую... возят они (жители Шуйского погоста — В. П.) уклад, которой покупают в Мунозерском погосте». Об этом же говорит исследователь, описывая и более северный район — Тивдию и Святнаволоку.

Большое значение в хозяйстве крестьян Карелии; играли также промыслы, связанные с лесом, с использованием этого главного богатства края.

Озерецковский отмечает и описывает — иногда кратко, а иногда и весьма подробно — различные встречавшиеся ему по пути предприятия промышленного характера: «пильные мельницы» (т. е. лесопильные заводы), разработки мрамора, железодельные и стекольные заводы. Он упоминает «Лапландские заводы» — металлургические заводы, заложенные в 1739 году («в действии находились только лет с пяти»), заводы в Петрозаводске, Кончезере и т. д. В Карелии известное развитие получили частные (партикулярные) заводы различного характера; одних лишь железодельных заводов насчитывалось десять.

По Онежскому озеру и по р. Свири было развито кораблестроение (изготовление речных и озерных судов).

В эпоху, описываемую Озерецковским, уже шел процесс постепенного подтачивания натурального хозяй-

ства; значительная часть крестьянской ремесленной продукции, рыболовства и охоты поступала в сферу товарного обращения. Продукция промыслов сбывалась на ярмарках, которые устраивались ежегодно в разных пунктах Карелии. «Погост сей (Шунгский — В. П.) достоин примечания как по красивому своему месторасположению, так и по двум ярманкам, из коих одна бывает в нем января 6, а другая марта 25 дня. Хотя обе они продолжаются не более недели, но свал народа бывает там превеликой и множество съезжается купцов из Тихвина и других городов с разными товарами, коих навозят более нежели на 100 000 рублей; сверх того много здесь в продаже бывает лошадей. Для ярманок в Шуньге проделаны деревянные лавки». Мы видим, таким образом, что связи, складывавшиеся в результате торговых отношений, были достаточно отдаленны, хотя и не выходили за пределы Севера России.

Озерецковский рисует типичную бытовую картинку, изображая массовый характер подобных ярмарок. «Июня 25 числа в пустом и безмолвном Кексгольме * появился народ, который толпами стекался к пристани, где стоял я на судне, и оказалось тут много лодок для отвоза людей на остров Валаам, на котором перед Петровым днем годовая бывает ярманка. В поход сей собирались и старые, и молодые, и малые, и большие обоего пола люди, так что он походил на течу лапландских пеструшек...».

Нет никакого сомнения в том, что на такие ярмарки стекалось разнонациональное население, это особенно важно учитывать при изучении этнической и культурной истории края. «На ярманку (в г. Сердоболе—Сортавале — В. П.), кроме россиян, съезжаются российские и шведские финны и карелы».

Надо иметь в виду, что в Карелии функционировали не только эти крупные ярмарки — Шунгская, Валаамская, Сортавальская, — но бывали и более мелкие, чисто местного характера, имевшие большое значение в деле экономического и всякого иного — в широком смысле — обмена между представителями различных национальностей, населявших Карелию.

* Древний город Корела, ныне г. Приозерск, Ленинградской области.

Большой проблемой была транспортировка товаров на дальние расстояния, в пункты, с которыми осуществлялись торговые связи, в особенности зимой, когда приходилось пользоваться гужом, обозами. В связи с этим значительное развитие получил извозный промысел. Летом же дело обстояло проще: основными путями сообщения служили озера и реки, по ним отправлялись гребные и парусные суда и баржи, которые тянули бурлаки. Одним из главных направлений в торговых операциях было петербургское (вывоз). Однако, несмотря на это, даже на важнейшей водной артерии края р. Свири отходничество не получило еще широкого развития. «Деревенские жители в летнюю пору занимаются своими работами и для судовщиков столь бывают дороги, что сии нанимать их не в состоянии...» Лишь в городах, например в Петрозаводске, часть жителей начинала уже зарабатывать на жизнь продажей рабочих рук на чужой стороне.

5

Характер поселений в Карелии, который довольно единообразен, также зафиксирован в описании путешествия Озерецковского. Основной вид их—малодворная деревня беспорядочного плана. Вот характерное описание северной деревни: «Дворы в упомянутой деревне (Чертова Лахта, зап. берег Ладожского озера — В. П.) расставлены по-чухонски, то-есть беспорядочно, но большая часть лицом обращены к губе. За деревнею внутрь земли идет лес, в котором расчищены места для пашни и покосов». Или другой пример: «Деревня Ровская при устье речки Ровы, впадающей в Свирь с левого берега... Вся деревушка Ровская состоит из четырех дворов, которые очень многосемейны». Заметим, кстати, что в этом отрывке приводится, по-видимому, единственное и поэтому особенно ценное для нас указание компетентного автора на существование большой патриархальной семьи.

Малодворная деревня в конце XVIII века была, надо полагать, основным видом сельских поселений, свойственных Карелии. Нас не должны смущать противоречащие этому на первый взгляд указания Озерецковского

вроде следующего: «Под деревнею Вороновою, переправясь через реку Суну, пробирался я верхом по малым тропинкам лесами, болотами и каменистыми горами до погоста Кондопоги, дворов из 80 состоящего». Дело в том, что на Севере (в том числе и в Карелии) был распространен прежде, а частично и теперь сохраняется, гнездовой тип расселения, характерной чертой которого является наличие целого куста (гнезда) мелких деревень, тяготеющих к одному центру (погосту). Именно такое сросшееся «гнездо» и представляла собой старая Кондопога ²¹.

Основным, а возможно и единственным видом постоянного жилища в Карелии, была срубная изба. Большинство населения жило тогда в избах, топившихся «по-черному». О избах, топившихся «по-белому», Озерецковский говорит как о редкости. В них жили купцы и деревенские богатеи. Другой вид постройки, весьма характерный для Карелии, как, впрочем, и для всего Севера,— баня. Обычай мыться в бане весьма древен. У Озерецковского мы находим ясные указания на наличие и широкое бытование бань.

К сожалению, об одежде населения Карелии у него очень мало сведений. Лишь в некоторых случаях, делая зарисовки быта народа, он упоминает и отдельные предметы одежды. «Деревенские женщины и девки ранее всех от сна пробуждались (во время Валаамской ярмарки — В. П.) и, вставши, немедленно бросались к воде, чтоб умываться. Действие сие продолжалось у них не мало времени, потому что оне, во-первых, полощутся водою, потом моются мылом, которое смыв, натираются белилами и, натершись, стоят или сидят на судах без всякого действия, давая время белилам хорошенько вобраться в кожу. После сего бережно смывают их с лица; и как многие из них зеркал не имеют, то смотрятся в воду, и помощью сего зеркала уравнивают на себе подложную белизну, которую, наконец, прикрашивают румянами.

Надевают на себя кумашные сарафаны и повязываются алыми платками или лентами и тогда уже с судов своих сходят.

Многие, без сомнения, уборку сию похулят, особливо за излишнее употребление белил, которые состояются из вредной свинцовой извести; но поелику

деревенские женщины убираются таким образом во время ярманки, а в домах у себя в одни большие праздники, то беление сие ни мало лиц у них не портит, а доказывает, напротив того, их опрятность, веселость духа и охоту нравиться, когда есть кому казаться. Из сего ясно также видеть можно, что в нравах их грубости нет и что народ, который печется об убранстве, весьма способен к принятию просвещения, ему приличного».

Внимательно изучал Озерецковский и религиозные верования местного населения. Сведения, сообщаемые им в этой связи, с успехом могут быть использованы и современным исследователем данного вопроса. Он обращает внимание на различия отдельных групп населения по религиозному признаку. Так, в погосте Импилахти часть карельского населения исповедовала лютеранство, другая часть — православие. Описывает Озерецковский и обычай праздновать в отдельных деревнях или группах деревень дни определенных «святых», которым посвящены часовни. Очень важно отметить интерес Озерецковского к описаниям дохристианских верований.

Нельзя также пройти и мимо тех данных, которые имеются у Озерецковского о северном старообрядчестве. Исследователь, который пожелал бы изучить старообрядческую организацию и идеологию так называемого «поморского согласия», найдет у Озерецковского очень интересный материал, например, о классовом составе Даниловского скита (раскольничий монастырь): «...Не принимают они в свое собратство, кроме пожилых и богатых людей, после которых именование идет на общую казну...»

Исследователь найдет здесь и колоритные зарисовки быта старообрядцев в скитах: «Для благоустройства в монастыре, кроме настоятельницы, по кельям определены смотрительницы, большухами там называемая, кои надзирают над молодыми девушками».

Озерецковский не был убежденным атеистом, однако, будучи человеком объективным, настоящим ученым, он не мог примириться с невежеством, равнодушно проходить мимо того, в какой темноте жили народы тогдашней России. В условиях жестокой цензуры под внешней оболочкой беспристрастности его описаний скрывалось

желание видеть народ просвещенным, образованным, живущим зажиточной жизнью.

Край невежества, суеверий представляла собой Карелия в конце XVIII века. Лишь один раз на протяжении всей своей книги упоминает Озерецковский о школе. Он описывает ее с большой любовью: «Проходящая по городу (Олонцу — В. П.), в бедной избушке слышал я шум многих ребят, в одно время лепечущих; любопытство заставило меня войти в оную хижину, в которой нашел я маленьких мальчиков и девушек, сидящих за азбуками, часовниками и псалтырями; их обучал грамоте бедной пожилых лет мещанин за весьма малую плату; ученики его хорошо выговаривали слова и ясно читали, а учитель весьма казался... доволен, что такую должность занимается и видит в учениках своих успехи. Посещение мое было ему весьма приятно, хотя я трудов его ничем больше как ласковыми словами одобрить не мог».

Этим и ограничиваются те сведения, которые имеются у Озерецковского о школе. Впрочем, больше он и не мог говорить о школах — их не было.

Нельзя также не заинтересоваться теми сообщениями ученого, в которых он упоминает о некоторых исторических достопримечательностях края. Побывав в городе Кексгольме, он не забывает сказать читателю о том, что в древности этот город носил название Корелы (и, добавим мы от себя, был первым карельским городом, племенным центром). Не был чужд путешественник и определенных археологических интересов, о чем свидетельствует его рассказ о виденном им старинном порубежном камне, некогда отделявшем территорию России от Шведской Финляндии.

Озерецковский пишет и о прекрасных памятниках архитектуры, которыми так богата Карелия. К ним относится, в частности, и знаменитая Кижская церковь. «Близь Климецкого острова лежит... остров Кижский... на нем погост того же названия и состоит из двух деревянных церквей, из которых одна о 23 главах* и стоит на возвышенном месте; вид ее весьма красив...»

* Озерецковский ошибается. В действительности Кижская церковь — двадцатидвухглавая.

Этим первым в литературе описанием выдающегося памятника русского деревянного зодчества — Кижской церкви — Озерецковский внес большой вклад в дело изучения истории русской культуры, обратив внимание современников на это уникальное произведение народного гения.

Наконец, говорит Озерецковский и о первом в России курорте, функционировавшем в начале XVIII века — о кончезерских «Марциальных водах». Он посвящает этому интереснейшему памятнику подробное описание. Ныне на этом месте находится Музей Петра I (Филиал Государственного историко-краеведческого музея КАССР).

6

Оценивая тот вклад, который внес Н. Я. Озерецковский в изучение Карелии, мы должны констатировать, что сделано им чрезвычайно много. Наблюдая народную жизнь и природу Карелии, ученый сумел зафиксировать и тем самым сохранить для будущего ряд таких сведений, которые без него были бы для нас недоступны.

Стиль сочинений Озерецковского несколько суховат. Язык его точен, скуп, выражения четки, лапидарны. В отношении языка и стиля сочинения Озерецковского могут быть поставлены в один ряд с лучшими образцами научной прозы того времени.

Материалы, собранные академиком Озерецковским, хорошо поддаются тематической классификации, так как, путешествуя по стране, по разным ее районам, ученый неизменно возвращается к нескольким постоянно занимавшим его вопросам. Это — вопросы этнического состава населения, его культуры и быта, отчасти языка и истории, вопросы экономики и природы края. Все эти темы в различной степени отражены в его работах.

Больше всего места — и по объему и по глубине изучения — отведено в них экономике и природе края. В этом, естественно, сказался дух времени, сила той прекрасной традиции, которая была заложена еще Ломоносовым и продолжена его учениками и последователями, к числу которых можно без сомнения отнести и Озерецковского. Хозяйство населения интересует

Озерецковского с точки зрения возможностей его усовершенствования и улучшения, с точки зрения возможности использования местного опыта в других районах государства.

Какую бы область жизни края мы ни взяли, в том случае, если мы захотим изучить связанные с нею вопросы в историческом аспекте, мы должны будем обратиться к работам Озерецковского и почти всегда найдем в них важные материалы по интересующей нас теме.

Озерецковский продолжил дело, начатое И. И. Лепехиным.

ГЛАВА V

ПЕРВЫЕ «ОПИСАНИЯ» КАРЕЛИИ

I

Значительным итогом в изучении Карелии в XVIII веке явились различные «описания» края.

Первые «описания» появились в середине 80-х годов и представляли собой обобщения тех многочисленных материалов по географии, экономике и истории Карелии, которые к этому времени были собраны.

Очевидно, непосредственной предисторией составления «описаний» явился сбор сведений для подготовки ответов на специализированные анкеты и запросы Академии наук, рассылавшиеся в 60—70-е годы по всей стране.

Первая такая анкета была разработана М. В. Ломоносовым в 1760 году и состояла из 13 пунктов. В дальнейшем появились многочисленные варианты, в которых вопросы конкретизировались, затрагивались новые стороны жизни. в результате чего анкета значительно расширилась.

Ответы на эти вопросы Академии наук требовали от местных властей большой работы, тем более, что за анкетами стояли правительственные указы, в которых отмечалась необходимость сбора сведений для «географического описания Российского государства» и «нового исправленного Российского атласа». Поэтому подготовкой ответов занимались губернаторы, вице-губернаторы, многочисленные чиновники губернских и уездных

административных учреждений, а также местные любители-краеведы.

Сбор сведений иногда тянулся годами, собранные материалы составляли целые тома. И хотя далеко не все в этих сведениях было абсолютно точно, а на некоторые вопросы местные власти и вовсе не могли ответить, тем не менее общий положительный результат всей этой работы был бесспорен.

Анкеты Академии наук затронули, естественно, и Карелию. Так, в 1784 году в Петрозаводск были присланы «Топографические запросы», состоявшие из 35 пунктов. Предусматривалось, что ответы должны охватить всю территорию губернии.

Вопросы были самые разнообразные. Здесь и история города («что о нем по местным летописцам известно»), и подробное описание его расположения («на какой реке или озере построен, на каком берегу, на островах или на обоих берегах, на ровном или низменном месте»), и требование сообщить «о всех градских строениях», «промыслах и ремеслах обывателей». Большая группа вопросов касалась географии края — рек, озер, лесов, гор и т. д. Ряд вопросов был связан с промышленностью, состоянием сельского хозяйства и торговли. Наконец, последняя группа вопросов носила этнографический характер: об обычаях, быте и нравах населения. Таким образом, географическое и статистико-экономическое изучение страны связывалось с изучением национальных и исторических традиций народа.

Вся анкета отличалась сугубо практической направленностью. Если речь шла о реках и озерах, то в ответах следовало указать не только их местоположение, но и судоходны ли они, какие есть пристани и какие товары на них сгружаются, есть ли рыба, когда и какими снастями ее ловят. Говоря о промышленности, надо было сообщить, каким сырьем, местным или привозным, пользуются заводы. Ответы на запросы по сельскому хозяйству должны были включать сведения, «где и что лучше растет», какими сельскохозяйственными орудиями пользуются жители. Вместе с тем анкета предусматривала и такие вопросы, как «нет ли отменных лекарственных вод», «нет ли в известное время приключающихся болезней, как в рассуждении людей, так и в рассуждении скота, и какие средства в болезнях

жители употребляют», «не бывает ли какого вреда жителям от гадов» и т. д.

Подготовкой материалов для ответов на эту анкету занимался сам олонецкий губернатор Г. Р. Державин. На полях одного из экземпляров анкеты сохранились его многочисленные пометки — где следует взять сведения по тому или иному вопросу. Интересно, что часто Державин пишет «дам знать» или «доставлено будет от меня». Это, очевидно, свидетельствует о том, что многие материалы были уже в Петрозаводске.

На последнем листе анкеты Державиным была сделана следующая приписка: «Объявить господину профессору, что ежели он скоро уедет в Петербург, так что оных всех сведений до отъезду его сообщить не можно будет, то по получении оных я лично от себя оные в беспродолжение времени ему в Петербург доставить не оставлю»²². Судя по тому, что эта запись была сделана в 1785 году, можно предположить, что приедем «господином профессором» был Н. Я. Озерецковский, который летом этого года заезжал в Петрозаводск.

Сохранившиеся в архивах многочисленные материалы являются наглядным свидетельством того, как много экономических, статистических, исторических и других сведений было собрано в эти годы. Здесь и краткие описания отдельных погостов, составленные местными исправниками, и описания городов, и самые разнообразные «ведомости», «табели» и т. д. В них внесли свой вклад и многие краеведы, авторы различных частных описаний, и неизвестные геодезисты, перекладывавшие местность на ландкарты, и десятки крестьян, открывавших месторождения различных полезных ископаемых.

Конечно, эти материалы были неодинаковы и по характеру и по ценности. Но это была необходимая основа для создания будущих описаний.

2

Первое и наиболее полное описание Карелии называлось «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества». Это описание было составлено в начале

1785 года под руководством генерал-губернатора Олонецкой и Архангельской губерний Тимофея Ивановича Тутолмина.

Составление «Исторических примечаний» не было результатом личной инициативы Тутолмина. В 70—80-е годы XVIII века аналогичные описания были созданы во всех губерниях страны. Судя по тому, что все они составлены по более или менее единому плану, можно предположить, что авторы этих описаний руководствовались каким-то общим образцом, возможно, специальной правительственной анкетой, а само их составление вменялось в обязанность губернаторам соответствующими распоряжениями²³.

Многие из губернских описаний были опубликованы. Описание Олонецкой губернии известно только по рукописному списку, за которым в литературе закрепилось название «Описание» Тутолмина.

Как создавалось тутолминское «Описание», мы не знаем, равно как неизвестны и имена непосредственных исполнителей этой работы, ибо очевидно, что генерал-губернатор не сам написал этот объемистый том. Г. Р. Державин упоминает о предшествовавшей составлению описания поездке Тутолмина по губернии, но никаких подробностей об этом не сообщает, кроме того, что поездка происходила зимой. Никаких других материалов об этой поездке не сохранилось.

«Описание» Тутолмина было размножено в нескольких экземплярах, находящихся сейчас в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, в Центральном военно-историческом архиве, в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Интересно, что в дальнейшем первоначальный текст «Описания» подвергался частичным изменениям. Периодически через несколько лет в него вносились дополнения или уточнения в соответствии с теми событиями, которые за это время произошли, причем основа текста оставалась прежней. Обычно изменения касались административных перемен и статистического материала. Один из таких поздних вариантов, носящий название «Историческое и топографическое описание Олонецкой губернии», был составлен в начале XIX века

(примерно в 1810 году)²⁴. Это различие вариантов необходимо учитывать при использовании того или иного текста рукописи.

«Описание» Тутолмина открывается разделом «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших», представляющим очень беглый, на нескольких страницах, исторический очерк края со времени его заселения. Очерк написан на основе «Истории Российской» В. Н. Татищева и некоторых летописей. Автор явно не стремился к систематическому изложению исторического прошлого края, основное содержание очерка составляет рассказ о совместных военных действиях Новгорода и карел в XIII веке. Весь остальной текст — «топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества».

«Описание» построено по четкому плану, хотя, строго говоря, выходит по своему содержанию за рамки названия, ибо в нем сочетаются физико-географические разделы с географо-экономическими.

Значительную часть «Описания» занимают сведения о территории губернии, ее границах, флоре, фауне и климате. Отдельные разделы описывают «грунт земли в Олонецкой губернии», «леса в губернии и в оных растущие деревья», зверей и птиц, «ягоды и грибы». По наблюдениям автора, погода в губернии подвержена «...скорым и жестоким переменам. Нередко случается, что реомюров термометр от 16 и более градусов стужи восходит в несколько часов до 3 и 5 градусов теплоты и что в самое жаркое летнее время укрываться должно в шубе от холода... Морозы начинаются иногда в июле месяце, а снег выпадает в сентябре и октябре; реки становятся в исходе октября и в начале ноября, весна начинает быть не ранее мая месяца... Онежское озеро очищается ото льда в июне месяце сильными ветрами, которые, взломав оный, разносят в заливы сего озера...»

В «Описании» подробно охарактеризованы реки и озера края. Правда, «реки через наместничество текущие», рассматриваются главным образом как торговые пути, поэтому особенно подробно описаны встречающиеся на них пороги. Указывая площадь крупных озер Карелии, автор отмечает, что «небольших же считается

более тысячи» (в действительности их около 44-х тысяч)²⁵.

В текст включены небольшие исторические справки и краткие характеристики всех пяти городов губернии: Петрозаводска, Олонца, Повенца, Вытегры и Каргополя (город Кемь был «открыт» через несколько месяцев после составления «Описания»). Интересно обоснование расположения городов — оно «не только приятное, но и выгодное для расширения внутреннего и заграничного торга». Так, например, Петрозаводск, «будучи поселен на отлогом и гладком берегу залива озера Онеги, доставляет всю жителям его удобность сообщаться с городами Олонецкой губернии, с Санкт-Петербургом и с лежащими при Балтийском море посредством Онежского озера, реки Свири, Ладожского озера и Невы реки...» Олонец тоже «от местного своего положения заимствует выгоды», они связаны с близостью Ладожского озера. Преимущества Повенца — в возможности сообщения с городами, расположенными на Онежском и Ладожском озерах.

Большое место в «Описании» занимают вопросы торговли. Обстоятельное перечисление предметов торговли для различных уездов губернии дополняется краткими характеристиками основных ярмарок. Интересны сведения о торговле водными путями. Как отмечено в «Описании», «Изо всех городов и уездов Олонецкой губернии... знатное число галиотов и других мореходных ластовых судов отправляется ежегодно к Санкт-Петербургскому порту с разными из внутренних провинций на здешние пристани доставляемыми товарами и с собственными сей страны произведениями». В частности, из Поморья в Петербург доставлялась соленая рыба, из Повенецкого уезда — меха.

Значительную ценность представляют материалы, касающиеся сельского хозяйства губернии: подробно перечислены все культуры, возделываемые в различных уездах, указаны урожаи. По наблюдениям автора, огородные культуры «обитатели сего наместничества сеют весьма мало». В перечне их названы лишь репа, редька и бобы. Из земледельческих орудий упоминаются прямые сохи и деревянные бороны. К бороне «привязывают сзади одинаковой с ней длины бревно, несколько зарубок имеющее, которое остающиеся глыбы земли острыми

краями своими и тяжестью раздавливает и умягчает».

Интересны некоторые сведения о животноводстве, особенно в Олонецком уезде, где оно достигло к концу XVIII века сравнительно высокой ступени развития.

В жизни местного населения большую роль играли промыслы. В «Описании» перечислены пункты отхожих промыслов: Петербург, Москва, Рига, Новгород, Выборг и другие. Упомянуты и морские промыслы, участники которых доходили до Шпицбергена и Новой Земли.

Около одной трети всего текста составляет раздел «Металлы и минералы». В нем перечислены все месторождения края с указанием времени, когда они были обнаружены, и степени их разработки. Эта часть «Описания» важна для изучения истории геологических исследований Карелии.

«Описание» содержит также краткие сведения о состоянии промышленности, «достопамятных местах и селениях», данные о быте местного населения.

Нельзя не отметить, однако, что в тутолминском «Описании», при всей его несомненной ценности, чувствуется известное стремление к приукрашиванию действительного положения дел. Это привело, в частности, к фактическим ошибкам, к неправильной общей характеристике положения крестьян и т. д., на что позднее обратил внимание Державин. Но, несмотря на это, «Описание» Тутолмина остается одним из важных источников по истории Карелии второй половины XVIII века.

3

Через несколько лет после составления тутолминского «Описания» было написано другое описание Карелии, впервые опубликованное Озерецковским в его книге «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя». Как сообщает Озерецковский, это «Описание» на 1788 год он получил «из города Архангельска от Василия Васильевича Крестинина, Императорской Академии Наук Корреспондента».

В. В. Крестинин, известный историк Русского Севера, был автором многих интересных работ, боль-

шинство из которых увидело свет еще при его жизни. Несомненную ценность представляют его исследования «Исторические начатки о двинском народе», «Краткая история о городе Архангельском», работы, посвященные внешней торговле России в первой четверти XVIII века, описанию Новой Земли и многие другие.

Трудно сказать, был ли Крестинин автором «Описания», приведенного Озерецковским. Дело в том, что, по словам Озерецковского, это «Описание» было составлено в Петрозаводске, а по всем имеющимся сведениям Крестинин никогда в Карелии не был. В сохранившихся письмах Крестинина в той или иной форме упомянуты почти все его работы, но об описании Олонецкой губернии в них ничего не говорится²⁶. Вместе с тем некоторые разделы приведенного Озерецковским «Описания» перекликаются с другими сочинениями Крестинина и дают повод для предположения, что Крестинин мог составить это «Описание» и не будучи в Карелии (чего Озерецковский мог не знать).

Поскольку для окончательного решения вопроса об авторе этого «Описания» достаточных данных пока нет, мы условно будем называть «Описание» крестининским, так как именно В. В. Крестинин способствовал введению его в научный оборот.

«Описание» начинается с сообщения о местоположении и административном делении описываемой территории, после чего автор переходит к вопросу о расселении народов в этом крае, указывая на то, что русское население не является здесь исконным. «Россияне, поселясь на сих для промысла более удобных берегах, вытесняли первобытных обитателей внутрь земли. Ближние их за россиянами селения, не далее двадцати верст начинающиеся, именуются и до днесь первая Корела. Они употребляют древний свой природный язык, которым поселившиеся перед ними россияне не говорят».

Следует, конечно, иметь в виду, что тогдашний уровень знаний в области этнической истории был еще очень невысок. С одной стороны, мало было накоплено самого фактического материала, с другой стороны, приемы его обработки, классификация и истолкование с современной точки зрения оставались в общем довольно примитивными. И можно только удивляться тому, что в этих условиях автор «Описания» сумел в ряде

случаев подняться над уровнем современной ему науки и высказать глубокие и верные мысли. Хотя он ошибочно считал «первобытными жителями Олонецкой губернии» пермские племена, общие его рассуждения все же представляют большой интерес и заслуживают всяческого внимания. Так, например, автор «Описания» пишет: «Ежели сходство языка доказывает одинакое происхождение народов или тесное и долговременное оных между собою обращение, то употребляемое и ныне наречие карелов и зырян, старобытных жителей Архангельской губернии, может с основанием подтвердить вышесказанное мнение». Автор, по-видимому, не знал, что архангельские карелы не являются автохтонным населением, а поселились здесь лишь примерно в середине XVII века. Однако самая идея видеть в языковом родстве — родство по происхождению или результат длительных и тесных общений народов являлась в те времена очень смелой, новой и плодотворной.

Основная мысль автора при изложении им своего взгляда на этническую историю края сводится к совершенно справедливому утверждению, что эта территория прежде, до появления славян, была заселена исключительно финноязычными народами. Одним из первых в русской и мировой науке автор «Описания» пытается аргументировать свои утверждения данными топонимики.

Эти два важных теоретических положения составляют ценный вклад в дело изучения истории края и в русскую науку в целом.

Хотя и кратко (но достаточно обстоятельно для такой небольшой работы) говорится в «Описании» о хозяйстве края. Интересны указания по поводу земледелия и ремесел в южных уездах, подтверждающие сведения других источников: местные жители не могут «продовольствоваться... своим хлебом, но покупают из ближних городов; имеют же в предмете ремесла, как-то; теску каменную, судостроение и прочия, и через то приобретают деньги на платеж податей и на собственное свое содержание».

Особое внимание уделено прионежскому льноводству. Описаны места разведения льна, складочные пункты, указаны цены на лен. Крестьяне Пудожского и Вытегорского уездов «употребляют угоды свои на

посев одного (льна — В. П.), коего вообще в сих двух округах более 60 000 пуд произрастает; а главный урожай в волостях Нигижемской, Пудожской, Пещанской, Купецкой, Андомской и Шальской, кои одне около 40 000 пуд продают. В Шальской волости, лежащей в семи верстах от озера Онега, из всех мест свозимый лен купцами покупается, тут же треплется и в тюках, уже чистый, отвозится до озера Онега, где грузится на галиоты и препровождается к Санкт-Петербургскому порту». На базе льноводства в крае возникали мелкие предприятия по переработке льна.

Отличительной особенностью другого района, Олонца, была специализация по производству ниток. «В Олонце и в окрестностях его готовится ежегодно довольно знатное количество весьма тонких ниток», что, возможно, следует связать с производством кружев, которыми Олонец славился впоследствии.

Особое место в крестининском «Описании» отводится Карельскому Поморью — «Кемской округе». Население «Кемской округи» имеет, по данным автора «Описания», «главным предметом рыбный и звериный промысел и прочие обороты ремесла». Да и в самом городе Кеми главное занятие жителей — развитое мореходство. «Жители сего города упражняются в морских, звериных и рыбных промыслах на Белом море и при берегах Северного океана, отъезжая туда на собственных своих мореходных судах».

Эта естественная специализация производства вызвала необходимость развития обмена, торговли. И хотя торговля с внутренними областями материка затруднялась из-за отсутствия на севере Карелии удобных путей сообщения, все же мы имеем определенное указание на то, что она существовала и развивалась, причем торговые связи простирались до Ботнического залива Балтийского моря.

Автор «Описания» указывает на необходимость и выгоду связей с Поморьем; посредством таких связей «купечество получать может от поморских жителей, отъезжающих для промыслов на Мурманский берег и к Шпицбергену, привозимую оттуда рыбу, треску, палтасину и сельди и звериные кожи, оленей,

моржей, серки, морских зайцев, белых медведей, голубых и белых песцов, гагочей пух и прочее».

Крестининское «Описание» является одним из наиболее ранних по Карелии вообще и Карельскому Поморью в частности. Это в сущности первое исследование по истории Карелии и в особенности по ее этнической истории. Интересна работа и по содержащемуся в ней фактическому материалу, отобранному, проверенному и вполне достоверному. Она может служить ценным источником сведений при изучении истории, экономики и этнографии Карелии конца XVIII века.

4

Одно из последних общих описаний Карелии в XVIII веке принадлежит члену Вольного экономического общества Алопеусу, опубликовавшему в 1792 году работу под названием «Описание местоположения Кексгольмской провинции, иначе Карелиею называемой».

Алопеус дал очень краткое (18 небольшого формата страниц) в основном физико-географическое, с отдельными историческими экскурсами, описание Карелии. Алопеус справедливо писал, что, хотя Карелия «не из меньших и не из последних в Российском государстве... и имеет великие свои преимущества», она недостаточно исследована «в рассуждении свойств ея, состояний хозяйства, торговли и находящихся в той землѣ выгод».

Однако «Описание» Алопеуса лишь в очень небольшой части ликвидировало этот пробел. С рассмотренными выше описаниями оно не выдерживает сравнения: описание Тутолмина и Крестинина гораздо глубже и обстоятельнее. Но на стороне сочинения Алопеуса одно очень важное преимущество, которое нельзя недооценивать. Его «Описание» — одно из первых, ставших доступным русскому читателю. К тому времени, когда Алопеус напечатал свою работу, материалы Лепехина и Озерецковского опубликованы еще не были, равно как и все другие описания Карелии. Известны были карты, «ответы» Лаксмана, отдельные отрывочные сведения. Публикация материалов значительно отставала

от степени их накопления, и поэтому «Описание» Алопеуса должно быть отмечено, как одна из первых печатных попыток систематизировать некоторые сведения о Карелии.

5

Отдельную группу составляет несколько описаний, касающихся промышленности Карелии. Наибольший интерес среди них представляет «Российская горная история» Аникиты Сергеевича Ярцова. Не опубликованная, к сожалению, до сих пор рукопись работы Ярцова хранится в Ленинградском горном институте.

А. С. Ярцов, один из крупнейших знатоков горнозаводского дела в России, родился в 1737 году. В 1772 году «за отменное усердие и искусство» был произведен в чин обер-бергмейстера и назначен главным начальником строительства пушечного завода в Олонецком крае (будущего Александровского завода в Петрозаводске). В дальнейшем Ярцов стал главным управителем казенных заводов в Карелии.

После отъезда из Петрозаводска, в начале 80-х годов, Ярцов был управляющим горного училища, главным начальником Уральских горных заводов. В 1803 году он подал на имя Александра I записку под названием «Начертание заводов Уральского хребта», послужившую причиной создания специальной комиссии для выработки более совершенных методов управления горными заводами.

Умер А. С. Ярцов в 1819 году.

Уже вскоре после отъезда из Карелии Ярцов занялся энергичным сбором материалов для будущей «Российской горной истории». Работу над ней он закончил около 1812 года. Часть рукописи посвящена Олонецким горным заводам.

Касаясь возникновения казенной промышленности в Олонецком крае, Ярцов высоко оценивает уровень работ и темпы строительства. По его мнению, русские люди нигде не проявляли такой кипучей деятельности, «как на Олонце в устройении там около 1700 года еще первых в России казенных горных Петровских заводов».

Однако прежде всего внимание Ярцова сконцентрировано на истории строительства и деятельности Алек-

сандровского пушечного завода. Подробно описывая историю строительства завода, Ярцов отмечает, что оно велось по его «планам, сметам и моделям, так что никаких других архитекторов или механиков к строению не было им потребовано... и все по тем планам и по собственным его установкам исполнялось одними лишь заводскими мастерами и крестьянами и из них избранными плотниками и других ремесел художниками...»

Большое место в рукописи Ярцова занимает описание производственных процессов, технической реконструкции завода, системы учета и т. д.

Интересно, что Ярцов весьма критически относился к деятельности иностранцев, работавших на заводе, в частности, к управляющему Александровским заводом Карлу Гаскойну. § 73 «Российской горной истории» носит характерное название: «Каким образом некие вредные люди начали было портить при самой отливке Александровских пушек». Начинается этот параграф следующими словами: «За нужное почитается сюда внести для потомственного сведения и осторожности, каким образом зловредные иностранцы для каких-либо корыстей своих могли портить пушки на Александровском заводе, как при самом литье оных из самого лучшего чугуна, так и при пороховых пробах».

Ярцов отмечал не только ошибки иностранцев в процессе производства, но и указывал на чрезмерную эксплуатацию ими мастеровых, которых иностранные специалисты лишали праздничных дней. Нередко они увеличивали продолжительность рабочего времени, чтобы «более им досталось... прибыли».

Разностороннее и глубокое описание, основанное на великолепном знании предмета, делает «Российскую горную историю» ценнейшим источником для изучения истории металлургической промышленности Карелии.

Интересен очерк вице-губернатора Олонецкого наместничества С. Н. Зиновьева «О железоделательных заводах Олонецкого наместничества, частным лицам принадлежащих», опубликованный в одном из периодических изданий в 1793 году²⁷. В основу очерка были положены материалы, уже использованные в «Описании» Тутолмина и в ведомостях канцелярии Олонецких

горных заводов (две таких ведомости, за 1778 и 1785 годы, находятся в фондах ЦГА КАССР).

Зиновьев дал последовательное описание девяти заводов (четырех в Петрозаводском уезде, двух в Олонецком, двух в Вытегорском и одного в Повенецком). Все описания сделаны по общей схеме: «когда заводы сии построены; сколь долго и с какою выгодой находились они в действии и для чего оставлены...» Зиновьевым указаны, в частности, размеры выпускаемой заводами продукции и их техническое оснащение.

Очерк Зиновьева свидетельствует о значительном упадке частной металлургии в 70—80 годах XVIII века.

Из числа описаний, посвященных другим отраслям промышленности, следует упомянуть небольшое сочинение Алопеуса «Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород...», опубликованное в 1787 году. В этом описании перечислены и кратко охарактеризованы различные разработки декоративного камня в Карелии, причем основное внимание уделено Тивдийским мраморным ломкам.

6

Во второй половине XVIII века в России продолжались большие картографические работы. В 1783 году был опубликован указ, согласно которому предусматривалось составление «генеральных атласов» всех губерний. В дальнейшем они вошли в состав «Российского атласа», состоявшего из 44 карт.

Еще до создания атласа Олонецкой губернии, в 1784 году, была составлена карта «Санкт-Петербургской губернии и Олонецкой области, состоящей из пяти уездов, то есть Петрозаводского, Олонецкого, Вытегорского, Каргопольского и Повенецкого». Карта эта была создана при непосредственном участии и под руководством А. С. Ярцова. На нее, кроме административных границ, нанесены границы уездов, заводы, рудники, основные дороги. Для некоторых частей карты производились специальные инструментальные съемки, «другие же места и уезды внесены им (Ярцовым — Е. Э.) с других карт, а иное и по частным описаниям,

каковы были деланы в 1774 и 1775-м годах». Особый интерес этой карте придают многочисленные отметки месторождений полезных ископаемых.

Атлас Олонецкой губернии был составлен в 1786 году. Помимо карты, он включал в себя и основные статистические сведения, характеризующие губернию. Что же касается самой карты, то она отразила те изменения, которые произошли в административном устройстве края: впервые на ней к Олонецкой губернии был отнесен Кемский уезд. В остальном же эта карта, как и карта губернии, входившая в состав «Российского атласа», опубликованного в 1792 году, повторяет предшествующие карты.

В заключение следует упомянуть о карте Олонецкой губернии и планах городов, которые приложены к одному из поздних вариантов тутолминского «Описания». Эта карта составлена после 1797 года, так как на ней снова отсутствует Кемский уезд, отнесенный к Архангельской губернии. Небольшая по формату, эта карта обращает внимание исключительной тщательностью исполнения и четкими границами между уездами губернии.

Картографические материалы второй половины XVIII века также совершенно выпали из поля зрения историков Карелии, хотя они, несомненно, должны использоваться наряду с другими источниками.

ГЛАВА VI

Г. Р. ДЕРЖАВИН В КАРЕЛИИ

I

Имя Гавриила Романовича Державина, крупнейшего русского поэта допушкинской поры, прочно вошло в историю русской литературы. Поэзии Державина посвящены десятки книг и статей, его лучшие стихи приводятся и в школьных хрестоматиях, и в специальных антологиях. Велики заслуги Державина и в создании русского литературного языка.

Всем известно, что Державин был не только поэтом, но и государственным деятелем, хотя, конечно, Державин-поэт безмерно выше Державина-губернатора или Державина-министра, и «Фелица» и «Водопад» стяжали ему значительно большую славу, чем распоряжения по Олонецкому и Тамбовскому наместничествам или его указания как министра юстиции.

Но мало кто знает, что Державин внес большой вклад в изучение Русского Севера, оставив интереснейшее описание своего путешествия по Карелии, предпринятого летом 1785 года, собрав большой материал по истории и этнографии края. Эти материалы до сих пор почти не опубликованы, они находятся в архивах Ленинграда, Петрозаводска и Архангельска²⁸.

Державин пробыл в Карелии свыше года, с середины сентября 1784 года по начало ноября 1785 года, исполняя должность олонцкого губернатора.

Административная деятельность Державина в Карелии была чрезвычайно многообразна. Не останавливаясь на ней подробно, следует отметить, что нет, разумеется, никаких оснований для идеализации Державина-губернатора. Он был выразителем интересов своего класса, исправно выполнял все распоряжения Сената, стремился к укреплению дворянской диктатуры.

Но вместе с тем Державина нельзя рассматривать как обычного екатерининского губернатора. Он был связан с деятелями передовой русской литературы, в частности, большое влияние на него оказал знаменитый русский просветитель XVIII века Н. И. Новиков. И хотя новиковские идеи отрицания крепостничества оставались Державину чуждыми, Новиков все же во многом способствовал утверждению мысли поэта о высоком долге служения родине. Именно за это стремление к «правде», к «законности», к «служению на пользу общую» ценили Державина Радищев, декабристы, Чернышевский.

Одним из наиболее существенных итогов деятельности Державина в Карелии является собранный им большой и интересный материал о жизни края, включающий статистические, этнографические и исторические сведения. Материал этот Державин начал собирать уже вскоре после приезда в Петрозаводск.

В глубоком и всестороннем ознакомлении с губернией, выяснении ее природных ресурсов, состояния промышленности и перспектив развития, в изучении занятий и быта населения видел Державин одну из основных своих задач. Для него это был не только долг губернатора, в этом сказывалась глубокая заинтересованность человека, понимающего насущную необходимость подлинного познания края, развития его экономических возможностей. Есть основание предполагать, что Державин имел в виду составить новое описание губерний, но не успел этого сделать в связи с отъездом из Карелии.

Мы уже упоминали о работе, проведенной Державиным в связи с анкетой Академии наук. Не ограничиваясь письменными запросами, Державин использовал и служебные поездки немногочисленных петрозаводских чиновников. Так, отправляя нескольких стряпчих

Г. Р. Державин

для проверки состояния судопроизводства в различных городах, Державин указывал им на необходимость «получить от обращения с тамошними градскими жителями или поселянами... нужные для топографического описания сведения. А притом, ежели от кого что узнаете или сами заметите касательно до исторического известия о происхождении того края, народов, о древних приключениях, об обычаях и нравах, или любопытные

какие краткие и справедливые повести или редкости во всех царствах природы, то все не оставьте любопытством вашим собрать и доставить ко мне при возвращении вашем в губернский город Петрозаводск». Чиновники были снабжены специальным «ордером», который обязывал местные административные учреждения оказывать им в сборе сведений всяческое содействие.

Державин собирал материалы не только по Олонецкой губернии, но и по пограничным зарубежным районам. Так, со специальным заданием составить описание «шведских лапландцев»* был отправлен Державиным к северо-западным границам Карелии чиновник Николай Эмин, сын известного романиста и журналиста XVIII века Федора Эмина. В инструкции Эмину Державин писал, что тот должен «вносить в свои записи все, что только жителями тех мест объявлено будет касательно истории и тамошних обитателей... Обстоятельно описать настоящее жителей той страны состояние, образ жизни, нравы, обычаи, исповедания веры, язык, промыслы, хозяйство, садоводство, земледельство и все народные избытки и недостатки равномерно же. Стараться всячески проникнуть и разведать древнее их народов происшествие, переселение и случай начального их поселения с объяснением всех в последующие времена случившихся приключений и знаменитых перемен».

Результатом всех этих мероприятий явились многочисленные «ведомости», «описания», таблицы, копии различных древних актов и другие материалы, сохранившиеся в бумагах Державина. Среди них обращают на себя внимание описания отдельных городов (Петрозаводска, Олонца, Каргополя и др.), обстоятельные сведения о промышленности и сельском хозяйстве. Эмин представил Державину «Краткое описание образа жизни и свойств живущих в смежности с карелами шведских лапландцев»²⁹. Правда, описание оказалось значительно более «кратким», чем хотел Державин. В своем рапорте Эмин объяснял это тем, что «в расуждении исторических истин по неимению древних

* Под «Шведской Лапландией» имелась в виду северо-восточная Финляндия. Так обозначалась эта территория и на русских картах XVIII века.

рукописей и по невежеству народа описать было невозможно». Но ряд сведений о современном положении края Эмин все же привез. Он описал флору и фауну, состояние земледелия и скотоводства, быт и обычаи населения. Эмин отметил, что в способах ведения сельского хозяйства, в некоторых обычаях у населения «Шведской Лапландии» много общего с живущими по соседству с ними карелами. Что же касается языка, то, по наблюдениям Эмина, «кроме некоторых названий и отличий в произношении, он совершенно сходствует с карельским».

Однако наиболее интересные наблюдения были сделаны самим Державиным во время его путешествия по Карелии.

2

Летом 1785 года по дорогам Карелии продвигались почти одновременно три экспедиции. Материалы двух из них — академиков Озерецковского и Иноходцева — были вскоре опубликованы и получили всеобщее признание. В составе третьей экспедиции ученых не было, отчетов в Академию наук от нее не поступало. Строго говоря, даже термин «экспедиция» к ней не очень применим: из Петрозаводска в служебную командировку ехал олонекский губернатор Г. Р. Державин. Его сопровождали два чиновника. Однако эта поездка имела один весьма примечательный результат. В ходе ее под руководством Державина был составлен интереснейший путевой дневник — «Поденная записка», в котором исправно фиксировались все впечатления и наблюдения во время продолжительного пути³⁰.

К сожалению, историки Карелии к «Поденной записке» почти не прибегают. Между тем она заслуживает несомненно лучшей участи. На 66 написанных убористым почерком листах в ней содержится подробное описание географического положения, флоры и фауны районов, через которые проезжали путешественники, наблюдения над состоянием промышленности, сельского хозяйства, торговли, меткие и точные зарисовки быта населения, мастерские описания северной природы.

Державин и его спутники, Эмин и Грибовский, проехали по Карелии около 1500 километров. Выехав из

Петрозаводска, они проехали через Кончезерский завод и Марциальные воды (с заездом на Кивач) до Тивдийских мраморных ломок, затем, вернувшись обратно до Кондопоги, направились в Кижы, оттуда в Пудож, а из Пудожа на север до Кеми через Повенец, Воицкий рудник, Сороку. Обратно в Петрозаводск Державин возвращался другим путем, посетив Сумы, Каргополь и Вытегру. Вначале он предполагал еще заехать в Лодейное Поле и Олонец, но этого ему сделать не удалось, так как в конце августа из Сената в Петрозаводск были присланы запросы, ответы на которые Державин «учинить в пути не мог». Таким образом, значительная часть маршрута падала на северные районы Карелии, в которых Озерецковский не был. Это обстоятельство придает сведениям Державина особый интерес.

Результаты поездки Державина нашли отражение не только в путевом дневнике. Еще до поездки Грибовский по указанию Державина снял копию «Описания» Тутолмина, которую Державин взял с собой, чтобы сверять с ней получаемые сведения. Этот экземпляр находится в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР и хранит следы весьма внимательного отношения Державина к работе Тутолмина; широкие поля рукописи испещрены его собственноручными многочисленными пометками и записями, иногда занимающими несколько страниц. Всего Державин сделал 88 «примечаний». Эти «примечания» почти не были опубликованы³¹. Между тем они содержат весьма существенные поправки к творчеству архангельского и олонецкого наместника. Наконец, в ходе путешествия Державиным был написан ряд предложений Олонецкому наместническому правлению, многие из которых также представляют интерес для историка и дополняют сведения «Поденной записки». Таковы «Примечания о поморских соляных варницах», «о постройке казенных строений в Пудоже и других городах», «о казенных хлебных магазинах» и др. Для изучения истории крестьянства и генерального межевания большую ценность представляет неопубликованная «Записка о разделе земель между государственными крестьянами Олонецкой губернии по приказам экономии директора и о происшедших от того раздорах».

Официальная цель поездки заключалась в том, что Державин должен был присутствовать на торжественном «открытии» города Кеми. Но дело было, по-видимому, не только в этом. Державин рассчитывал во время путешествия осмотреть край собственными глазами, собрать новые материалы для будущего описания. Этим и объясняется характер его путевых записей, обилие в них цифровых данных, исторических справок, многочисленных сведений по самым различным вопросам хозяйственной жизни и быта населения.

3

Поездка Державина продолжалась почти два месяца — с 19 июля по 13 сентября 1785 года. Чтобы лучше узнать край, Державин и его спутники двигались не торопясь, обычно верхом или на лодках, часто и подолгу останавливаясь. Так, на первую часть пути — от Петрозаводска до Кончезерских заводов — Державин затратил двое суток.

Уже первые записи «Поденной записки» дают возможность составить достаточно ясное впечатление о том, как проходила поездка. «Выехали из Петрозаводска и, проехав 12 верст, пристали к острову, именующемуся Попову... Оттуда поехав и миновав множество мелких островов, замечательных по своей приятности и из которых на одном растет на голем камне ель, приехали корельской трети в деревню Суйсар, лежащую при Онежском заливе.

Ночевав в оной, пустились в путь и, проехав 20 верст Онежской губой, коей берега и в отличном положении рассеянные острова довольно приятный вид имеют, пристали к деревне Янич-поле...»

В ходе поездки Державин и его спутники провели 6 дней в Пудоже, 4 — в Повенце. Поскольку значительная часть пути проходила по воде, продвижение часто задерживалось из-за плохой погоды. Однажды около Соловецких островов их застигла буря. Державин рассказал об этом в своих автобиографических записках (называя себя в третьем лице):

«...как поднялся противный ветер, и был он (Державин — *Е. Э.*) в шестивесельной рыбацкой лодке, в которой против погоды плыть по морю никаким образом

невозможно, то приказал направить свою лодку по погоде... но восстала страшная буря, молния и гром, так что нельзя было без освещения молнии и различить совсем предметов... бывшие с ним экзекутор Эмин и секретарь Грибовский замертво без чувств лежали».

Позднее в оде «Буря» Державин писал об этом:

Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн.
Белы горы идут мимо,
В шуме их надежд я полн.

Много строк «Поденной записки» посвящено описанию суровой красоты северной природы, привлекавшей всех побывавших в этом краю путешественников. Державин пишет о «замечательных по своей приятности» островах, «прекрасных» долах. Но, конечно, особенное восхищение поэта вызвал водопад Кивач, великолепное описание которого вошло в «Поденную записку». Позднее, в 1794 году, воспоминания о Киваче привели его к созданию оды «Водопад».

«Из Кончезерских заводов поехали в деревню Верхнюю Воронову, в 10 верстах от оных отстоящую; из Воронова, сев на лодки, поехали по реке Суне к порогу, именуемому Кивачем. Сей расстоянием от деревни находится в шести верстах. Дикость положения берегов и беспрестанные видов перемены ежечашно упражняют взор. Проехав три версты, река была покрыта пеною, и чем ближе подъезжали, тем пена сия была гуще и, наседая на берега, казала оные как бы униженные белыми камнями. В версте от порогов показался в правом боку дым, который по мере приближения сгущался. Наконец пристав и взошед на гору, увидели мы пороги сни. Между страшными крутизнами черных гор, состоящих из темно-серого крупнозернистого гнейса, находится горло глубиною до 8 сажень; в оное с гор, лежащих к востоку и к полудню, падает с великим шумом вода, при падении разбивается в мелкие брызги на подобие рассыпанной во множестве муки. Пары, столбом восстающие, достигают до вершин двадцатипятисаженных сосен и оные омочают... Чернота гор и седина биющей с шумом и пенящейся воды наводит некий приятный ужас и представляет прекрасное зрелище».

Маршрут поездки Г. Р. Державина в 1785 году

4

«Поденная записка» содержит ряд интересных наблюдений, касающихся состояния сельского хозяйства, промыслов, промышленности и торговли края. Переезжая из уезда в уезд, Державин всегда записывает, какие культуры возделывают в этом месте крестьяне, каковы урожаи последних лет, данные о животноводстве и птицеводстве (так, например, в Сумском остроге Державин записал: «Из птиц они (крестьяне — Е. Э.) вводят

одних куриц, коих в Остроге находится 113»). Правда, конкретных сведений по сельскому хозяйству в «Поденной записке» сравнительно немного. Это объясняется, по-видимому, тем, что Державин не был в основном земледельческом районе тогдашней Карелии — в Олонецком уезде.

В противовес Тутолмину Державин далек от того, чтобы приукрашивать тяжелое положение крестьян, и в этом отношении его записи очень схожи с впечатлениями Озерецковского.

Чем дальше продвигался Державин на север, тем чаще в «Поденной записке» фиксировались «недостаточность хлебопашества», «ничтожно малые урожаи». По словам Державина, крестьяне Пудожского уезда, чтобы прокормить себя, покупают хлеб в Вытегре и Каргополе, а жители повенецких деревень еле-еле сводят концы с концами за счет промыслов. Подробно описав характерную для северных районов подсеchnую систему, Державин рассказывает, как в Повенецком уезде проливные дожди в течение нескольких лет мешали проводить пережоги. В результате «жители терпят великую нужду в хлебе и для приобретения пищи ходят в поморскую Кемь и другие места, питаются подаванием...» Неурожай привел к тому, что значительная часть населения перешла на «хлеб» из сосновой коры и соломы с небольшой примесью муки. От этой пищи многие карелы, по словам Державина, «пухнут и кажутся дородными, в самом же деле слабосильные».

Державин, естественно, далек от мысли искать подлинные причины такого положения, да и смешно было бы ждать от олонецкого губернатора критики крепостнических устоев. Но «производные» причины он вскрывает достаточно подробно: речь идет и о недостатке пахотных земель, и об отсутствии удобрений, и об отсталых сельскохозяйственных орудиях, когда обработка земли ведется «заостренной с обеих сторон лопатой».

«Поденная записка» включает в себя значительное количество сведений о крестьянских промыслах, игравших важную роль в жизни местного населения. Описывая Петрозаводский уезд, Державин несколько раз упоминает о плотницком промысле. Приехав в деревню

Кумаку, он записывает, что в ней «живут весьма искусные плотники и строят мореходные суда». Характеризуя занятия жителей Кижского погоста, Державин указывает, что «многие ходят из них в Петербург и питаются столярным мастерством, в коем весьма искусны», и при этом отмечает «ежегодное почти от дому отлучение в другие города».

Охота и рыбная ловля были распространены по всей территории Карелии, и Державин никогда не забывает указать, какая рыба водится в озерах и реках, встречающихся на пути, на каких зверей и когда производится охота. В некоторых случаях описания чрезвычайно подробны, например, описание лова нерпы или рассказ о поездках жителей Сумского Острога «на рыбные промыслы в Мурманско». Здесь говорится и о пути следования (морском и сухопутном), и о судах, на которых производится ловля, и о рыболовных снастях, и о способах ловли трески, пикши и палтуса и т. д., вплоть до цен, по которым рыба продается. В результате по подсчетам Державина «ездящие сухим путем в успешный в лове год добывают до сорока, плывущие по водам до тридцати рублей».

Железоделательный крестьянский промысел к концу XVIII века был наиболее развит в Лопских погостах, входивших в состав Повенецкого уезда. Державин включил в «Поденную записку» подробное описание способа плавки уклада (металла, представляющего собой смесь железа и стали).

Большой интерес представляют многочисленные материалы, свидетельствующие о расслоении карельской деревни. На протяжении всего описания речь идет о зажиточных и «убогих» крестьянах, о богатых и о тех, которые «ничего не имеют». Еще более определенно Державин говорит об этом в «примечаниях» на «Описание» Тутолмина. Возражая архангельскому и олонекскому наместнику, утверждавшему, что «вообще во всех уездах несравненно более зажиточных крестьян, нежели бедных», Державин на полях рукописи Тутолмина писал: «Наоборот, можно сказать, что более бедных... Они (зажиточные поселяне — Е. Э.), нажив достаточек подрядом или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабелят долгами почти в вечную себе работу бедных заимщиков, а через

то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России, ибо при недостатке хлеба и прочих к пропитанию нужных вещей прибегнуть не к кому, как к богачу, в ближнем селении живущему. Сие злоупотребление нужно, кажется, пресечь».

В этом замечании Державина много любопытного — и ясное представление о характере взаимоотношений между «заимодавцами» и беднейшей частью крестьянства, и признание всего этого «злоупотреблением», и неуверенный вывод: «нужно, кажется, пресечь».

Из наблюдений над промышленностью обращает внимание подробное описание производственных процессов. Державин обстоятельно рассказывает о том, как добывается медный купорос на заводе при Марциальных водах, как происходит ломка мрамора в Тивдии. Последнее описание создает достаточно ясное представление об условиях работы по добыванию мрамора. После того как заканчивается бурение, в одном из отверстий производят взрыв «и рвут таким образом камни сажен по семи; люди же, бурившие, привязываются к утвержденной гвоздем веревке и по отрыве мрамора висят на оной...» Державин не говорит, сколько при таком способе работы бывало несчастных случаев, но, судя по приведенному описанию, их было немало.

Говоря о Пудожском уезде, Державин упоминает о фабриках для очищения льна от кострики, принадлежащих вытегорским купцам Мартынову и Голашевскому («на фабриках сих рабочих женщин бывает до 100 и более»), подробно описывает стекольные заводы петербургского купца Козлова. В этом описании многое совпадает с соответствующими записями Озерецковского с той только разницей, что Державин и здесь более подробно описывает самый процесс работы: «В заводе сем делают разного рода и величины банки, бутылки и прочую стеклянную посуду; работа оная следующим образом производится: в большую печь, покрытую каменным сводом, в коем находится шесть отверстий, поставляется шесть раскаленных муравленых горшков; сии наполняют до верха битыми стеклами или сделанным из песка и сосновой золы составом и, когда оный вскипит или поспеет, надувают дутельною трубкою раскаленного состава сего, помачивают водою и вытягивают

щипцами род лопатки, снимают несколько раз пену и камень, плавающие по верху состава, набирают после дутельною трубкою несколько оного, выдувают пузырем, омочают, вертят, дабы длиннее вытянулся, ставят в политые водою деревянные формы, показывающие ширину дна бутылки, дуют вторично, поставляют для размягчения на огонь, выдувают бутылки, обрезавают горлышки нарочно сделанными для сего ножницами, вдавливают острым концом лопатки дно и ставят в другую раскаленную печь, сию помалу охлаждаая, придают бутылкам надлежащую крепость, после, вынув из огня, выносят сотнями в анбар».

Подробно, но мало прибавляя нового к другим описаниям, говорит Державин о Воицком руднике и некоторых других промышленных предприятиях края.

Из многочисленных описаний ярмарок и торговли наиболее интересны те страницы «Поденной записки», в которых речь идет о торговых связях северных карел. По свидетельству Державина, жители Повенецкого уезда, живущие вблизи границы, возили свои товары в финские города Оле, Торнео, Каянеборг. Державин приводит данные Юшкозерской пограничной таможни, согласно которым в 1784 году было вывезено товаров на 6793 рубля 95 с половиною копеек, «из коих с надлежащих по тарифу пошлин взято 324 рубля». В том же году было доставлено товаров из-за границы на сумму 6895 рублей 14 копеек, с которых также были произведены соответствующие удержания пошлины.

Как и Озерецковский, Державин подробно описывает ярмарки (особенно крупнейшую из них Шунгскую), указывая, кто и чем там торгует, приводит цифры, характеризующие торговый оборот. Данные, приводимые в этой связи Державиным, мало чем отличаются от соответствующих сведений Озерецковского и Тутолмина, и потому подробно на них останавливаться мы не будем.

Большой интерес для исследователя представляют страницы «Поденной записки», посвященные описанию городов Карелии. Державин часто приводит исторические справки о времени возникновения, первоначальном характере застройки, подробно описывает нынешнее состояние проезжаемого города.

Особенно важны эти описания, когда они касаются северных районов (Повенец, Сорока, Сумский Острог, Кемь). Так, например, характеризуя Сумский Острог, Державин записал: «Обывательских дворов 300. Большая часть из оных с подклетами и печи с выводными трубами. Кроме теплой в верху горницы, у каждого есть насупротив холодная, без печи, в коей живут летом. Селение имеет положение правильное и расположено по берегам Сумы реки, окружается пространными покосами и небольшими пашнями. Поселян мужеска пола 283, женска 385 душ...»

Подробно описал Державин и «Кемский городок», в который он приехал 21 августа. К этому времени в Кемии насчитывалось около 250 домов и около 1000 жителей. Самой большой достопримечательностью были «крепостица и шесть бастионов». На следующий день после приезда Державина состоялось торжественное «переименование» Кемии в уездный город, который был «включен в число прочих городов, губернию составляющих».

Из других описаний привлекают внимание страницы, посвященные Даниловскому раскольниковому монастырю, быту и нравам его обитателей. К деятельности монастыря Державин был настроен весьма критически, и его впечатления от тамошних порядков существенно дополняют сведения Озерецковского. Изучая эти материалы «Поденной записки», следует, конечно, иметь в виду, что Державин столь резко оценивал положение в монастыре именно потому, что это был раскольниковый монастырь, потому что старообрядчество было отступлением от догматов православной церкви.

«Неусыпное бдение нескольких стариков на мольбе и прежние предания прилепляют к ним богатых и набожных невежд. Они присылают знатными кучами милостыню на богадельни, в коих собрано для наружности несколько дряхлых стариков и старух, кои, смотря по нужде, бывают глухи, немые, слепые, безногие и подвержены разным тяжким болезням. Содержание их весьма сожаления достойно, ибо в самом деле болящие лежат без призрения, не дают им никаких лекарств и кормят хлебом и пустою кашницею. Богадельни сии поражают также и бедных поселян; они, надеясь быть в оные когда-либо приняты, обрабатывают во множе-

стве их поля и прочие нужные в ските производят работы. Богатые имеют право жить в женском монастыре, к ним приставляются пятнадцатилетние прекрасные келейницы, чаятельно, для большего в правоверии подвизания...» Эти строки — свидетельство несомненной наблюдательности Державина. Подобной убийственной характеристики мы не найдем ни у кого из путешественников, посещавших монастырь в XVIII веке.

5

При всем обилии сведений, сообщаемых в «Поденной записке», разделы, посвященные Повенецкому уезду, выделяются не только обстоятельностью описаний, но и наибольшей их ценностью. Особенно важным представляется описание быта и обычаев северных карел. Речь идет о населении так называемых «лопских погостов» (от Линдозера и Юстозера до беломорского побережья). Очевидно, в соответствии с названием территории Державин называет это население «лопяне», хотя все описание не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет о карелах.

Державин несомненно учитывал, что ни в существующих рукописных описаниях, ни тем более в печатной литературе почти никаких достоверных сведений о жизни местного населения нет, и поэтому прямо записал, что считает «за нужное... описать оных образ жизни и свойства». Эта часть «Поденной записки» представляет исключительный интерес как источник по изучению этнографии Русского Севера.

Первая часть описания состоит из кратких заметок о жилище и хозяйстве карел. Державин отмечает прежде всего характерную черту карельских построек: «они не строятся, подобно россиянам, под один верх... Сарай и сенники делают наравне с избами, внизу же хлевы для скотины и конюшню».

Рассказав о земледелии и промыслах населения (о чем речь шла выше), Державин приводит интересные сведения об употреблении для перевозки тяжестей оленей. Оленей запрягают в кережки, которые представляют, по выражению Державина, «совершенно вид перерубленного поперек челнока». Описанный способ управления оленьей упряжкой свидетельствует о том,

что в культуре северных карел чувствуется влияние культуры ассимилированных карелами саами.

Говоря о пище местного населения, Державин рассказывает о том, как готовят «хлеб» из сосновой коры и соломы. Постоянная нехватка продовольствия породила здесь еще одно изумившее Державина «блюдо» — лепешки из травы векхи. Ранней весной, когда с полей сходит снег, вырывают корпи этой травы, затем их «сушат, толкут, бьют мутовкою, прибавляют сосновой муки и пекут из теста сего зеленые, вкусом горькие лепешки». Подробно описывает Державин и приготовление супа рокка.

Посуда для варки пищи, по свидетельству Державина, «заключается в двух медных разной величины котлах». Кроме того, в хозяйстве широко используются плетенные из бересты корзины, ковши и рукомойки.

Отмечая, что местному населению приходится много передвигаться, особенно во время охоты, Державин дает первое подробное описание употребляемых карелами лыж (в «Поденной записке» они называются шукши — финск. *sukset*), «из коих одна длиною в четыре аршина, шириною же в три вершка и всегда бывает березовая, другая же бывает разного дерева и длиною в три аршина, шириною же равная с первой. Березовая шукша надевается на левую ногу, низ под оной выстроган, посередине же выдолблен во всю длину лыжи желобок...»

Интересно указание на то, что низ правой лыжи подбивается мехом, «дабы шерсть при восходе на гору, противостоя, скатываться препятствовала. Посередине для ноги делается род колодки и, чтоб оная прямо стояла, привязывают к заду из вицы или кожи петлю и застегивают ногу... Идущий на оных подпирается палкою с кружком на конце, палка сия препятствует шукшам погрязать в снегу. В морозный ясный день пробегают на оных до 70 верст...»

В этом описании обращает внимание величина лыж, их непарность (левая лыжа длиннее правой на 71 сантиметр) и ширина — свыше 13 сантиметров. Эти особенности были связаны с тем, что левая лыжа — более длинная — служила для скольжения, тогда как подбитая мехом правая — для отталкивания. Лыжник был прежде всего охотник, он обходился одной палкой,

вторая только стесняла бы его движения, да и необходимости в ней при таком типе лыж не было. Вторая палка стала употребляться лишь в XIX веке с появлением лыжников-спортсменов.

Меховая подбивка на правой лыже усиливала толчок при движении, но самое главное заключалось в том, что она облегчала подъем, особенно по мокрому снегу, а это в условиях гористого рельефа местности было чрезвычайно важно.

Подбивка одной лыжи мехом была широко распространена в Сибири и в скандинавских странах. Непарность тоже характерна для так называемых северо-западных, или скандинавских, лыж. К этому типу, по-видимому, и следует отнести лыжи, описанные Державиным.

Большой интерес для этнографов представляет описание одежды северных карел, также наиболее обстоятельное из всех известных нам описаний XVIII века. «Одеждою жители края сего ни в чем от смежных им россиян не отличны, исключая обуви. Здесь носят востроносые с загнутыми концами сапоги, кеньгами по-лопски называющиеся. Женщины же носят на головах сороки, подобные российскому повойнику, только наперед они имеют как бы расходящиеся рожки. На груди висит у достаточных серебряный, у прочих медный восьмиконечный крест. Платье сходствует с сарафаном и подпоясано суконным поясом, на ногах же одеты похожие на коты ступни...»

Интересно отметить, что некоторые элементы этой одежды сохранились в карельских деревнях до сих пор.

Державин сообщает также ряд сведений об отдельных обычаях, например, о погребальном обряде («Лопляне, похоронив умершего, носимые им во время болезни вещи и даже стружки от гроба бросают в воду. Причину же сему относят закоренелому обыкновению»), о том, как ведут себя местные жители при встрече («мужчины... дают друг другу правую руку и кланяются, женщины же крестообразно объемяются и трижды кланяются».)

Чрезвычайно подробно в «Поденной записке» описан свадебный обряд карел.

Первые описания народной свадьбы появились в России лишь во второй половине XVIII века. Однако

они не представляют собой последовательного изображения всего свадебного обрядового цикла. Свадебными обрядами как таковыми интересуются главным образом в связи со свадебными песнями (которые оказываются включенными в сборник Чулкова, а также в сборник «Веселая Эрата на русской свадьбе»). Последовательное описание отдельных частей народной свадьбы появляется лишь в первой трети XIX века³².

Таким образом, записи Державина являются ценным научно-этнографическим документом при изучении старинных форм свадебной обрядности на Русском Севере.

Державин подробно описывает такие моменты свадебного цикла, как обряд сватовства и смотрин; рассказывает о прощании невесты с «волей» («невеста ходит по родне и плачет, свойственники по возможности ее снабжают, и сие продолжается дня с два»); последовательно излагает обрядовые действия, имеющие место до отъезда молодых в церковь и во время свадебного пира (жениха и невесту кормят пирогом, «давая им попеременно укусывать», выводят на улицу и топором обводят вокруг них круг, что должно охранить их от действия всякой враждебной силы и т. д.).

Интересны наблюдения Державина, касающиеся тех сторон свадебного ритуала, которые свидетельствуют о смысле бракосочетания как, в первую очередь, акта хозяйственного значения: в семью принимается цовая работница и продолжатель рода. Необходимо, чтобы невеста была крепка здоровьем, сильна. Отсюда обычай подробного ознакомления жениха с внешними достоинствами девушки. Жених, как сообщает Державин, «смотрит зубы и все лицо и, наконец, оглядев руки, дает невесте полтину или рубль, и сие означает одобрение невесты».

Отсюда и обычай, по которому невеста должна одарить жениха, продемонстрировав этим свои хозяйственные способности. «Невеста... кланяется, величая его (жениха — Е. Э.) при каждом поклоне по имени и отчеству, и дарит платком».

Приведенные выдержки из записок Державина не только подтверждают основное значение свадьбы как хозяйственного акта, но являются вместе с тем ценным свидетельством бесправного положения женщины

в семье, как это было и в русских деревнях. В этой связи небезынтересно привести записанное Державиным ритуальное обращение отца невесты к зятю: «А ты, зять, наказывай жену свою за первую вину одногодной вицею, за другую — двухгодовою, за третью — трехгодовою, после же трех — как заблагорассудишь».

Державин делает несколько замечаний по поводу языка карел, но, по-видимому, воспринимая его только на слух, наряду с правильными заключениями допускает и ряд ошибок. По его мнению, «язык весьма недостаточен и, кроме общежитейских слов, для объяснения какого-либо термина потребны многие окольные доводы».

Державин отмечает, что все слова имеют ударение на первом слоге и мягко произносятся. Интересно наблюдение о том, что «наречие пограничной лопи, кроме некоторых отличных названий, совершенно сходствует с наречием олончан». Сейчас, как известно, диалекты северных и южных карел очень сильно отличаются друг от друга.

Ошибался Державин и когда считал, что в карельском языке невозможно ощутить правильных грамматических изменений слова, что в нем нет времен и лиц.

Особенно следует отметить, что ни один из путешественников по Карелии не обратил внимания на национальный музыкальный инструмент карел — кантеле. Державин впервые упоминает о нем, указывая, что «лопляне забавляются игрою на гусях пятиструнных, сделанных из сосны... Можно сказать, что сосна их греет, сосна питает, сосна и веселит».

На протяжении всего пути Державин записывал свои впечатления от встреч с местным населением. Во многих записях сквозит доброжелательное и сочувственное отношение Державина к местным жителям. Вот по дороге на Тивдийские мраморные ломки Державин и его спутники встречают старика 104 лет, уроженца деревни Мунозеро. По словам Державина, старик представлял «совершенную бедность». Описав его внешность, Державин продолжает: «Расположение на руке линий оправдывает правила хиромантии, т. е. показывает бедность, в каком состоянии находился весь век свой сей старик, который во всю свою жизнь не имел ни дома, ни земли; будучи в силах, жил рабо-

тою, а пришедши в изнеможение — кормился подаением. Хорошо жить долго, но не в таком состоянии, как сей старик!»

Державин решительно возражает против замечания Тутолмина о том, что «наклонность к обиде, клевете, обману и вероломству суть предосудительные свойства обитателей сей страны». В одном из примечаний на его «Описание» Державин писал: «Все сие о нравах олончан кажется не очень справедливо. Если б они были обманщики и вероломцы, то за занятый долг не работали бы почти вечно у своих заимодавцев... не упражнялись бы в промыслах, где нередко требуется устойка и содержание слова; не были бы терпеливы и послушны в случае притеснений и грабительств, чинимых им от старост и прочих начальств и судов, в глухой сей и отдаленной стороне бесстрашно прежде на всякие наглости поступавших. По моему примечанию, я нашел народ сей разумным, расторопным и довольно склонным к мирному и бессорному сожителству. Сие по опыту я утверждаю. Разум их и расторопность известна, можно сказать, целому государству, ибо где олончане по мастерству и промыслу своему не знакомы?»

Однако Державин не всегда склонен становиться на защиту крестьян, и время от времени у него прорываются «губернаторские» нотки. Так, в записи о «трудолюбии» жителей Петрозаводского уезда и «обходительности» пудожан врываються строки, проникнутые откровенной злобой по адресу крестьян Кижского погоста. Они «жестоки, ленивы... начальникам преслушны» и т. д. Но уже следующая строчка записи раскрывает причины державинского негодования: «сие свидетельствуют воспоследовавшие в 770 и 771 годах возмущения».

В такой оценке Кижского восстания 1769—1771 годов, участники которого мужественно боролись, отстаивая свои права, классовые симпатии олонцкого губернатора выступают в совершенно неприкрытом виде.

6

С «Поденной запиской» тесно связан и другой документ, на который нам приходилось уже несколько раз ссылаться — державинские замечания на «Описание» Тутолмина.

Поездка по Карелии окончательно утвердила Державина в мысли, которая у него возникла еще до отъезда из Петрозаводска и которую он выразил наиболее четко в письме к своему другу Н. Н. Львову, где он писал, что в тутолминском «Описании», «о многом и наврано и солгано». Дело было не столько в отдельных фактических неточностях описания Тутолмина, сколько в его общем стремлении приукрасить положение дел, показать, что в наместничестве, все живут в изобилии и в достатке и в этом его, губернатора, непосредственная заслуга. Державин писал по этому поводу: «Мы показываем обыкновенно ревность свою на словах, но люди беспристрастные смотрят истинные наши действия... Я бы желал, чтобы проверены были все сведения в картах, камеральных описаниях и в прочих донесениях, учиненных им о благоустройстве Олоонецкой губернии».

Своими «примечаниями» Державин доказал, что основания для проверки сведений Тутолмина, бесспорно, были.

Державин часто высказывает «великое сумнение» в географических сведениях Тутолмина, замечая, что нередко его данные неточны, а «показаны по расспросам, примерно». Эти сомнения были тем более основательны, что Державин побывал во многих районах, куда Тутолмин не заезжал. Так, на замечание Тутолмина о судоходности реки Онеги Державин возражает, что «река Онега порожиста и во многих местах мелка, в мае месяце ходят по ней только полубарки и карбасы, могущие поднимать груза до 500 пудов, а в прочее время года ходу по ней совсем не бывает...»

Тутолмин указывал, что реки Повенец и Выг соединяются, и на этом основании делал вывод о связи Повенца с Белым морем. Державин по этому поводу иронически писал: «Положив, что река Повенец соединяется с рекою Выгом и что обе очень глубоки, не порожисты и судоходны, (Тутолмин — Е. Э.) провел в Белое море по оным яхты, поместил на одну из них государя и пустил продолжать шествие по Онегу. Я сие не отрицаю, может быть, природа в нынешнее время прервала соединение реки Выга с рекою Повенец, набросала в первую множество камней, воздвигла для отделения

последней гору Масельгу... и тем самым славный анекдот опровергла».

Совершая свою поездку зимой, Тутолмин, по выражению Державина, «показывает наугад грунт земли каждого почти погоста».

Многие замечания связаны с цифровыми данными Тутолмина. В Пудожском погосте 50 домов, а не 100, как пишет Тутолмин, в Каргополе их не 200, а 157. По поводу записи в «Описании», что из Повенца «отпускается» ежегодно по 15 галиотов с различными товарами, Державин пишет: «...градской голова Левин один почти токмо и отправляет галиоты и не помнит года, чтоб из города сего более трех отправлены были. В сей же, в который учинено описание, был также один галиот отправлен».

Ряд замечаний Державина относится к описанию Тутолминым состояния сельского хозяйства, торговли и промышленности, часто в «примечаниях» вносятся поправки в исторические экскурсы «Описания».

Стремясь показать в наиболее выгодном свете свою деятельность по благоустройству губернии, Тутолмин особенно часто искажал действительное положение дел. На его фразу: «в Вытегре сооружена градская школа» Державин замечает, что когда он был в Вытегре (после Тутолмина), то школа еще не была даже заложена. Больница в Петрозаводске, о которой Тутолмин писал как о существующей, была построена лишь через 4 месяца после составления «Описания». Школы, где обучаются «по методу нормальных училищ», в Петрозаводске не было, хотя и ее Тутолмин включил в описание города и т. д.

Выше мы уже приводили возражения Державина по поводу характеристики Тутолминым местного населения. Добавим к этому, что Державин высмеял и попытку Тутолмина объяснить полунищенское состояние городских жителей... отсутствием торговли. Он писал: «Если бы число городских жителей было больше и если бы крайняя бедность настоящих обитателей не препятствовала им воспользоваться торговлей, словом, если бы они не были бедны, то были бы богаты!»

Таким образом, примечания Державина на «Описание» Тутолмина, бесспорно, заслуживает серьезного

внимания. Оно тем более необходимо, если учесть, что историки Карелии часто обращаются к рукописи Тутолмина как к одному из основных источников по истории Карелии второй половины XVIII века.

7

После возвращения из путешествия Державин остался в Карелии недолго и уже в начале ноября 1785 года добился перевода на должность губернатора в Тамбов. Решение об отъезде было принято под влиянием непрекращающихся разногласий с Тутолминым. Державин чрезвычайно скептически относился к административной деятельности Тутолмина и не пытался скрывать этого. Типичный властолюбивый екатерининский вельможа генерал-губернатор Тутомлин со своей стороны стал чинить всяческие препятствия непокорному правителю Олонецкого наместничества. Судя по рапортам Державина в Сенат и его «запискам», «полемика» с Тутолминым принимала все более и более резкую форму. Стремление Державина «к общественному благу», попытки бороться со взяточничеством и казнокрадством восстановили против него и местных чиновников.

В одном из донесений Екатерине II Державин писал, что он не может больше управлять губернией, так как «оказывают все почти непочтение и ослушание, а его высокопревосходительство (т. е. Тутолмин — Е. Э.), сам без всяких со мной объяснений... опровергает мои положения».

В результате Державин немного успел сделать в Карелии, хотя его желание принести пользу краю не вызывает сомнений. Свидетельство тому — не только его административная деятельность, но и «Поденная записка», и «примечания», и весь круг разнообразных материалов по истории и этнографии Карелии, который он собрал.

Великий русский критик и революционер-демократ В. Г. Белинский писал о Державине: «Державин был человек, одаренный великими творческими силами — и он сделал все, что можно было сделать ему в то время».

Эти слова в известной мере применимы и к деятельности Державина в Карелии.

ГЛАВА VII

П. Б. ИНОХОДЦЕВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО СЕВЕРА

I

Среди ученых, плодотворно потрудившихся в области исследования Европейского Севера России в XVIII веке, должен быть назван П. Б. Иноходцев. Выдающийся русский путешественник, он интересовался и Карелией, а также дал подробные описания ряда смежных с ней городов и областей³³.

Петр Борисович Иноходцев родился в 1742 году. Его отец — выходец из мелкопоместных дворян (у Иноходцевых было 3 «души» крепостных). В 1752 году Петра Иноходцева определили в гимназию при Академии наук. Отличные успехи дали возможность ему уже в 1760 году поступить в академический университет. Учение в университете Иноходцев совмещал с преподавательской деятельностью в «геометрическом классе» недавно оконченной им гимназии.

В 1765 году вместе с другим студентом, Юдиным, Иноходцев направляется в заграничную поездку для завершения образования. Он слушает лекции в Геттингенском университете, совершает поездки и экскурсии по Германии, занимается физикой, математикой, собирает геологическую коллекцию, ботанизирует. Особенно много времени молодой ученый отдает любимому предмету — астрономии. Немецкие профессора Гольман

(физик и математик) и Кестнер (астроном) весьма высоко ценили способности Иноходцева. Но пробыл он за границей недолго. Его тянуло на родину. Летом 1767 года Иноходцев уже в Петербурге. Вскоре он избирается адъюнктом, в 1778 году — экстраординарным академиком, а в 1783 году — ординарным академиком.

Иноходцева всегда влекло к преподавательской деятельности. Он читает публичные лекции по астрономии, географии, истории, заведует академической гимназией, преподает астрономию, теоретическую и прикладную, морским офицерам и штурманам.

В 1797 году Иноходцев прерывает свою службу в Академии и принимает назначение на должность цензора в г. Ригу, однако подобная деятельность не могла удовлетворить ученого, и в 1799 году он снова возвращается в Академию, где и трудится до конца жизни: публикует свои труды, читает доклады в общих собраниях Академии, редактирует некоторые тома «Академического словаря» и т. д.

Больше всего Иноходцев известен как путешественник — исследователь Европейской России. Он провел две многолетние экспедиции по очень широкой программе. Первая из них имела место в 1769—1775 годах. Помимо решения многих других научных задач, эта экспедиция должна была дать астрономический материал, необходимый для составления географических карт, а также выяснить возможности строительства канала, который соединил бы Волгу с Доном. Со всеми этими задачами Иноходцев справился успешно.

Нужды хозяйственного, политического и военного развития России требовали создания точных географических карт. В связи с этим в 1781—1785 годах Иноходцев совершает свою вторую крупную экспедицию по различным городам и районам России, в частности и по Северу: он побывал в Царицыне, Камышине, Орле, Курске, Тамбове, Калуге, Нежине, Лубнах, Херсоне, Харькове, Воронеже, Ярославле, Костроме, Вологде, Каргополе, Петрозаводске.

Главной задачей путешествия и поводом к нему были астрономические наблюдения для определения точных координат этих городов. Но вместе с тем, не ограничиваясь узкими рамками одной лишь астроно-

П. Б. Иноходцев

мии, Иноходцев во время поездок собрал и систематизировал громадный фактический материал по другим отраслям знания. На основании этого обширного материала им написано и опубликовано около 100 трудов и заметок. Обработкой своих полевых наблюдений ученый и занимался в последние годы жизни. Умер Иноходцев в 1806 году.

Точный маршрут северного отрезка второго путешествия Иноходцева не установлен. Можно думать, что сначала он побывал в Вологде, а уже оттуда отправился в Петрозаводск. Когда он посетил Каргополь — по пути в Петрозаводск или возвращаясь оттуда — сказать трудно. Ясно лишь, что все эти три поездки совершены им в течение одного 1785 года.

На первом месте у Иноходцева стояли, естественно, астрономические наблюдения. Он определил местоположения всех трех посещенных им северных городов. Координаты Вологды, найденные Иноходцевым, — $59^{\circ} 13' 30''$ с. ш. и $57^{\circ} 50'$ в. д.; Каргополя — $61^{\circ} 29'$ с. ш. и $56^{\circ} 20'$ в. д.; Петрозаводска — $61^{\circ} 47'$ с. ш. и $52^{\circ} 30' 30''$ в. д. Эти данные для практических целей составления карт были вполне пригодны³⁴.

Однако программа путешествия предусматривала не только астрономические наблюдения. Не менее усердно Иноходцев изучает административное деление тех районов, где он побывал, историю возникновения этого деления, административные и экономические центры. Он не преминет сказать и о «пределах Вологодского наместничества», и какими областями оно «окружается», и каково его положение в географической системе координат; не забудет привести точное местоположение Каргополя и сказать о его происхождении, проявляя при этом много наблюдательности, максимальную точность и добросовестность.

Этими же принципами Иноходцев руководствуется и собирая материал о природе обследуемых мест. Восторженно пишет он о лесных богатствах, подробно останавливаясь на составе леса, перечисляя все деревья и кустарники.

Иноходцев старался не только сделать известными те или иные природные богатства и полезные ископаемые изучаемого края, но и подтолкнуть к практическому их использованию, к разработке этих богатств. Ему важно было отметить, что некоторые полезные ископаемые уже разрабатываются кустарным способом, и, следовательно, в окрестных деревнях имеется рабочая сила, обладающая известными производственными навыками, необходимыми для организации широкого промышлен-

ного освоения местных ресурсов. В одном случае он обращает внимание на кустарную добычу извести из серого камня», в другом — на крестьянский сплав леса, в третьем — на добычу местных железных руд, кричное производство и кузнечное дело.

Самая форма сочинений Иноходцева позволяет касаться весьма разнообразных вопросов. В отличие от ряда других русских исследователей-путешественников Иноходцев не издавал своих путевых записок или дневников. У него нет описаний самих путешествий. Его труды — это специальные сочинения, составленные на основании личных наблюдений и исследований с привлечением довольно широкого круга источников. Такая форма представляла определенные преимущества и удобства в расположении и подаче материала, но в то же время обязывала к тому, чтобы самое изложение было полным, затрагивало различные вопросы географии и истории.

3

Нельзя исследовать историю развивавшейся в Карелии в XVIII веке промышленности, не рассматривая ее в общей связи с промышленным развитием России. В особенности существенно привлечение данных о состоянии и развитии промышленности в смежных с Карелией районах. Эти сведения мы находим у Иноходцева в его описаниях Вологодского наместничества и города Каргополя «с его округою»³⁵.

Общее течение тогдашней экономической жизни в России благоприятствовало возникновению и постепенному упрочению частных капиталистических мануфактур, которые в большом количестве стали появляться к концу XVIII века. По преимуществу это были небольшие предприятия полукустарного типа. В городе Каргополе в год посещения его Иноходцевым было: «заводов салотопных 4, кожевенных 4, кузниц деревянных 10, мельниц водяных 3».

По большей части возникали предприятия легкой промышленности. Металлообрабатывающие и другие предприятия тяжелой и горнодобывающей промышленности применяли в тот период преимущественно труд

крепостных крестьян (приписных и посессионных). В значительной мере промышленные предприятия сосредоточивались в городах. Продукция их поступала на внутрироссийский и внешний рынки.

Экономические связи, обмен, широкое развитие торговли втягивали отдаленные северные области в общий узел развития всероссийского рынка. Карелия и прилежавшие к ней районы, имевшие традиционные местные взаимные связи, составляли его органическую периферийную часть.

Значительное развитие торговли требовало соответствующего развития производства средств транспорта и должного состояния путей сообщения. Сведения по этому вопросу у Иноходцева довольно выразительны. На реке Вавчуге (притоке Пинеги) он отмечает «Вавчужскую корабельную верфь и пильную мельницу». В ряде случаев он говорит о перевозках по рекам в лодках, барках и даже на плотках. Перевозки по рекам во время навигации были в северных условиях основными, речные пути являлись главными экономическими артериями. Поэтому от развития речного судоходства зависело многое. Мысли об улучшении внутреннего речного судоходства, о совершенствовании и расчистке водных путей владели многими умами. Даже самодержавно-крепостническое правительство России считало необходимым ставить эти вопросы. Выдвигаются проекты строительства целого ряда каналов, которые бы соединили крупнейшие водные пути страны, связали их в единую систему; ведется строительство Мариинского канала; вновь выплывает идея создания Волго-Донского канала, в разработке проекта которого Иноходцев принимал непосредственное участие.

Можно без преувеличения сказать, что Иноходцев был чрезвычайно увлечен мыслями о возможности покрытия России целой сетью каналов. Это были мысли ученого-патриота, стремившегося поставить науку, свои знания на службу народу. Они опирались на точные географические данные. Иноходцев выдвигает проект соединения Вычегды и Камы, притоки которых — реки Килкмы — берут начало неподалеку друг от друга и текут в противоположные стороны. «Если здесь,— пишет Иноходцев,— провести через болото канал расстоянием на пять верст, то свободный будет судовой

ход не только в полую воду, но и завсегда; и через сие откроется сообщение Белого моря с Каспийским посредством Двины, Вычегды, двух Килкм, Камы и Волги, что ныне и положено произвести в действо». Проект этот, несмотря на сравнительную легкость его претворения в жизнь, так и не был осуществлен. Не нашла поддержки и другая идея Иноходцева — о строительстве канала между реками Югом и Ветлугой, который также мог бы соединить Белое и Каспийское моря. Не помогли ни точные географические обоснования, ни ссылки на то, что в этом крае еще в XIV веке близ Вологды был построен канал длиною в 10 верст и «шириною в 15, а глубиною в одну сажень». И не удивительно: в царской России мало кому из ученых удавалось осуществить свои заветные мечты.

4

Как ни странно, в работах Иноходцева уделено очень значительное место вопросам, относящимся к области гуманитарных наук. Следует учесть, что в XVIII веке эта область была наименее разработанной, здесь господствовали идеалистические воззрения. В то время как естественные науки — механика, математика, физика, астрономия, геология — делали гигантские шаги, закладывая основы и создавая классические образцы, история, филология, этнография и археология (в особенности последние) ограничивались собиранием и часто произвольным фиксированием разнообразных фактов. В трудах исследователей XVIII века чувствуется непонимание специфики общественных явлений, применение к их изучению методов естественных наук.

Иноходцев не составлял исключения среди своих современников. У него никогда не возникали вопросы об общих закономерностях исторического процесса, о причинах прогресса человеческого общества. Основная масса его материалов — фактические данные по истории отдельных областей, народов и городов, собранные им во время научных путешествий. Такие данные обильны и в его работах по Северу.

Интерес ученого к этническому составу населения постоянен, данные, приводимые им по этому поводу,

точные, хотя и уступают по полноте и разнообразию аналогичным материалам Озерецковского. Описывая Вологодское наместничество, Иноходцев отмечает, что здесь живут в соседстве два народа — русские и коми-зыряне, сообщает сведения об их языке. Иноходцев не был специалистом-языковедом, но его рассуждения и приводимые им материалы очень интересны. Прежде всего необходимо отметить факт признания Иноходцевым самобытности и своеобразия языков местных народностей. Он решительно выступает против получившей уже в то время хождение «теории» о полном (или почти полном) их обрусении: «Они (зыряне — В. П.) говорят особливим языком, а хотя некоторые из мужчин и употребляют русский, но женщины почти все говорят своим зырянским языком». Иноходцев, правда, не исследует местные языки (в его сочинениях мы можем найти лишь попутно записанные местные названия — материал для топонимических исследований), однако он высказывает некоторые соображения теоретического порядка, мимо которых нельзя пройти. Имеются в виду его соображения относительно родства некоторых финно-угорских языков. Финно-угорское языкознание, появившееся в качестве самостоятельной отрасли филологии лишь в первой половине XIX века, может определенно считать одним из своих источников труды русских академиков-путешественников последней трети XVIII столетия, впервые выдвинувших мысль о родстве языков ряда финских народов и положивших, таким образом, начало выделению их в самостоятельную группу в лингвистических классификациях. «Язык мордовский, — утверждал Иноходцев, — одного, по видимому, происхождения с чухонским, ибо много подобных и до ныне слов находится, несмотря на отдаленность жилищ и различие веры»³⁶.

Общее увлечение Иноходцева проблемами гуманитарных наук сказалось и на его интересе к истории, в особенности к этнической истории.

Этническая история Севера очень сложна и до сих пор недостаточно изучена. Одной из интересных проблем является проблема истории формирования вепсов — современной небольшой народности, обитающей в пределах Ленинградской и Вологодской областей и Карельской АССР. Правда, Иноходцев не знал веп-

сов, но ему посчастливилось в одном из архивов обнаружить документ, в котором приводилась легенда о том, что прежде, по-видимому, где-то на рубеже XIV и XV веков, в районе Белозерска, Каргополя и по соседству с ними обитала «чудь белоглазая», при этом район ее обитания почти полностью совпадает с расселением современных вепсов. «Тетрадка», на которую ссылается Иноходцев, теперь утрачена, но факты, сообщаемые им, подтверждаются данными древней житийной литературы (на это указывает и сам Иноходцев), а также народными легендами, широко бытующими в этих местах до сих пор.

Иноходцев, пересказывая свой источник, повествует о войне, возникшей между «чудью» и населением Белозерского княжества, о поражении в ней «чуди», о дани, наложенной на нее белозерским князем, об основании — на возвратном пути из похода против «чуди» — города Каргополя. Значение этого сообщения Иноходцева очевидно. И хотя сам он не сделал отсюда необходимого вывода (как, впрочем, и последующие исследователи), это не умаляет ценности самого факта открытия источника, содержание которого проливает свет на ряд вопросов средневековой истории вепсов, истории русской колонизации нашего Севера.

Проблема «чуди», т. е. проблема дославянского населения указанных территорий (а таким населением, начиная уже с раннего средневековья, могли быть только финно-угорские племена) волновала Иноходцева не только своей историко-этнографической стороной, но в известной мере и стороной археологической. Путешественнику-исследователю была близка вся проблема, во всей ее полноте. «Чудью» русские средневековые источники называют и ряд других финских народов (помимо предков вепсов). Именно в этом смысле следует понимать сообщение Иноходцева об открытом им городище — древнем укрепленном поселении: «В Сянжемской волости сего (Кадниковского — В. П.) уезда находится земляной вал, наподобие городского, но ничего об оном из истории известного сказать не можно, кроме того, что окольные жители называют оный бывшим городом Чудимом, уповательно потому, что построен был чудскими народами, жившими в сих местах».

Касается Иноходцев и некоторых конкретных вопросов истории отдельных городов.

Иноходцев отдает дань также описательной этнографии, делая зарисовки быта, обычаев и обрядов местного северного населения, так сказать, с натуры. Эти зарисовки, правда, отрывочны, несистематичны, но они ценны как ранние упоминания некоторых особенностей крестьянской жизни. Так, Иноходцевым впервые в этнографической литературе по Северу были подмечены различия в головных уборах девушек и замужних женщин. Сообщает Иноходцев и некоторые сведения о пище каргополов, описывая праздничный стол; среди блюд (вероятно, обрядовых) большое место отводится рыбной пище: «Стол же их состоит из одних с рыбою пирогов, и сколько в округе ловится рыб, с каждою особливый пирог...».

Следует, наконец, сказать и о некоторых материалах из «северных описаний» Иноходцева, касающихся старинных памятников архитектуры. Уже давно признано, что северное церковное зодчество имеет мировое историко-культурное значение. Одну из древних церквей в Вологде — Софийскую, построенную в 1568—1570 годах, следует упомянуть в связи с историей русской живописи. Иноходцев выяснил и сохранил для нас драгоценные упоминания об именах художников: «Стенным внутри писанием... украшена... 1687 года; а писали ярославцы Дмитрией да Илья Григорьевы товарищами тридцатью человеками».

5

Таковы материалы, содержащиеся в трудах П. Б. Иноходцева, посвященных нашему Северу и, в частности, Карелии. Судьба трудов Иноходцева различна: его работы в области астрономии, геодезии и природоведения довольно известны и признаны, однако это лишь часть его научного наследия. Другая часть — в особенности содержащая историко-этнографические исследования — осталась почти неизвестной науке. К числу таких малоизвестных трудов ученого относятся и «северные описания». Между тем, как мы видели, здесь сосре-

доточено целое богатство разнообразных сведений, которые при необходимой проверке с успехом могут быть использованы не только историками (в том числе этнографами и археологами), но и лингвистами, краеведами в широком смысле этого слова.

Иноходцев внес значительный вклад в дело научного познания Севера.

ГЛАВА VIII

П. И. ЧЕЛИЩЕВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ КАРЕЛИИ

1

Петр Иванович Челищев родился 14 августа 1745 года в Смоленской губернии. Его отец — из мелкопоместных дворян — был армейским секунд-майором Воронежского гарнизона. Биографических материалов о Челищеве сохранилось очень мало. Известно, что с 1757 года он воспитывался в московской университетской гимназии, а с 1 января 1762 года — в пажеском корпусе, где пробыл немногим более 4 лет. Здесь Челищев подружился с А. Н. Радищевым и Ф. В. Ушаковым. Дружба с ними сыграла большую роль в формировании мировоззрения и дальнейшей судьбе Челищева.

В 1766 году в числе двенадцати пажей, отправленных по желанию Екатерины II за границу для получения образования, Челищев прибывает в Лейпциг. Здесь он посещает лекции по философии, истории, математике, физике и юридическим наукам. Однако уже в университетские годы Челищев, можно думать, с большим вниманием прислушивался не к лекциям профессоров, а к тем разговорам, которые возникали в кружке А. Н. Радищева и Ф. В. Ушакова, также учившихся вместе с Челищевым в Лейпциге.

Весной 1770 года Челищев вернулся в Петербург. Есть основания думать, что он в какой-то мере разде-

лял взгляды А. Н. Радищева о необходимости революционного преобразования России. Недаром Екатерина II, прочитав книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», вышедшую, как известно, без имени автора, сразу же указала как на вероятных авторов на Радищева и Челищева.

Челищев не был последовательным радищевцем, революционером, борцом против самодержавия. Но он принадлежал к тем людям, для которых имя Радищева было дорого, которые слушали его революционную проповедь со вниманием. Самым убедительным свидетельством этого является основное произведение Челищева — дневник путешествия по Северу России, в котором мы находим немало гневных и страстных, порой презрительно-саркастических строк по адресу правительства и высшего чиновничества.

Вот характерный пример. Челищев описывает, как олонекский губернатор Тутолмин, по существу, обобрал скромного горного офицера, начальника Воицкого рудника И. Ф. Толстого: «Означенный горный офицер Толстой за несколько лет перед сим, томясь от скуки и голоду, не зная, что делать в сем пустом, голодном краю, для провозждения времени собирал кусочки между выброшенных руд целыми горами из штуфы и, когда собрал их нарочитое количество, вздумал их своим старанием переплавить и посредством химического решения добыл, бедняжка, с фунт и более чистейшего золота. Но видно, что хорошие химики не всегда хорошие министры и политики. Он вздумал, ежели весть в изобретении его дойдет только до Петербурга, то непременно будет награжден и осчастливлен. Оставалась ему одна трудность: сыскать лестницу, по которой бы взлечь до монаршего престола! На этот конец показался ему манежный олонекский генерал-губернатор Тутолмин весьма способным, и для того отправил к нему свое найденное золото и просьбу о награждении его труда. Г. Тутолмин, яко ревностный сын отечества, золото взял, а просьбу сжег в камине. Он при первой своей поездке в Петербург не забыл взять изящный тот металл с собою и, представя ко двору, умел так расхвастаться своими подвигами и расхвалить свое рачение, что схватил Владимира первой степени и отменное благоволение. Бедный же виновник

богатого сего откровения обязан стал быть безотлучным в той пустыне, может быть, чрез то и стал причиною, что правительство, проснувшись, протерши с глаз дремоту, вздумало опять возобновить рудокопные работы, которые в земных недрах от сонливого правления долго закрытыми лежали, да и несмотря на мнимую бодрость, ныне оказуемую, опять упадет в беспечность...»³⁷

О службе Челищева в Петербурге не сохранилось никаких сведений. Известно лишь, что в 1790 году он был секунд-майором 1-го лейб-гренадерского полка в отставке. Вероятнее всего Челищев не смог сделать военной карьеры именно потому, что и непосредственное его начальство, и при дворе, и сама Екатерина II были осведомлены о том, какого образа мыслей он придерживался.

В 1790 году А. Н. Радищев был арестован и сослан за издание своего бессмертного «Путешествия из Петербурга в Москву». Всех окружавших Радищева друзей и знакомых подозревали в единомыслии с ним. По-видимому, в связи с этим 27 мая 1791 года отставной секунд-майор Петр Иванович Челищев выехал из Петербурга в путешествие по Северу России. Он отправился, сопровождаемый «людьми своими пятии человеками», в лодке по Неве на восток. По Ладожскому озеру он добрался до устья р. Свири, далее вверх по Свири до ее истока, затем по Онежскому озеру до Петрозаводска. После Петрозаводска путь его лежал на Повенец, к р. Выгу, затем по Выгу до устья, в Сороку и дальше в Кемь и на Соловецкие острова. Оттуда морем Челищев отправился в Архангельск, из которого 21 декабря возвратился в Петербург через Холмогоры, Шенкурск, Кириллов и Тихвин. Он побывал, таким образом, в Олонецкой, Архангельской, Вологодской и Новгородской губерниях.

Цель путешествия, по-видимому, была не только научная. Очень вероятным кажется предположение, что Челищев поехал в Архангельск прежде всего для установления связи с А. Н. Радищевым, находившимся тогда уже в Илимской ссылке,— через служившего в Архангельске его брата Моисея Радищева, которому была разрешена переписка с ним. С другой стороны, возможно, Челищев уехал из Петербурга на время, с глаз

Путешествие П. И. Челищева в 1791 году

долой, так как, оставаясь там, он несомненно подвергался бы большой опасности, грозившей ему разделением участи его великого друга³⁸.

В пути Челищев вел дневник своих наблюдений. По возвращении в Петербург он стал готовить рукопись к печати, однако, по-видимому, вскоре убедился, что по цензурным условиям такую книгу выпустить ему не удастся. В течение 95 лет рукопись пролежала под спудом и лишь в 1886 году была опубликована Л. Н. Майковым. В качестве приложения к ней напечатано еще одно произведение Челищева — «Записка», поданная им в 1793 году в Российскую Академию; в ней автор затрагивает некоторые важные проблемы, связанные с изучением русского языка.

Этим, собственно, и исчерпывается научно-литературное наследство Челищева. Умер он 25 сентября 1811 года.

2

Материала по Карелии в книге Челищева не так уж много (всего 40 страниц текста), однако он настолько интересен и ценен, что игнорировать его никак нельзя. Челищев по праву должен быть причислен к славной плеяде исследователей Карелии.

Материал, собранный Челищевым, весьма разнообразен. Прежде всего нужно указать на то, что было сделано им в области географии. Осуществляя свой маршрут, Челищев вел записи, в которых фиксировал характер ландшафта, частично климатические условия, состояние путей сообщения и т. п. Интересно, что Челищевым впервые в науке была описана р. Выг, в особенности ее низовье. «В сем месте (при впадении в море— *В. П.*) Выг-река разделилась на многие течения, кои тамошние жители называют падусами, и тем сделала на пяти верстах до пятидесяти каменных, только что немного землю и лесом покрытых изрядной обширности островов. А оттого в реке, где настоящий фарватер, стремление воды чрезвычайно быстрое и частые немалые пороги, которые ехали через. Не доезжая деревни Сорокиной верст двух, один выпавший из Выг-реки, по крестьянскому названию падус, или разделение оной реки версты на две надвое, называется особою рекою

Сорокою, которая, обойдя с левой стороны деревню того же названия, соединяется опять с рекой Выгом».

Кроме сведений по географии, в книге Челищева имеется ряд данных, которые могут быть использованы при изучении истории и этнографии Карелии. Особенно интересны его сообщения о формировании этнического состава населения края. «Левая сторона озера (Онежского — *В. П.*), занятая частью корелами, говорят, имеет множество жителей, которые — по изобилию железных руд — имеют множество частных железных заводцев; в некоторых из них, сказывают, делают нарочитый уклад невысокой цены и порядочное количество».

Т м много их, то кузнецы,
Потомки белоглазой чуди...

позднее писал Ф. Глинка.

Любопытно и сообщение Челищева о формировании русского населения в Карелии: «Оный бор (у озер Лукино и Боровое — *В. П.*) именуется тихвинским, потому, что на нем первоначально жить начали уроженцы города Тихвина». Сообщение это проливает свет на историю поздних переселений в Карелию из центральной России. Здесь, в глухих лесах, на далекой северной окраине искали спасения от ужасов крепостного права русские крестьяне.

Большая заслуга Челищева в том, что он попытался на основе материала, собранного им во время поездки (в «Записке», поданной в Российскую Академию), поставить ряд вопросов, связанных с изучением языка, что имело непосредственное отношение к проблемам этнической истории края. Одним из первых в русской науке он обратил внимание на изучение этнонимии края, призывал к изучению родственных языков с целью выяснения на этом материале вопросов происхождения и родства народов, указывал на значение топонимического материала, говорил о необходимости изучать живые диалекты русского языка на Севере, считая их источником обогащения литературного русского языка. Что касается топонимического материала, то Челищев тщательно его собирал и фиксировал. Вот примеры: «Проехавши от деревни Мятосовой 12 верст, для перемены же гребцов остановились пополудни

в шестом часу возле погоста Пильма». Или: «Остановился возле деревни Гак-Ручей...» Интересно, что Челищевым отмечены и славянские топонимы: «Привалили к деревне Княж-Бара» (ср. бара — болг. 1. Речушка. 2. Канава. 3. Лужа).

3

Описывая хозяйственную жизнь края, Челищев уделяет большое внимание состоянию промышленности. Он рассказывает о металлургическом производстве на заводе, находившемся при впадении в р. Свирь речки Усланки: «Из этого железа черное и белое делают литые и жести, а также самую лучшую чистую сталь, превосходящую аглицкую, ибо, как и данную мне пробою доказано, она в преломленных местах гораздо мельче показывает состав, нежели аглицкий; равно же сему делают и разные большие инструменты». Важное место отводит Челищев изучению и описанию ремесел, промыслов и рукоделий. В его книге тщательно описаны и отмечены 44 вида крестьянского и городского ремесла, 12 видов промысла, 22 вида женского рукоделия³⁹.

Чрезвычайно интересны указания Челищева на развитие отхожих промыслов, на которые отправлялись крестьяне южной и средней частей Карелии в связи с необходимостью покупать хлеб и платить подати. «Живущие по обеим сторонам Онега дворцовые и экономические крестьяне... живут очень бедно, ибо хлебопашества у них еще меньше, нежели у крестьян, живущих по Свири, да и урожай гораздо хуже, а привозят себе рожь, овес и ячмень водою, покупаячи без мала что не на весь год в городе Ладоге и Вытегре, на что зарабатывают деньги, отходя мужчины в Петербург и Петрозаводск в разные работы, иные на целый год, а другие на лето, а оставшиеся дома жгут в Петрозаводск для продажи на заводы уголье, гонят деготь и ездят с грузом с Петрозаводска в Петербург, а больше никакого промыслу не имеют».

Данные Челищева указывают на связь отходничества с процессом разложения больших патриархальных крестьянских семей, начавшимся уже в то время. «Живущие в слободе сих монастырей (Алекса́ндро-Сви́рского

и Троицкого — В. П.) и в прочих около лежащих деревнях крестьяне пропитание имеют от хлебопашества (которое у них — за умалением удобной к хлебопашеству земли и за частыми неурожаями — мало) и в рассуждении довольных на мшаринах и на малых болотах сенокосных мест от скотоводства, зимою и летом, по исправлении нужных домашних работ, извозничают, а из больших семей отходят в Санкт-Петербург и в имеющиеся по Свири фабрики и заводы в разные работы, а отчасти и рыбную ловлю промышленяют, а больше никакого промыслу и ремесла не имеют, и большая часть живут очень бедно». Развитие отходничества, разрушение большой семьи, естественно, нельзя объяснять лишь неблагоприятными природными условиями. Главную роль в этом процессе играли социальные условия, сдвиги, происшедшие в общественной жизни края, а именно — начало развития капиталистических отношений в южной Карелии. И на этот счет мы находим определенные указания у Челищева, указания о том, что в крае уже начался процесс расслоения крестьянства.

Челищев описывает ряд предприятий, которые можно назвать в полном смысле капиталистическими. Внешне такие предприятия сохраняли видимость домашнего промысла, но по существу это были мелкие промышленные заведения капиталистического типа. Такова судоверфь крестьянина Павла Якимова Вдовицына, на которой в год изготовлялось до 6 галиотов, таковы ряд мелких жестяных и поташных заводов по реке Свири и т. п.

В книге Челищева содержатся сведения и о некоторых элементах материальной культуры. В связи с развитием рыболовства стоит строительство (при больших реках и озерах) промысловых жилищ, в которых рыболовы жили лишь в период промыслового сезона. «Проехавши ж от деревни Миткиной три версты, в 11 часов для ужины и заговен, за неимением поблизости жила, пристал к пустой избе, в коей во время рыбной ловли живут рыбаки...» Аналогичное промысловое жилище прослеживает Челищев и у промыслового населения Поморья, в частности, на Соловецком острове, где, по его наблюдению, были построены в одном месте «... для жительства промышленников (охотников на морского зверя — В. П.) и работников во одной связи две чер-

ных избы и для прибору звериных и рыболовных снастей и кож три анбара».

Путешественник отметил и бытовавшие у местного населения средства передвижения. Особенно любопытно описание двуколок, на которых ему пришлось ехать самому и перевозить свой багаж. «Во оной раскольничьей пристани (Пигматке — В. П.) переночевал, на другой день, в субботу 14 числа июня, расплатившись с тем крестьянином, который вез через озеро Онего, нанял здешних обывательских шесть лошадей: две для людей верховых, для экипажа (т. е. имущества, багажа — В. П.), две ж, запряженных в две простых телеги о двух сделанных из корня весьма тяжелых колесах, поехал отсель в раскольничий монастырь Суземки или Данилов сухим путем, изрядно прочищенной большою столбовою только неширокою дорогою, боровым местом, в восьмом часу утра». Телеги эти Челищев называет «к езде неспособными».

В северной части тогдашней Олонецкой губернии при наличии многочисленных озер и рек чрезвычайно важным средством передвижения была лодка—карбас. Челищев говорит о ней несколько раз. «В понедельник 16 числа в данной из Данилова монастыря лодке, а по тамошнему названию карбасе, с их же четырьмя гребцами и пятым лоцманом в девять часов утра поехал вверх рекою Выгом». Карбасы бывали различных размеров, хотя принцип их устройства, по-видимому, был один.

Нельзя пройти мимо тех сведений, которые имеются у Челищева относительно быта старообрядческого населения, жившего в выговских скитах. Исследователь истории старообрядчества найдет в его книге немало тонких наблюдений, интересных данных, которых нет в других источниках. «Пристал к раскольничьему скиту, называемому Березовый; живущие в нем крестьяне промышляют писанием в раскольничьи часовни образов и рыбную ловлю в Выг-реке, а хлебопашество у них за малостью удобной к тому земли столь же мало, как и у живущих над озером Онегом». Этот своеобразный «художественный» промысел был широко распространен, иконы «северного письма» можно и теперь еще найти в старых (ныне, конечно, бездействующих) часовнях и церквях.

Своеобразие быта населения этого района сказывалось, между прочим, и в устройстве надмогильных сооружений, о чем также сообщает Челищев⁴⁰. Он хорошо видит реакционность старообрядчества и с иронией рассказывает о некоторых обычаях в скитах. «Всякая часовня по сим скитам и во оных (раскольничьих — В. П.) монастырях разделена на две части, в которые не только вход, но и крыльцы с разных сторон. По их словам, одна половина для мужчин, а другая для женщин, но я не надеюсь, чтобы мнимая сия к женскому полу холодность была искренна, и думаю, что ежели они лишают себя обращения в часовнях, то награждают с излишеством по выходе из оных».

4

Весьма важные и интересные данные имеются в книге Челищева по Карельскому Поморью. Занятия поморов, орудия их промысла, черты быта — все это интересовало путешественника и нашло отражение в его путевом дневнике. Челищев пишет о высоком развитии поморского мореходства, о смелости мореходов, которые на утлых судах совершали далекие морские плавания.

Весь тип хозяйства — промыслово-рыболовческий, с низким уровнем развития земледелия и животноводства — сложился в Карельском Поморье в условиях своеобразной географической и социальной среды. Море — источник благосостояния поморского населения. Такой хозяйственно-культурный тип сложился не только в Карельском Поморье, а по всему побережью Белого моря.

Поморское мореходство — основное условие жизни в этом крае. Развитие его обусловлено тем, что главное занятие населения — морские промыслы. «Кормятся ж (крестьяне — В. П.) от ловли в море рыбы; настоящий же их неперменный доход от семги, сельдей и от морских зверей: белуг, нерьпов и прочих; главный же их на удачу промысел: ходят все мужчины на Мурманской берег Северного окияна близ Колы для промыслу трески, палтусины, сельдей и сала помянутых морских зверей, также привозят несколько животных морских

редкостей и растений (интересных для — В. П.) натуральной истории».

Большое значение для поморов имел сельдяной промысел. «Выгорецкий исток в море близ их деревни (Сороки — В. П.) считается по всему Поморью самую изобильную сельдяною добычею, самая лучшая и выгоднейшая их пора с августа до декабря месяца. Они ловят их (сельдей — В. П.) неводами и захватывают целыми лодками, закупают гишпанскую соль у города Архангельска, солят их в большом количестве.. Сбывают же оных, как и добываемую ими семгу, то к городу Архангельску, то в Санкт-Петербургу».

Наряду с упоминанием невода как важного промыслового орудия и элемента материальной культуры, здесь важно отметить направление экономических связей, тяготение Карельского Поморья к двум экономическим центрам — Архангельску и Петербургу.

В то время в Поморье еще существовал китобойный промысел. Челищев подробно описывает приемы охоты на китов и орудия, употреблявшиеся для этого промысла, — «храп» и «спицу». Описания подобных орудий очень редки, и целесообразно привести полностью то, что говорит о них Челищев: «1) Храпы есть железо от аршина по полуторых длиною, в полдюймы квадратной толщины, на конце широкое и острое жало, по обеим же сторонам во внутрь по одной зазубрины, на другом конце трубка, в которую укрепляется долгое ратовье, к трубке привязывается нетолстая веревка или бечевка, которую обвивают вокруг ратовья и пускают даже сажен на пятьсот и более; к концу оных вместо томбуев или поплавков привязывают бочки, обшитые красным сукном.

Нашед сонного кита, подъезжают промышленники к нему тихомолком на своих карбасах или баркасах, вонзают в него крепко всякий свой храп и отъезжают поспешно к своей ладье.

Проснувшийся зверь уходит в глубину моря и уносит в язвах своих смертоносные свои занозы.. долгие тетивы с бочками их означают место его томления, промышленники находят по ним огромного сего зверя.. бросаются в свои карбасы и, смело к нему подъезжая со своими спицами, дают ему ими смертельный удар.

2) Спица, которой закалывают кита».

Китобойный промысел в Белом море теперь представляет уже чисто исторический интерес. И во времена Челищева китов в Белом море было мало. В первой половине XIX века промысел их почти совсем прекратился. Но охота на других морских животных: беломорских тюленей, морских зайцев, белух, морских свиней продолжалась и продолжается по настоящее время.

Говоря о занятиях поморов, Челищев упоминает и о некоторых ремеслах — выделке кож морских животных и шитье «рыболовных сапогов».

Следует отметить определенные указания путешественника на существовавшее в среде поморского населения имущественное и социальное расслоение, с которым он связывает опять-таки развитие отхожих промыслов. «Имеющие изрядный достаток для одного рыбного и звериного морского промысла ездят на своих мореходных ладьях... на берега Северного океана до Кильюдина, бедные ж на тех ладьях нанимаются в работники и отходят в заработки в Санкт-Петербург и другие города, прочие же никаких торгов, заводов и промыслов не имеют и живут бедно». Большой интерес Челищева к условиям экономического быта народа, глубокое понимание и сочувствие трудящемуся человеку, прогрессивное для того времени мировоззрение помогли ему верно подметить связь, существовавшую между этими двумя явлениями жизни поморов — отходничеством на заработки и выделением зажиточной эксплуататорской верхушки из среды местного населения. Челищев не мог найти объяснения этой связи, состоящее в том, что в XVIII веке в поморской деревне разлагалось натуральное хозяйство и складывались капиталистические отношения в экономике, но он чутко уловил внешнее выражение этого процесса, одним из первых обратив на него внимание. Надо сказать, что никто из ученых-академиков в своих сочинениях не отметил с такой отчетливостью этого процесса.

Рыболовство — основное занятие здешнего населения — наложило отпечаток на различные стороны жизни и быта поморов. Даже детские игры и воспитание детей у поморов, по сообщению Челищева, связаны с морем, с промыслами, с тем, что составляет основу жизни человека в этом крае. «Воспитание их весьма

сходно с их промыслом, ибо во время моего приезде... молодежь от 10 лет вся поголовно выехавши была на помянутые берега (Мурманский и др.— В. П.), а остальные малые дети ничем другим не забавлялись, как оснасткою и спусканием маленьких ладей своих на воду».

Наконец, в Карельском Поморье Челищев записал легенду, свидетельствующую о патриотизме поморского населения. «25-го числа (июня — В. П.) в среду, отъехавши от города Кеми 30 верст, в 8 часов пополудни для обеда и отдыха гребцам пристали к каменному острову, называемому Немецкий варак* (так его называют потому, что в старинные времена, как сказывают тамошние обыватели, на нем приставали, подходя к Соловецкому монастырю, шведы, прибавя еще к тому, будто они все на нем окаменели, но я, ходя из любопытства по острову, не видал ни одного камня, похожего на человека, а такое же каменье, как и на прочих островах)». Легенды, повествующие о событиях русско-шведских войн, были широко распространены по всей Карелии. Большинство из них записано лишь во второй половине XIX века и начале XX века. В некоторых местах их можно услышать и теперь. Для фольклористов, исследующих процесс зарождения произведений устного народного творчества, очень ценны подобные ранние записи, помогающие уяснить ряд сложных вопросов истории народного искусства.

5

Итак, заслуга П. И. Челищева в деле изучения Карелии, как мы видим, значительна. Челищев записывал то, что видел сам, в чем лично убедился, и это делает его труд в высшей степени важным источником разносторонних сведений о Карелии того времени. Следует еще раз подчеркнуть, что Челищев рисует жизнь народа с позиции человека, чье мировоззрение формировалось под влиянием идей А. Н. Радищева, горячо сочувствовавшего народу.

Мы, естественно, не можем подходить к труду Челищева с теми же критериями, что и к работам ученых-

* Архипелаг Кузева.

путешественников, собиравших сведения о крае по определенной программе, с определенными научными целями. Челищев записывал то, что казалось ему интересным. Однако он сумел коснуться ряда важных проблем, по-своему подойти к их разрешению. И, что особенно для нас важно, сумел правдиво описать жизнь народа того края, где он побывал, в частности, народа Карелии.

ГЛАВА IX

В. М. СЕВЕРГИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЮГО-ЗАПАДНОЙ КАРЕЛИИ

1

Среди ученых, внесших свой вклад в дело изучения Карелии, должен быть назван и В. М. Севергин⁴¹. Он был последним по времени представителем славной плеяды русских академиков XVIII и начала XIX вв.

Василий Михайлович Севергин родился в 1765 году в семье придворного музыканта. Первоначальное образование он получил в академической гимназии, которой в тот период заведовал И. И. Лепехин. Несомненно, что именно под влиянием Лепехина у Севергина появилась тяга к естественным наукам, в особенности к минералогии, в области которой он главным образом и работал всю жизнь.

В 1785 году по окончании академического университета Севергин был отправлен Академией за границу, в Геттинген, для совершенствования знаний по минералогии. По возвращении оттуда он был избран адъюнктом Академии (в 1789 г.), а затем (в 1793 г.) академиком по кафедре минералогии.

Севергин совершил ряд научных экспедиций по России: побывал в Белоруссии, Прибалтике, Финляндии и Карелии. В своих путевых записках, статьях и фундаментальных научных трудах он сумел обобщить огромный материал, собранный лично им и его предшественниками.

Перу Севергина принадлежит более ста работ, среди которых — труды о минералах, описания путешествий, переводы и т. д. Он любил говорить, что без точных наблюдений и исследований нет науки.

Заслуги Севергина в развитии минералогии хорошо известны. Однако есть и другая сторона деятельности ученого — изучение быта и культуры народов посещавшихся им районов, их хозяйственной и общественной жизни, — которая еще не привлекла к себе внимания историков науки. Эта сторона исследований Севергина очень важна и интересна.

Среди материалов, собранных ученым, имеются и любопытные сведения о Карелии. Речь идет об экспедиции Севергина в так называемую Российскую Финляндию. В нее входили тогда территория Карельского перешейка, а также северное и северо-восточное Приладожье — все это составляло Выборгскую губернию.

Экспедиция продолжалась с 25 августа по 24 сентября 1804 года. Результаты ее ученый изложил в книге «Обозрение Российской Финляндии»⁴². Маршрут экспедиции был таков: Петербург — Выборг — Ситола — Койценлак — Якимваара — Сердоболь — Рускеля — Вильманstrand — Фридрихсгам — Выборг — Петербург*. Хотя обследованный район был невелик, а самая поездка непродолжительна, материалы, собранные Севергиным, представляют исключительный интерес, тем более, что это первая научная экспедиция в западные районы Карелии.

Книга посвящена в основном минералогии, и нет нужды говорить о том, что природа этого края описана Севергиным, несмотря на свойственную автору сжатость изложения, очень основательно. Мы укажем лишь на самые важные из тех природных достопримечательностей, которые отметил Севергин в здешнем крае. Он пишет о гранатовых россыпях близ Киделя, о местонахождениях железных руд, о добыче мраморов, среди которых называет и знаменитый зеленогорский мрамор. Он призывает к тщательному повторному обследованию этих мест, указывая на необходимость пробных шурфовок: «Пробная копь была бы бесполезна... Путешественнику при всем его рачении нельзя всего того

* Географические названия даются в транскрипции Севергина.

В. М. Севергин

открыть, что время и случай показать может». В числе «главных естественных произведений» края (т. е. природных богатств — В. П.) Севергин особо отмечает «карельскую березу, на многие изящные поделки употребляемую».

Севергин описывает лесные и водные богатства, любит прекрасной живописной природой, рисует картину водопада на р. Вуоксе.

Сообщает он и об интересном целебном источнике, по-видимому, аналогичном «марциальному», открытому

почти за сто лет до поездки Севергина в Карелию. «Сказывали мне... находится ключ минеральный, который уже немалую принес пользу... Вера к сей воде столь велика, что сюда съезжаются летом иногда особ до тридцати, и уже поделаны здесь к удовольствию посетителей скамьи, даже качели и пр... Да и в самом деле, Финляндия изобилует такого рода минеральными ключами, и желательно, чтобы который-либо из оных пришел в употребление».

2

Карельский перешеек, северное и северо-восточное Приладожье — это территория, где в глубокой древности формировался карельский народ, это бывшая его племенная территория. Поэтому весьма интересно проследить, что собою представляло население этого края с точки зрения его этнического состава в последующие времена. Севергин приводит данные своих наблюдений. «Главные обитатели Финляндии суть финны и карелы. Первые занимают наибольшую часть оной, а последние находятся в округах Кексгольмском и Сердобольском... Сверх того находятся здесь россияне, шведы и немцы». Севергин не довольствуется этим сообщением общего характера, а старается фиксировать этнический состав населения всюду, где только возможно. Приехав в Якимваару, он тотчас заносит в дневник запись: «Слобода сия лежит на западном берегу Ладожского озера... Жители суть карелы...» Прибыв в Сердоболь, он немедленно записывает: «Жители в сем краю суть финны и карелы».

Севергин старается проследить сходство и различия между основными народами края. Он сравнивает их по языку, антропологическому облику и по некоторым чертам психического склада. И хотя эти сопоставления весьма наивны, они все же заслуживают внимания как первая попытка сравнительного изучения этих народов. «Финны говорят собственным своим финским языком, который в устах образованных людей слуху приятен; пишут они немецкими буквами. Карелы говорят языком, испорченным из финского и российского. Первые росту среднего, лицом белые, видом сухощавы, волосы имеют длинные, жидкие, бело-желтые; нравом медленны,

упрямы, нерешительны и любят спокойство... Вторые росту более высокого, похожи на великороссиян, лицом приятны, волосы имеют русые, нравом веселее, деятельнее. Оба народа, впрочем, сложения здорового, и юродивых между ними мне видеть не случалось».

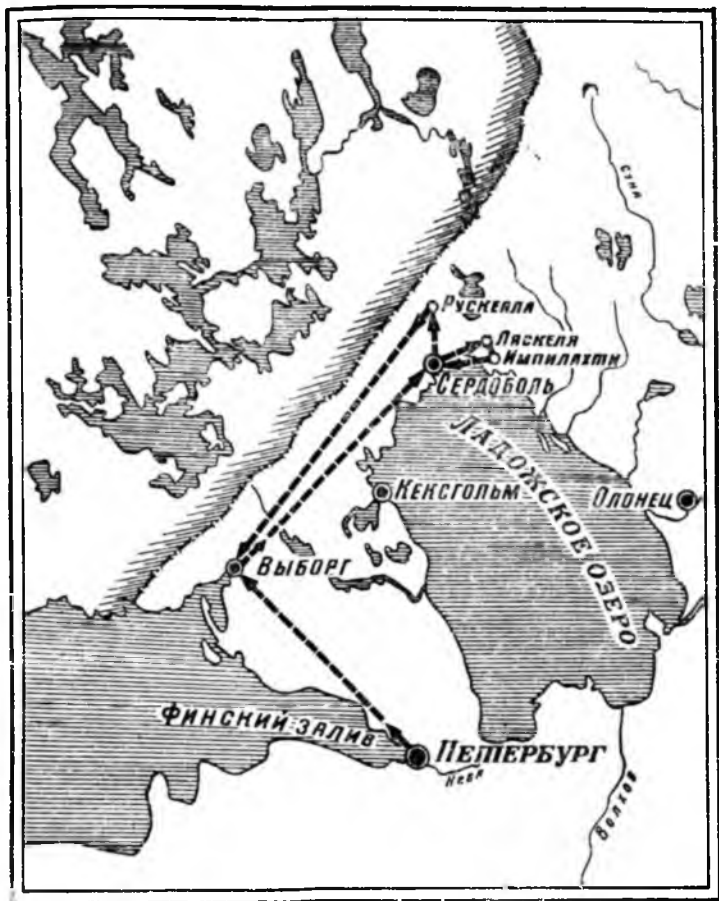
Современный лингвист, конечно, никак не согласится с тем, что карельский язык является лишь «испорченным» соединением финского и русского. Однако, если мы примем во внимание, что в тот период еще не было финно-угорского языкознания (оно появилось лишь спустя два десятилетия), то это первое в истории науки указание о влиянии на карельский язык русского языка, выраженное столь неудачно, не покажется уже таким ошибочным и маловажным, как на первый взгляд. То же самое следует сказать и об этноантропологических характеристиках, даваемых Севергиным карелам и финнам.

Говоря о тех данных, которые могут почерпнуть в книге Севергина лингвисты и этнографы, следует упомянуть о его интересе к топонимическим легендам, т. е. сказаниям о происхождении местных названий, бытующим обыкновенно среди населения.

Есть у Севергина и еще одно сообщение, которое может заинтересовать как историка финно-угорского языкознания, так и историка фольклористики. Приведем его полностью. «Читателю, думаю я, неприятно будет приведение при сем случае значения некоторых финских слов для лучшего уразумения обыкновеннейших у финнов наименований. Таким образом слово: *Ergvi* значит озеро большое, *Lambi* — озеро малое, *Zuo* — болото, *Jok* — река, *Salmi* — пролив, *Laх* — залив, *Nemi* — мыс, *Sari*, *Holm* — остров, *Loto* — каменный остров, *Waga*, *wogi* — каменная гора, *Мак* — обыкновенная гора, *Kivi* — камень, *Savi* — глина, *Rauta* — железо.

Приметить должно, что номенклатура минералогическая немногим далее сих последних... слов простирается. Некоторые камни имеют названия свои по местам, где находятся. Так, например, *Kidelakivi* — Кидельский камень значит венису и т. д.

Есть, между тем, старинные песни у финнов, в коих воспевают о разных родах железа, о стали, о их рождении и пр.

Маршрут экспедиции В. М. Севергина в 1804 году

Наконец, заметить должно, что ударения у финнов большею частью бывают на первом слоге».

Само собой разумеется, что интерес Севергина к финской лексике и поэзии простирается немногим дальше пределов непосредственно интересовавших его минералогических исследований. Однако и в этих пределах путешественник зафиксировал данные, важные теперь как исторический документ. В упоминании

Севергина о песнях, «в коих воспевают о разных родах железа», позволительно видеть первое в русской науке указание на бытование здесь эпических песен типа рун об Илмаринене, одном из героев замечательного карело-финского эпоса «Калевалы».

О социальном составе населения края Севергин говорит сравнительно мало и довольно глухо, хотя и у него можно встретить указания вроде следующего: «Город сей, называемый по-фински Сардовала, лежит на северном берегу Ладожского озера... Жителей до 500. Наибольшая часть их суть купцы, торгующие наиболее лавочным товаром». Это отсутствие у Севергина интереса к социальному составу населения можно объяснить двумя причинами: во-первых, спецификой его исследований (он занимался преимущественно минералогией края), во-вторых, тем, что мировоззрение Севергина было гораздо более консервативным по сравнению с мировоззрением других путешественников — исследователей Карелии последней трети XVIII века. Это видно хотя бы из того, что свое сочинение, написанное по материалам поездки 1804 года, он посвятил Александру I.

3

Сельское хозяйство — основное, по сообщению Севергина, занятие жителей Карельского Приладожья — описано им основательно и со знанием дела. Характерные черты земледелия, подсечная система, состав культурных растений — все это нашло себе место на страницах его книги. «Земледелие скудное. Всегдашние пашни весьма редки. О высушке болот не радеют, а любят пашни лесные, то есть через выжигание лесов приобретаемые, кои потом, по истощении их, лет на пятнадцать опять оставляют, и когда на них между тем вырастает лес, то оный паки выжигают и землю снова в пашни обрабатывают. Зола и уголь служат здесь удобряющими средствами на две и на три жатвы». О подсечной системе Севергин говорит и в других местах своей книги. Можно думать, что значение подсечного земледелия им несколько не преувеличено.

Из сельскохозяйственных культур Севергин отмечает рожь, ячмень, овес, пшеницу; изредка встречалась

греча, «также редки лен и конопля, горох, бобы, чечевица; репа известная чухонская, и весьма вкусная, удающаяся наипаче в лесных пожогах; картофеля мало».

Хорошо описал Севергин и состояние местного животноводства, виды домашнего скота и т. д. Он отмечает недостаточность развития животноводства, причину этого он видит в плохом состоянии лугов и пастбищ. Из домашних животных Севергин называет лошадь, корову, свинью, домашнюю птицу.

Подсобными к земледелию и скотоводству являлись занятия рыболовством и охотой. «Все... почти вообще любят ходить в леса за дичью, коей здесь великое изобилие».

Характер и направление хозяйства определяли и состав пищи населения. Своего хлеба здесь на год не хватало, приходилось покупать его на стороне. «Пищу любят финны соленую, а особливо соленую рыбу, которую сверх того еще поджаривают; имеют также в большом употреблении чухонское масло, молоко, репу, капусту и бобы; картофелей мало употребляют. Обыкновенная похлебка состоит из репы, ржаных круп, молока и воды. Питье их составляет вода, редко квас и пиво; особливо охотники до простого хлебного вина».

Выборгская губерния была в конце XVIII — начале XIX веков отсталым краем. Отсталые формы ведения сельского хозяйства сочетались здесь с отсталостью и в области развития крестьянских промыслов, мануфактурной промышленности и торговли. Сравнивая данные Севергина с теми материалами, с которыми мы познакомились, говоря о путешествиях Озерецковского и Челищева, мы убеждаемся в том, что район Обонежья был гораздо более развитым в хозяйственном отношении. «Промышленность финнов также весьма скудна...» — пишет Севергин. Из промыслов он отмечает углежжение, собиранье ивовой коры, содержащей дубильные вещества, в незначительных масштабах лесопиление, изготовление кирпича и небольшие разработки декоративного и строительного камня. Интересно указание Севергина на существование ткачества: «Некоторые крестьянки занимаются также треплением старой шерсти и выделыванием из нее известной финской

полосатой ткани, которую они сами красят». Слабое развитие промышленности и торговли характеризуется Севергиным в следующих словах: «Торг здесь мелочный; токмо пильные доски составляют у некоторых важный предмет торговли. Фабричных заведений внутри Финляндии нет почти никаких».

Таким образом, общий характер направления хозяйственной деятельности населения Карельского Приладожья в конце XVIII — начале XIX веков установлен Севергиным довольно обстоятельно. Патриархальные способы ведения земледелия (пережитки подсечной системы при ведущем значении трехполья), слабое развитие животноводства, незначительность промышленности — таков экономический облик этого района. Все это, естественно, отразилось и на выработке особенностей культуры и быта местного населения.

Интересны данные, приводимые Севергиным относительно поселений. Оказывается, в начале XIX века здесь был распространен гнездовой тип расселения — группы малодворных деревень, тяготеющих к одному центру. «Деревни их нередко состоят из одного крестьянского двора или весьма немногих, одной семье принадлежащих», — пишет Севергин. Из приведенного отрывка видно, что малодворные деревни были населены родственниками, составляющими, вероятно, большие патриархальные семьи. Кроме малодворных деревень, встречались и несколько более крупные поселения. «Рускаль, или по-здешнему Рускиала (что на финском языке значит красная земля), состоит почти токмо из десяти деревянных домов, одной деревянной часовни и каменного порохового магазина».

Характер жилища — преимущественно срубная изба с топкой «по-черному». «Жилища их (финнов и карел — В. П.) в деревнях суть избы деревянные — малые, бедные, худо выстроенные, низкие, мрачные, закоптелые дымом, как потому, что не имеют порядочных труб, так и от жжения в них лучины». Тяжелое положение крестьянства этого района, его скверные условия быта, культурная отсталость описаны здесь с сочувствием и пристальным вниманием.

Из построек Севергин называет, помимо упомянутых, и строения особого хозяйственного назначения — овины, отмечая их особенности: «Финские овины, или

риги, имеют внутри печь, от чего просушивается (хлеб — В. П.) совершеннее и безопаснее от червей».

Путешественник сообщает ряд сведений и о других элементах материальной культуры народа. К сожалению, о сельскохозяйственных орудиях он говорит только следующее: «Пахотные орудия обыкновенно весьма известные и подобные употребительным вблизи С. Петербурга». Других сведений о сельскохозяйственных орудиях он не дает, и мы не можем судить, был это плуг или, что вероятнее, соха, и какая соха — об этом Севергин не говорит. Зато другой элемент материальной культуры — средства передвижения — им описан хорошо. «Наконец, прилично здесь также упомянуть нечто и о финских повозках. Обыкновеннейшие из них суть так называемые таратайки, то есть малые тележки на двух колесах, в кон запрягается одна лошадь и кои весьма способны к возке даже довольно тяжелых вещей по здешним горам. Сверх того, имеются здесь еще род повозок, который есть из самых простейших, каковые токмо изобрести можно. Они состоят из двух параллельных жердей около двух с половиной сажень длиною, у коих один конец привязан к седлу лошади, а другой тащится по земле; к сим жердям привязываются сзади те вещи, кои везти намерены, а человек в сем случае сидит верхом на лошади. Такая повозка называется у финнов пурело или пувиле. Употребительны здесь также и дровни, на коих ездят даже и летом. Зимой некоторые употребляют лыжи».

Севергин правильно связывает особенности в устройстве средств передвижения со своеобразием местного ландшафта, с условиями географической среды. Действительно, не только в Карельском Приладожье, но и по всему Европейскому Северу долго бытовали волокуши, двуколки с очень большими колесами, употреблялись летом сани и т. п. Дело здесь, однако, не только в условиях ландшафта, но и в плохом состоянии дорог, что было обусловлено слабым экономическим и культурным развитием края, то есть причинами социального порядка.

Наконец, в весьма общих словах дает Севергин сравнительную характеристику финской и карельской одежды. «Одеяние у первых (финнов), а особливо у зажиточнейших, походит у обоего пола более на

одежду немецких крестьян, а у последних (карел) на одежду крестьян российских». Заметим также, что это первая в истории науки попытка сравнительного изучения в данной области.

4

Поездка Севергина и обследование им территории Карельского перешейка, северного и северо-восточного Приладожья имели значение и были плодотворны, как видим, не только в минералогическом отношении. Сведения, сообщаемые им о языке, материальной и духовной культуре населения, о его хозяйстве и быте, важны и для историка, и для этнографа, и для лингвиста. Следует отметить, что в большинстве случаев эти сообщения заслуживают доверия, так как они являются результатом непосредственного наблюдения и довольно точно отражают тогдашнюю действительность. Заслуживают внимания и некоторые высказывания общего характера: сравнительные характеристики карельского и финского языков, попытка сравнить между собой антропологические характеристики карельского и финского народов, сравнение некоторых элементов материальной культуры. Все это — начало нового подхода к эмпирическому материалу и, несомненно, представляет интерес для истории науки.

Следует, наконец, отметить и тот факт, что Севергин старается не остаться лишь сторонним наблюдателем изучаемых явлений. Он стремится давать практические советы, как улучшить положение: советует сооружать дома и прочие постройки из камня, которого очень много вокруг, — этим будет экономиться лес; рекомендует, ссылаясь на труды Вольного экономического общества, улучшать луга посредством известкования, осушать болота и т. д. Другой вопрос, что все это в тех условиях было невыполнимо. Но уже желание помочь исправлению положения — наряду с научными заслугами — обязывает нас отнести В. М. Севергину место в ряду замечательных русских ученых-путешественников, исследователей Карелии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

История изучения Карелии в XVIII веке распадается на два этапа. Первый — от начала столетия до конца 60-х годов — заключается главным образом в накоплении сведений о природных богатствах края. Немногочисленные научные исследования этого периода были полностью подчинены практическим мероприятиям, связанным с промышленным строительством или освоением полезных ископаемых.

Положение меняется с начала 70-х годов, когда под влиянием развивающихся буржуазных отношений усиливается тщательное изучение всей страны. Громадный размах работ по сбору географо-экономических сведений охватил и Карелию. В последнюю четверть века ее посещает ряд исследователей-путешественников, в это время создаются обстоятельные «описания» края.

Однако на протяжении всего XVIII столетия публикация достигнутых результатов происходила медленно, сведения о Карелии проникали на страницы книг и периодических изданий редко и очень слабо рассеивали смутное представление русского читателя об этом крае. «Ответы» Лаксмана или «Описание» Алопеуса при всей их важности касались лишь отдельных вопросов, а материалы путешествий Лепехина и Озерецковского увидели свет только в начале XIX века.

Разумеется, судить о степени изученности Карелии в XVIII веке только по опубликованным тогда же материалам нельзя. Хотя карта Клешнина не была известна широкому кругу современников, тем не менее она

сыграла большую роль в последующих картографических работах. Рапорты в Академию наук Лепехина, Лаксмана, Озерецковского и других исследователей, тутолминское «Описание», работа Ярцова и т. д. были известны тоже лишь в рукописных списках, но никак не должны сниматься с общего счета, который, таким образом, оказывается достаточно значительным. Итак, подводя итоги исследований, необходимо учитывать все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, независимо от степени их известности, ибо все они так или иначе способствовали накоплению знаний о Карелии.

Каковы же эти итоги?

Прежде всего следует отметить, что материалы путешествий и «описания» в большей или меньшей степени охватывают значительную часть территории края. Северная Карелия описана Лепехиным, Державиным, Челищевым. Обонежью посвящена большая часть материалов Озерецковского и ряд страниц «Поленной записки» Державина. Приладожские районы нашли отражение в записях Лаксмана и Севергина. Кроме того, общая характеристика края дана в «описаниях» Алопеуса, Тутолмина, Крестинина. При этом, конечно, нельзя забывать, что путешественники продвигались в основном по объезженным дорогам, и глубинные районы, например северо-западная Карелия или восточная часть Пудожского уезда, оставались почти неизученными.

В большинстве случаев путевые записки и описания носят комплексный характер. Для исследователей характерно стремление к сбору наиболее полного, всестороннего материала. Они изучают природу края, хозяйство, крестьянские промыслы, торговлю, они не проходят мимо изучения социального и этнического состава населения, не оставляют без внимания материальную и отчасти духовную культуру народа. Практическая направленность красной нитью проходит через все рассматриваемые материалы.

Общее стремление авторов к сбору сведений географического и экономического плана приводит к известной повторяемости. Повторяемость возникла еще и потому, что ряд путешествий и «описаний» относится примерно к одному периоду времени, кроме того, некоторые исследователи пользовались материалами своих

предшественников (например, Озерецковский «Описанием» Тутолмина). В результате близкие по содержанию тексты встречаются у Озерецковского и Державина, Озерецковского и Тутолмина и т. д. Это облегчает работу по сопоставлению различных материалов с целью выяснения их достоверности. Вместе с тем сопоставление показывает, что материалы путешествий часто дополняют друг друга и почти лишены серьезных расхождений. Это во многом объясняется общностью взглядов исследователей и их несомненной объективностью.

Несколько особняком стоит «Описание» Тутолмина, в котором авторское вмешательство в материал подчас приводит к искажению действительного положения вещей.

Среди материалов путешествий наибольшую ценность представляют «Путешествия по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя» Н. Я. Озерецковского и «Поденная записка» Г. Р. Державина, которые превосходят все другие путевые дневники не только своим объемом, но и разносторонностью содержания.

Итак, изучение Карелии в XVIII веке сделало громадный шаг вперед. Итогом его были материалы путешествий, описания, карты. Выполненные на уровне передовой науки своего времени, они стали важными источниками, мимо которых не может пройти ни один историк Карелии.

2

Путешественники последней трети XVIII века проявляли большой интерес и к ряду этнографических проблем. Так, в частности, их работы дают возможность довольно точно воссоздать картину расселения народов, живших в ту пору на территории Карельской АССР и сопредельных районов. Этнический состав населения края был, судя по этим данным, уже в ту пору весьма сложным, а расселение народов несколько отличалось от современного. Конечно, если бы мы попытались на основании сообщений ученых-путешественников составить этнографическую карту края, то эта карта была бы не во всех своих частях одинаково точной. Однако и тот материал, который был собран в конце

XVIII века, дает возможность установить интересные факты: наличие карельского населения на Карельском перешейке и в северном Приладожье, остатков саамского населения в центральной Карелии и т. п.

Описание отдельных элементов культуры и быта населения края, относящихся к различным районам, позволяют путем сравнения выяснить некоторые черты своеобразия, свойственные отдельным народам: карелам, финнам, вепсам, русским.

Другим аспектом изучения материалов путешествий по Карелии является исследование их в плане выявления культурного и хозяйственного своеобразия отдельных районов края. Живя в различных географических условиях, в процессе исторического развития население отдельных районов вырабатывает характерные способы ведения хозяйства, налагающие свой отпечаток и на особенности развития материальной и духовной культуры народа. В этнографической науке это явление получило наименование хозяйственно-культурного типа⁴³.

В Карелии последней трети XVIII века, судя по данным ученых-путешественников, сложилось, по крайней мере, три района со специфическими формами хозяйства и культуры, которые следует считать тремя различными хозяйственно-культурными типами.

Прежде всего следует отметить известную неравномерность экономического и социального развития юга и севера Карелии. На севере, в Поморье, сложился хозяйственно-культурный тип, который можно назвать «поморским». Основные черты этого типа: морское рыболовство и промысел морского зверя при почти полном отсутствии земледелия (наличествует лишь небольшое огородничество); специфические орудия промысла: особый вид невода, «храп», «спица» и т. п.; промысловое жилище срубного типа; особое устройство надмогильных памятников и т. д.

Другой хозяйственно-культурный тип сложился в бассейне р. Свири и по берегам Онежского озера, его можно назвать «свирско-онежским». Для него характерны земледелие (в значительной мере подсечное, но в основном уже трехполье) и животноводство в качестве основы хозяйства; культура льна; сильно развитое рыболовство; отходничество (появившееся здесь раньше,

чем в других районах края); особый тип невода, отличный от поморского, и т. д.

Наконец, третий хозяйственно-культурный тип можно считать характерным для Карельского перешейка, северного и северо-восточного Приладожья. Его можно назвать «карельско-приладожским». Ему свойственны: подсечное в основном земледелие при слабом развитии животноводства; развитая охота, продукты которой идут на вывоз; рыболовство в мелких водоемах и т. д.

Особенно значительны различия между «поморским» и «карельско-приладожским» хозяйственно-культурными типами; «свирско-онежский» тип составляет как бы промежуточное звено между ними, обнаруживая черты сходства и с «поморским» типом, и «карельско-приладожским».

Если бы мы теперь мысленно представили себе путешествие, например, от Выборга до Керети, то наше внимание привлекло бы следующее явление: смена культурных форм, свойственных одному району, культурными формами, свойственными другому району, происходит не резко, не сразу, а постепенно; между соседними районами нет резких культурных границ. Двигаясь по нашему маршруту, мы могли бы наблюдать, как одни элементы культуры постепенно видоизменяются и исчезают, а другие так же постепенно появляются. Это явление, которое можно проследить не только на территории Карелии и не только на материале XVIII века, лучше всего было бы назвать культурной непрерывностью.

Здесь мы подходим, наконец, к третьему направлению изучения материалов, собранных путешественниками — исследователями Карелии. Эти материалы позволяют сделать вывод о существовании в XVIII веке на территории современной Карелии таких хозяйственных и культурных черт, которые — при наличии сложного этнического состава населения и ряда хозяйственно-культурных типов — были общими для всего этого края и присущими именно ему, отделяя его от смежных. Мы прослеживаем это сходство и в строительстве жилищ в деревнях, и в строительстве промысловых жилищ у поморов и жителей Обонежья, и в распространении по всей Карелии единого типа расселения деревень «гнездами», и в почти повсеместном развитии

крестьянского железодельного промысла, и в употреблении некоторых характерных орудий (коса-горбуша и т. д.). Все эти данные говорят о том, что Карелия того времени вместе с примыкающими к ней территориями (имеется в виду Каргопольщина и южное Прионежье, возможно, до Белого озера и, может быть, Кольский полуостров) составляли в хозяйственном и культурном отношении определенную общность.

Действительно, на этой территории в течение многих веков жили народы, между которыми на протяжении их истории устанавливались определенные экономические, политические и культурные связи. Особенно важно подчеркнуть наличие экономических связей. На основании материалов, собранных путешественниками последней трети XVIII века, мы можем с большой долей уверенности говорить о значительном экономическом единстве края, о том, что Карелия в это время представляла собою определенное экономическое целое. Известное оживление товарного производства в Карелии в XVIII веке, появление промышленности, развитие ярмарок, среди которых особенно важными были Шунгская, Сердобольская и Валаамская (их значение выходило за пределы Карелии), наконец, развитие отходничества — все это способствовало складыванию территории Карелии в довольно компактный в хозяйственном отношении организм.

Следует назвать еще один фактор, имевший большое влияние на складывание общих черт по всей этой большой территории. Дело в том, что на указанной территории, прежде заселенной финно-угорскими народами, примерно с XI века появляется славянское население — более культурное, более развитое, чем аборигены. Славяне — представители древнерусской народности, а позднее великоруссы — принесли с собой свои культурные особенности, свою систему хозяйства. Коренное население, вступая с ними в общение, заимствуя многое из их хозяйственно-культурных форм и в то же время передавая пришельцам ряд своих элементов культуры и быта, сближалось и с пришельцами, и между собой, т. к. заимствование шло, в сущности, из одного источника.

Хозяйственные связи, культурное и языковое общение народов, населявших Карелию, не могли, конечно,

привести и не привели к слиянию их в один народ. На этой основе — при сохранении нескольких этнических общностей — создалась общность иного порядка — историко-этнографическая область, отличающаяся определенным уровнем социально-экономического развития, хозяйственной связанностью, общностью ряда черт материальной и духовной культуры и быта населявших ее народов. Наличие в пределах одной историко-этнографической общности нескольких хозяйственно-культурных типов не уничтожает ее. Напротив, это служит естественной основой разделения труда между отдельными районами, условием развития между ними обмена в самом широком смысле слова, включая сюда и обмен товаров, и обмен культурными достижениями различных населяющих этот край народов, и языковое взаимодействие.

3

Прошли годы. Много других исследователей побывало в Карелии в течение XIX века, в начале XX века. А этот край продолжал оставаться далекой окраиной царской России, местом политической ссылки, где народ влачил жалкое существование в бедности, нищете и невежестве. Многочисленные исследования ученых почти ничего не дали народу. Природные богатства оставались практически нетронутыми, великие духовные ценности народа, кроме узкого кружка специалистов, были мало кому известны.

Царское правительство препятствовало развитию экономики и культуры национальных окраин. Таким образом, между исследованиями ученых и их реализацией оставался непреодолимый разрыв.

И только после Великой Октябрьской социалистической революции были сделаны решительные шаги к систематическому изучению и использованию всех богатств Карелии — природных и духовных. Народ сам взял в свои руки дело исследования и преобразования своей страны.

То, что не было и не могло быть выполнено в царской России, было совершено в великой стране Советов. В Карелии создана мощная промышленность. Там, где академик Озерецковский в 1785 году видел только одну школу, теперь работают сотни учебных заведений. В том

месте, где в XVIII веке был открыт источник минеральной целебной воды, теперь запроектировано строительство санатория, в котором будут лечиться и отдыхать трудящиеся. Там, где академик Лепехин встретил залежи слюды, теперь ведутся ее промышленные разработки. Ладьи жителей Карельского Поморья заменены оснащенными по последнему слову техники морскими судами, которые смело идут на промыслы в северную Атлантику и к Ньюфаундленду. Только в советское время с созданием Беломорско-Балтийского водного пути и Волго-Донского канала имени В. И. Ленина осуществились мечты Иноходцева о сооружении каналов, которые соединили бы Белое море с другими морями.

Совершенно изменились люди, ставшие свободными тружениками своей Карельской Автономной Советской Социалистической республики.

Все эти разительные перемены, которые особенно чувствуются, когда сравниваешь современную Карелию с тем, что она собой представляла прежде, и мысленно путешествуешь «по следам» исследователей XVIII века, стали возможны только в результате великой борьбы за коммунизм, которую ведет наш народ под руководством Коммунистической партии и Советского правительства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОДЕННАЯ ЗАПИСКА, УЧИНЕННАЯ ВО ВРЕМЯ ОБОЗРЕНИЯ ГУБЕРНИИ ПРАВИТЕЛЕМ ОЛОНЕЦКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА ДЕРЖАВИНЫМ *

1785 год июля 19

Петрозаводский уезд

Выехали из Петрозаводска и, переехав 12 верст, пристали к острову, именующемуся Попову, может быть потому, что владеет оным Ялгубского погоста священник. Длины имеет остров сей около трех верст и ширины половину версты, на оном, кроме рыбачей хижины, никакого селения не обретається; впрочем, остров имеет довольно приятный вид и местоположение и, хотя каменист, однако по большей части растет на оном сено. Оттуда, поехав и миновав множество мелких островов, замечательных по своей приятности и из которых на одном растет на голом камне ель, приехали корельской трети в деревню Суйсар, лежащую при Онежском заливе.

Ночевав в оной, пустились в путь и, проехав 20 верст Онежской губою, коей берега и в отличном положении рассеянные острова довольно приятный вид представляют, пристали к деревне Янич поле. Место сие вообще именуется Суна, сие от того, что река, текущая из Швеции, под названием Суна впадает при деревне сей в озеро Онего. Река сия мелка и несудоходна, и в 19 верстах от деревни имеются великие пороги. Лов в оной был весьма

* Печатается по подлиннику.

успешен прежде воспоследовавшего нынешнего года повеления, коим сняты все бывшие на реке рыбные заколы.

По каменистым берегам Суны рассеяно в месте сем до шести деревень, в коих поселян находится до 261 души, из оных купцов 4, мещанства же 6 человек, крестьяне приписаны к Петровскому заводу и получают плакатную плату.

Главные упражнения их заключаются в хлебопашестве, пашут по гористому местоположению на косогорах и в плодоносный год получают до пяти процентов. Сеют рожь, жито, овес и некоторые лен. Самый зажиточный не более трех четвертей засеивает. От деревни сей вверх по реке Суне, сев на маленькие лодки, пристали в деревне Воронове, отстоящей в 19 верстах от первых. Проехав 9 верст, видели на небольшом острове часовню, в которой, по известиям поселян, почивает в стоявшей там раке святой Варлаам, пустынножитель. Откуда же оный переселился и когда почил, сие неизвестно. В трехстах сажнях от острова сего находятся бывшие прежде супорецкие пустыни, ныне же, кроме церкви и нескольких хижин, ничего не осталось.

Местоположение пути сего весьма приятное, и правильное протяжение берегов, соединяющихся вдаль и потом длинные проспекты отверзающих, представляет прекрасное зрелище.

Деревня Воронова лежит при соединении двух протоков реки Суны, хижин в ней до 12. Сев в оной на лошадей, поехали верхами в Кончезерские железные заводы. На пути сем примечено нами нерадение поселян в хлебопашестве, ибо оные, посеивая на нивах, не избирают удобных мест и, срубив лес, корней не вырывают, не пожигают и не наваживают, но валят деревья, орут, не выворачивая камней, и посеивают.

Кончезерские железные заводы имеют также приятное положение; с одной стороны окружены озером Конч, с другой — рекой Перт, текущей из озера Перт наволока. Уже 4 года как они не действуют и все орудия ветхи и требуют многого поправления, также и плотина для действия целого завода должна была более ныне при оном находящейся.

Под ведением управителя Кончезерских заводов состоит и купоросный дворецкий завод, в который ездили мы верхами. Завод сей отстоит от Кончезерского в 9 верстах. В оном же самом месте были и врачевные железистые воды, открытые во времена Петра Великого, как сказывают, заводским крестьянином, донесшим об оных командовавшему Петровскими заводами полковнику Генингу. Здесь видны еще остатки как двух дворцов, так и целебного колодезя. Жилы, испускавшие воду, пересечены по повелению бывшего главного командира советника Ярцова разработывателем руд близь

самого колодезя, и ныне хоть наполняется оный водою, но совсем не действительною. В месте сем по снятии чернозема открываются купоросная отчасти кварцевая руда, под оной же железистая вохра.

Вываривание купороса производится следующим образом: взяв руды, кладут в ларь, противу одного вмазан в печь большой котел, в коем греется вода и спускается в ларь проведенною из котла трубою, бросают в оный раскаленные ядра, дают с полчаса постоять, мешают веслами и выпускают в нижний ларь, в коем стоит целые сутки, из одного выливают насосом в сковороды и дают выкипать часа с три, оставя на дне раствора вершка с два, выливают вторично из нижнего ларя в сковороды и выпаривают, оставляя вершка на три, выливают из ларя в третий раз и оставляют на дне уже вершков на пять, сливают в устойчивый ящик и дают стоять сутки; раствор сей усиленным щелоком называется. По сем на другой день сыплют руду в ящик, наливают кипятком, мешают и выпускают в нижний ящик, наливают насосом в сковороды и после другой наливки, в коей, как сказано выше, оставляют раствора на три вершка и дают стоять сутки, доливают из устойчивого ящика щелоком и ежели одного не достает, то дополняют свежим раствором и варят с час, после сего сядет тонкая перепонка, то взяв спичку и обмочив в оной, вынеся на свежий воздух, ежели обоймет оную на подобие песка, то спускают раствор в устойчивые ящики и дают стоять целые сутки; щелок выливают опять на сковороды, севший же купорос сыпают в промывальные корыта и промывают чистый в трех, темный же в пяти водах. Вода сия стекает в нижний ларь, кою сливают в другой и выпускают гвоздем в нижний ларь и наполняют одного вместе с другим щелоком сковороды. Промытый же купорос выносят в ясный день на воздух, сушат, сыпают в бочки и отвозят на Кончезерские заводы для цементования.

Сковород в заводе сем находится 7, сарай же весьма плох и по сей причине зимою не работает.

Целебный колодезь построен на подобие башни, в коей в середине вырыт ларь, хранивший в себе воду. На левой стороне одного находится железная доска с следующей надписью:

«Сей источник исцелительной марциальной воды сыскан для пользы Его царского величества Петра Первого императора Всероссийского и для прочей всенародной пользы тщанием и искусством Его величества всенижайшего раба, артиллерии полковника и коменданта Олонецкого господина Георга Вильгельма Генинга».

Помянутый источник объявлен в прошлом 1716 году; при врачебных водах сих воздвигнута церковь в 1721 году, которая и освя-

щена в присутствии Петра Великого. Иконостас и местные образа перевезены из Лодейного поля, кои все хорошей живописи. В алтаре же имеется в два аршина эстамп, представляющий распятие спасителя, в коем как искусство, так и размер везде видны. Других строений, кроме ветхих двух дворцов, домов священника и дьячка, хижины рабочих и анбара для материалов, никаких не находится.

Из Кончезерских заводов поехали верхами в деревню Верхнюю Воронову, в 10 верстах от оных отстоящую; из Воронова, сев на лодки, поехали по реке Суне к порогу, именуемому Кивачем.

Сей расстоянием от деревни находится в 6 верстах. Дикость положения берегов и беспрестанные видов перемены ежечашно упражняют взор. Проехав 3 версты, река была покрыта пеною, и чем ближе подъезжали, тем пена сия была гуще и, наседая на берега, казала оные как бы униженными белыми камнями. В версте от порогов показался в правом боку дым, который по мере приближения сгущался. Наконец, пристав и взошел на гору, увидели мы пороги сия. Между страшными крутизнами черных гор, состоящих из темно-серого крупнозернистого гнейса, находится жерло глубиною до 8 сажен; в оное с гор, лежащих к востоку и к полудню, падает с великим шумом вода, при падении разбивается в мелкие брызги на подобие рассыпанной во множестве муки. Пары, столбом восстающие, досягают до вершин двадцатипятисаженных сосен и оные омочают... Чернота гор и седина биющей с шумом и пенящейся воды наводят некий приятный ужас и представляют прекрасное зрелище.

22*

От порогов сих поехали в деревню Сопугу, в 13 верстах от оных отстоящую, из сей на большом шерботе поехали через Сандало озеро к Тивдийской мраморной ломке. Выехав в Тивдию реку, пристали близь недействующих купца Бармина заводов, в них перекачивали прежде уклад на сталь; по прошествии же некоторого времени отданы Барминым немецкому купцу Гилю, который, оные исправя, делал горшки и прочую чугунную посуду, но наконец и он оставил, и ныне уже заводы сия весьма изветшали.

Проходя близьлежащую деревню, увидели старика ста четырех лет, представляющего совершенную бедность. Он объявил о себе, что родился в Мунозере и в бытность Петра Великого на марциа-

* Здесь и ниже цифра обозначает число месяца.

новых водах лил воду из колодца, за что ему и прочим работникам государь пожаловал по рублю. Потом на Вологде был испорчен и лаял собакою и другими голосами животных кричал и, не будучи в состоянии работать, пришел в крайнюю бедность, однако, к удивлению выздоровевши, женился и прижил сына на 85 году. Он довольно памятен, шутит и по летам его довольно крепок; на лысой голове его виден род гребня, что, по уверению физиогномистов, означает долговечность; на руке линия жизни не перешла за кисть, как должно бы быть по хиромантии, дабы доказать долгий век; расположение прочих на руке линий оправдывает правила хиромантии, то есть показывают бедность, в каком состоянии действительно находился весь век сей старик, который во всю свою жизнь не имел ни дома ни земли; будучи в силах — жил работою, а пришедши в изнеможение, кормился подаванием.

Хорошо жить долго, но не в таком состоянии, как сей старик.

Из деревни сей поехали на шлюпке к Тивдийской мраморной ломке. Горы мраморные лежат при озере Гиш, весьма круты и простираются длиною на 200 сажен, где уже склоняясь с землею не оставляют никаких следов. Последняя оных высота от 9 до 10 сажен. Ломка мрамора следующим образом производится:

Прежде всего начинают буравкою: пробивают буравами внизу и в боках отверстия длиною от 8 до 12 вершков, заряжают оные патронами весом до 10 золотников и более и рвут. Если много подбурено, подпирают лесами и буравят потом вверх. Ежели найдутся раселины, то тогда не буравят, но разбивают клиньями длиною до 12 вершков, ударяя в них молотами.

Ежели же щелей нет, то пробуравливают, смотря по твердости мрамора, несколько дыр, таким токмо образом, чтоб первое отверстие было стамое, прочие же положи и концами сходились в первую. Зажигают одну из оных, наполненную всю порохом, и рвут таким образом камни сажен по 7; люди же, бурившие, привязываются к утвержденной гвоздем веревке и по отрыве мрамора висят на оной; после же или тянут оных на веревке вверх, или сходят по подставленной лестнице. Потом пазят: сделав буравами по щелям несколько отверстий, вбивают в оные клины и таким образом массу пополам перекальвают. Наконец, тешут корками и на очистку молотками.

Обработанный мрамор отвозят на плашкотах Гиш озером версты за 1½, выгружают для перевозки сушею 600 сажен, нагружают потом плашкоты и, плывя через озеро Сандало, везут после сухим путем до 900 сажен, отсюда перегрузя в гальоты на Онеге, пере-

возится в Петербург, где употребляется при строении Исакиевской церкви.

При ломке бывает от 150 до 200 человек, плата оным от 1 до 6 р. в месяц.

Вырабатывается до 40.000 пуд руды, обходится на месте по 55 к., в Петербурге же контора мраморной ломки продает, смотря по величине, и по 70 копеек.

Строений при ломке находится: начальнических или офицерских домов — 2, экспедиции и рабочих до 50.

Суммы на жалование и на издержки при производстве отпускают до 20.000 рублей.

От Тивдийской ломки поехали возвратно через Гиш озеро к стальным заводам. Положение места вообще каменистое, и живущие здесь купцы лутчие имеют противу поселян жатвы.

Пересев здесь на щербот, приехали в стоящий на острову близь Сандала озера ныне Островский погост. Ночевав в оном, простояли целый следующий день за погодую и, отправясь ввечеру, приехали поутру в деревню Кондопогу. Из оной поехали в деревню Кумаку. В сей живут весьма искусные плотники и строят мореходные суда; отобедав, пустились по Онегу на 30 верст в Кижский погост. Оный лежит между проливами великого Онега. Жители в оном поселяне и мещане, промысел их состоит в ловле на Верейском море воротницами сигов. Многие ходят из них в Петербург и питаются столярным мастерством, в коем весьма искусны, иные же продают там конфекты; хлебопашество у них в небрежении; причина сему ежегодное почти от дому отлучение в другие города, и притом местоположение имеет погост сей каменистое.

Петрозаводский уезд граничит к востоку Вытегорским уездом и озером Онегом, к юго-западу Олонецким, к западу Каргопольским, к северу же Повенецким уездами; длина его до 225, ширина до 200 верст. Местоположение гористое и каменистое.

Знаменитые пространством озера:

Великое Онего, длиною 250, шириною до 150 верст. В него впадает, кроме множества малых речек, две большие реки, Шуя и Суна, они обе выходят из Шведской Лапландии, и местами проезжают по оным малыми судами, свободного же по причине двух Кивачей или больших и множества других малых порогов судового хода по ним нет. Из озера сего течет река Свирь, знаменитая падением своим в Ладожское озеро, отверзающим свободный и весьма выгодный водный путь жителям здешнего края. В Онего ловится рыба: лососи, палья, щуки, налимь, окуни, судаки, лещи, язи, ерши, ряпуха, корюха и плотва.

С андало, длиною 45, шириною же 7 верст.

С я м о з е р о, длиною 28, шириною 10 верст.

П я л о з е р о, длиною 20, шириною 8 верст.

К о н ч е з е р о, длиною 20, шириною до 5 верст.

В лесах растет сосна, ель, береза, можжевельник, местами клен и ива. В них водятся птицы: тетерева, мошники, ряпчики, куропатки и дикие утки.

Звери в оных: волки, медведи, лисицы, белки и зайцы.

Поселян в ведомстве сего уезда по последней ревизии мужеска 17.575, женска 18.730 душ, живущего купечества в уезде 719, мещанства же 1492 души. Поселяне, живущие при обработанных природою местах, упражняются неутомимо в хлебопашестве, где же по положению земли необходим многий труд для получения успешной жатвы, там они пашут выше описанным при деревне Воронове образом. Сеют рожь, ячмень, овес, пшеницу, горох, гречу, семя льняное и конопляное. В плодоносный урожай родится рожь впятеро, пшеница вдвое, ячмень втрое, овес впятеро, греча вчетверо, горох втрое. Ремесел собственно у них, ими превосходно пред прочими производящихся, они не имеют и ходят отправлять в столицы и другие города разные работы: топорную, столярную, ломку и теску дикого камня и прочее.

Заводов в уезде: Кончезерский железный казенный недействующий. В 9 верстах от него при лечебных водах — купоросный, выварка производится и ныне каждое лето; Лижемский железный в 60 верстах от Петрозаводска, недействующий. Киворецкий железный в 110 верстах от Петрозаводска — не действует и Тивдийский стальной в 85 верстах от Петрозаводска.

Ярманка в Остречинском погосте в день Рождества Богородицы, в Мунозерском в конце Покрова, в Кондопожской волости в день Рождества Богородицы и в Великогубской трети торг продолжают по неделе и торгуют всеми суровскими товарами, в день празднества имени храма собираются из ближних деревень и продают в день сей разную мелочь, как то: рукавицы, кушаки, платья, шапки, ленты, тесемки и проч.

Нравом поселяне здешнего уезда весьма жестоки, ленивы и беспечны, склонны к ябедам и готовы за ничто хотя с потерей всего судиться, начальникам преслушны, сие свидетельствует воспоследовавшее в 770 и 771 годах возмущения. Церковь во имя Георгия великомученика освящена в 717 году.

Из Кижского погоста отправились Онегом в устье Шалы реки и ввечеру приехали к стеклянным заводам С. Петербургского купца Козлова, стоящих при устье Водлы реки.

В заводе сем делают разного рода и величины банки, бутылки и прочую стеклянную посуду; работа она следующим образом производится: в большую печь, покрытую каменным сводом, в коем находится шесть отверстий, поставляется шесть раскаленных муравленых горшков; сии наполняют доверху битыми стеклами или сделанным из песка и сосновой золы составом и, когда оный вскипит или поспеет, надувают дутельною трубкою раскаленного состава сего, помачивают водою и вытягивают щипцами род лопатки, снимают несколько раз пену и камень, плавающие по верху состава, набирают после дутельною трубкою несколько оною, выдувают пузырем, омочают, вертят дабы длиннее вытянулся, ставят в политые водою деревянные формы, показывающие ширину дна бутылки, дуют вторично, поставляют для размягчения на огонь, выдувают бутылки, обрезают горлышко нарочно сделанными для сего ножницами, вдавливают вострым концом лопатки дно и ставят в другую раскаленную печь, сию по малу охлаждая, придают бутылкам надлежащую крепость, после, вынув из огня, относят сотнями в анбар.

Бутылок в год выдывают до 40.000, кроме многого количества разных банок, продают на 10.000 рублей и получают 3.000 ба-рыша.

Пудожский уезд.

26.

От заводов сих поехали Водлою рекою в город Пудож. По лежащим на пути деревням, особливо в Подпорожье, когда еще не было запрещения ставить заколы, лов был весьма успешный лососей, сига, лещей, щук, налимов, судаков и прочей рыбы; ловля производилась большими мордами (мережами), и в сутки вылавливали до 500 сига, иногда до 30 пуд лососей, ныне же весьма мало ловится.

Устье Водлы реки отверзает жителям Пудожского уезда свободный провоз своих произведений в Онегу и через оное в Петербург и другие места. Они вывозят льну, рыбы, тесу, с стеклянных заводов вышеописанного купца Козлова и Долгова, стоящего в 10 верстах от города, стеклянной посуды, всего же вообще более нежели на 20.000 рублей.

Город Пудож стоит под 30° и 30' северной широты и 54° и 28' долготы. Расстоянием оный от губернского в 120, от Вытегры в 100, от Повенца в 170 верстах, расположен на хребте, идущем полукругом горы, внизу коей лежит прекрасный дол, пересекаемый мно-

гими глухими и прохладными разливами. По одной стороне обтекает его река Водла, текущая из Водлозера и впадающая в Онего, с прочих же окружен полянами и лугами.

Город сей прежде назывался Пудожским погостом, но вследствие высочайшего Ее императорского величества указа переименован и открыт июля 4 дня правящим должность Олонецкого и Архангельского наместничества господином генерал-поручиком и кавалером Тимофеем Ивановичем Тутолминым; в 776 году выгорел погост до основания, а после сего две улицы выстроены по плану, в них домов 50, жителей в оных до 120 человек.

Главный торг граждан и поселян уезда состоит в продаже льна, оного вывозят на гальотах в С-Петербург, гужем через Юшкозеро в Швецию и во все уезды Олонецкой губернии, всего около 25.000 пуд.

Хлебопашество здесь не весьма обильно, и для собственного продовольствия покупают в Вытегорском и Каргопольском уезде. Причинною сему уповательно занятие всех почти полей посевом льна. Вытегорские купцы Мартыновы, Голашевский, онегожане мещане Гончаев и Фомин скупают у них лен и в 17 верстах от города имеют фабрики для очищения от кострики, на фабриках сих рабочих женщин бывает до 100 и более.

При означенных деревнях находится пристань для гальотов, кои нагружаются льном и тесом и отправляются в Петербург. Близ деревни Подгородной во времена Петра Великого был рудный двор, в который привозилась неизвестно откуда железная руда и отправлялась на гальотах на Петровские заводы.

В городе бывают две ярманки: одна отправляется в декабре и называется Никольскою, другая в день Троицы и именуется Троицкою, для них построено три церкви, до 12 лавок, на торг съезжаются из Петрозаводска, Олонца, Каргополя и Вытегры и привозят разные суровские товары.

Уезд Пудожский граничит к северу Онежским, к югу Вытегорским, к востоку Каргопольским, к западу же озером Онегою.

Местоположение большей частью бористое, ровное и болотистое.

Числа живущих в уезде сем поселян показать не можно по новости города, ибо уезд сей составился из селений, принадлежащих смежным уездам, и притом никакого суда за неимением членом не открыто, и как городом, так и принадлежащими оному деревнями управляет вытегорский капитан исправник.

Из дерев растет здесь больше сосна, ель и береза, прочих же здесь совсем не находится.

Домовой скот составляют лошади, коровы, овцы и свиньи.

Из дичи стреляют диких уток и гусей, ряпчиков и тетеревов, мошников, куропаток, лебедей, журавлей и куликов.

Дворовых птиц, кроме куриц, совсем не водят.

Жители ласковы, обходительны и довольно трудолюбивы, но, живя от правительства в отдалении, своевольны и несколько грубы к ближним начальникам.

Августа 1.

Прожив в городе 6 дней, поехали из одного обратно через Шальские стеклянные заводы в деревню Унжускую и, проехав от устья Шалы 90 верст Онегом, видели остров Мягос, отстоящий в 6 верстах от Толвуйского погоста, на котором производится весьма успешный лов ряпухи: на них находится две тони, на кои съезжается множество крестьян Петрозаводского уезда и ловят около 300 неводоу и вытягивают в одну тоню до 200 пуд и более. Ловля начинается с Покрова и продолжается почти весь октябрь.

Повенецкий уезд.

По сем пристали к стоящему на пути на острове Палье того же названия монастырю. Сей древностью превосходит и Соловецкий монастырь, стоит на лугу между дикими и каменистыми горами. Он весьма ветх и без призрения. Церквей 2, начало устройства по неимению рукописей покрыто неизвестностью.

Из монастыря поехали в Шунгский погост. Сей отстоит от Петрозаводска в 118 верстах. Церквей в нем три: во имя святителя и чудотворца Николая, благословения Господня и Благовещения пресвятой Богородицы.

Обывательских домов 42, число живущих в месте сем и окружности одного поселян простирается до 2.802 душ. Питаются наемами и от того небрегут хлебопашеством, возят в разные места соль, хлеб и проч. Многие же нанимаются и ездят матросами в Англию, Португалию, Остиндию и другие страны. Ярманка отправляется дважды: первая с дня Богоявления, вторая же с Благовещения и продолжается до 8 дней.

Лавок 22. Кем построены лавки сии, сего неизвестно, доходы же, с оных собираемые, принадлежат церквям.

На торг приезжают из Москвы, Новгорода, Каргополя, Тихвина, города Архангельска, Вологды, Данилова, Иванова и ближних лопских селений.

Россияне привозят парчу, штоф, бархат, шелка, утварное золото, жемчуг, позумент, сукно, сыромять, кожу, лен, пеньку и проч.

Они все вообще привозят по изустному их объявлению на 65 или 70 тысяч рублей.

Лопляне торгуют мехами, укладом и рыбою, торг их простирается до 15.000 рублей.

Начало переселения в сей погост неизвестно, однако же древность оного свидетельствует подтвердительная грамота царя Василия Иоанновича на владение землею просвитерского, данная от сотворения мира в 7031, от Р. Хр. в 1523 году.

Местоположение погост сей имеет каменистое.

Из Шунгского погоста поехали Онегом в село Пигматку, принадлежащую Даниловой скитне и отстоящую в 20 верстах от Шунги; в нем находится пристань для гальйотов, на которых привозится хлеб и прочее потребное для общежительства из Вытегры и Петербурга. На другой день поехали в Выгорецкое общежительство. К обеду приехали в Тифинский бор, в коем живут раскольники одних с выгорецкими преданий, и около вечера приехали в скитну; сия отстоит от Повенца, взяв путь в оный через Пигматку Онегом, в 70 верстах. Все вообще держат раскол. Сия часть раскольников именуется беспоповщина и церквей не имеют, но одни часовни. Скитна разделяется на мужскую и женскую половины. Мужскою управляет строитель, женскою же строительница. Число первая простирается до 50, вторья же до 500 душ; в каждом монастыре устроены для увечных и немощных богадельни. Начало онаго по изустному объявлению строителя воспоследовало в одно время с зачатием Петербурга, что составит около 82 лет...

Из Даниловыя скитны поехали в другую, отстоящую в 20 одной версте от первая. Сия по текущей близь реке Лексе называется Алексинскою и, как объявляют, устроена Соломонидою, сestroю Андрея Дионисиевича; в ней женская часовня снабжена пребогатыми унизанными образами. Девиц в скитне находится до 700. Мужчин же до 25, кроме многого числа живущих работников. Может быть ни единый из наших монастырей, не прельщая подобно здешним лицемерием, не имел толико усердных и подательных богомольцев, как сия скитна, владея хотя прежде и многим числом крестьян. Неусыпное бдение нескольких стариков на мольбе и прежния предания прилепляют к ним богатых и набожных невежд; они присылают знатными кучами милостыню на богадельни, в кои собрано для наружности несколько дряхлых стариков и старух и кои, смотря по нужде, бывают глухи, немые, слепы, безноги и подвержены разным тяжким болезням. Содержание их весьма сожаления достойно. Ибо в самом деле болящие лежат без призрения, не дают им никаких лекарств и кормят хлебом и пустою кашницею.

Богадельни сии поражают также и бедных поселян; они, надеясь быть в оныя когда-либо приняты, обрабатывают во множестве их поля и прочия нужная в скитне производят работы; причем многое число девиц, отданных большею частию отцами для избежания по скупости снабжения их приданым, привлекают непосредственно молодых людей их согласия и тем общежителство утверждают; богатые имеют право жить в женском монастыре; к ним приставляются 15 летняя прекрасная келейницы, чаятельно для большего в правоте подвизания. Из всех мест привозят им дани; они посылают тучных девиц уговаривать богачей к преселению в монастырь, и строитель Даниловыя скитны есть всей сей части раскольниковства, во всех местах России гнезды свои имеющей, сильный первосвященник; он сажает в цепь и бьет бедных, налагает великия денежныя эпитимьи на богатых и изгоняет из женския половины противящихся ему, словом, можно сказать, что он один токмо живет и что все прочие суть его узники и данники.

7.

Из лексинского общежителства поехали в тот же день обратно в монастырь, из коего предприняли путь через Тифинский бор в Пигматку, где ночевав, поехали на другой день в Повенец.

8.

Повенец стоит под 52 и 33 долготы и 62 и 38 широты, расстоянием от престольного 590, от губернского 140 верст; лежит при устье реки Повенец, впадающей в озеро Онего. Местоположение оного ровное и болотистое, окружается к востоку речками Гарикою (?) и Сапоницею (?), по коим, кроме малых лодок, никакого судового хода нет, с прочих же сторон полями, лесом и болотистыми местами. В длину оный около $\frac{1}{2}$, в ширину на 1, в окружности около 2 верст.

Церковь деревянная во имя святых верховных апостолов Петра и Павла построена, как повествуют, одним новгородским купцом, назад тому 180 лет.

Казенных в городе строений находится: соляной, винный и хлебный магазины, заводской анбар, казначейство каменное, построенное в 784 году.

Обывательских домов 62 построены все по крестьянскому образцу и выводных труб не имеют.

Торг повенецкого купечества весьма небогат, и в городе находится токмо 4 пятисотных капитала, большая же часть купцов живут в уезде, знаменитые из оных живут в Свят-Наволоке, сии,

закупая с низовых городов села Лыскова и прочих мест до пяти тысяч кулей муки, доставляют оную через Вытегру во все уезды Олонецкой губернии; прочие же купцы торгуют солью, смолою, рыбою и некоторые кварцом, отвозящимся на форфоровые заводы. Купцов в Повенце мужеска пола 16, женска 16, мещан мужеска 129, женска 154. Из них в городе живущих купцов 10, мещан 102, да при разных должностях находящихся 53, всего в городе жительствовавших мужеска пола 191, женского 216 душ.

Город сей есть из числа удостоившихся высочайше переименованным быть из деревни; он прежде назывался повенецкою пристанью и в 782 году июля 29 дня открыл его приличным сему случаю образом бывший Петровских заводов правитель коллежский советник Ярцов. Герб Повенца: в верхнем поле помещен новгородский герб, в нижнем же светлоголубом изображен гористый берег и 9 рыб в полукружие сплывшихся.

Повествуют, что Петр Великий в 1701 году, возвращаясь из города Архангельска, назначил место сие быть городом, и по его повелению построены были чугунные и железные заводы, где и литы были чугунные пушки и другие военные припасы. Заводы сии состояли казенными по 1727 год, потом были отданы на откуп Вытегорского погоста государственному крестьянину Трофиму Колчеву, а в 1734 году действие остановилось и теперь видны только одни знаки.

Сведав о храме, ревностный в вере монарх сей, что несет оный имя Ангела-Хранителя его, повелел служить благодарственный молебен и в знак чистосердечной радости поселяне, увидев на берегах своих мудрого из царей царя, увенчали место пристани построением на оной часовни.

Хлебопашество здесь весьма недостаточно и сеют только рожь, ячмень, овес, пшеницу, коноплю, лен и горох.

Рожь в плодородный год приносит до 4 процентов, ячмень до 5, овес до 2, пшеница и горох до 3, и жители питаются привезенным из Вытегорского уезда.

Мельниц в городе находится одна мукомольная, принадлежащая градскому голове Левину, действует водою, об одном жернове и семи ступах.

Из огородных припасов сеется мещанами репа, капуста же, редька, бобы, морковь и стручки растут в огородах служащих людей, прочих же никаких посевов по холодности климата не производят.

Пашут теми же орудиями, какими и в России, токмо косят в Петрозаводском, Вытегорском и Повенецком уездах разными горбушами, а не косами.

Ярманка бывает в Петров день, съезжаются на оную из разных окружных того же уезда селений и торгуют разными мелочными лавочными товарами...

Августа 12.

Прожив в городе 4 дня, выехали ввечеру и, проехав верхом 10 верст, сели на лодки и поехали рекою Повенец 3 версты Вол-озером и узкими озерами всего 16 верст, потом сухим путем горою Масельгою 5 верст до деревни Масельги. Гора сия разделяет воды, из коих одни текут в Белое море, другие же в Онего.

13.

Ночевав в деревне сей, отправились на лодках Маткозером 10 верст до деревни Телекина, от оной рекою Телекинскою 4 и озером Выгом 15 верст до деревни Карельского острова.

14.

От оной помянутым же озером поехали на другой день 30 верст до Воицкого золотосодержащего рудника, где и ночевали.

По объявлению здешних поселян рудник Воицкий так, как и селение, именуется от находящегося в 1½ врестах вниз по реке водопада, который, шумя от стремящейся воды, как бы воет. Сей имеет три жерла, из которых среднее глубиною до трех, прочие же до 1½ сажень и скат воды перпендикулярный.

В версте от рудника живут поселившиеся с самых древних лет крестьяне. Один из оных, именем Тарас Антонов, приметил с ребячества вышедшую на поверхность промежду елей и сосен рудную жилу. Прельщаясь блеском золотистого колчедана, отбивал от оных молотком небольшие куски и камешками сими играл; наконец пришедши в возраст дознал, что камень жилы отменный есть от прочих и заключив, что то совершенная руда, убежденный может быть притом и надеждою получить великую награду в 737 году привез пробные куски руд сих в находившееся тогда при Петровских заводах горное правительство.

Сие состоя не из весьма искусных людей не производило никакой разработки до 742-го года, а с сего времени по 745 год добывалась в нем одна только железная руда и для плавки отвозилась на Петровские заводы. Самородное золото в рудах тех попадавшееся по невежеству рудокопов считалось за самородную желтую медь до тех пор, пока некто сведущий в искусстве сем, бывши случайно на рудниках, доставил обстоятельное сведение о оном московской берг конторе и в 744 году декабря 15 дня вышло высочайшее вечно достойной памяти императрицы Елизаветы повеление

о разработке рудных жил успешнее и бережнее в рассуждении содержания золота, вследствие коего и начиналась разработка и продолжалась до 770 года, в коем берг-коллегия, усмотрев ощутительное умаление золота и великий ущерб казне, представила правительствующему Сенату — о уничтожении рудника сего, на что в том же году от оногo и воспоследовал по высочайшему повелению указ, чтоб публиковать, не пожелает ли кто из частных капиталистов взять рудник на свое содержание, почему оный и остановлен. Служители же переведены на Петровские заводы. В 772 году, прибыв в заводы сии, берг-коллегии президент тайный советник и кавалер Михайла Федорович Соймонов, дознал через посланного им туда зимою маркшейдера Каромышева о неискусной в прежнее время рудника разработке и что оный подает надежду на доставление большого количества золота, вследствие чего в том же году рудник был открыт и по изобретении конной машины и искусном управлении присланных для сего офицеров по 778 год работа производилась с великим успехом, с сего же времени жила начала в доброту своей перемежаться и по 783 год количество золота ежегодно умалялось и жила углублялась, так что чад паров препятствовал работать и удушал рудокопов и притом золотник в 781 году обошелся по 21. 50³/₄ к.

Все сии причины понудили Санктпетербургской казенной палаты горной экспедиции советника Ярцова представить о уничтожении рудника сего, на что и вышло 783 года марта 4 числа повеление работу остановить.

Вследствие сего разработка покинута. Шахта, глубиною до 70 сажен, налилась ныне водою наравне с рекою и два рудокопа составляют всю рудника стражу.

Гора, заключающая в себе рудник сей, окружается с трех сторон водами: с восточной и северной стороны Выг-озером, с западной рекою Выгом, текущею из озера сего и впадающую в Белое море, с южной же матерюю землю. Хребет ее идет с юга на север, подошвою же склоняется к реке Выг. Длинною простирается на 740, шириною 580, вышиною же, взяв прямую линию от поверхности речных до вершины горы около 6¹/₂ сажен.

Матка или каменная порода, хранившая в себе рудную жилу, состоит из зелено-серого дымчатого и белого кварцов и блестящих слюдяных частиц. В изломе довольно мелкозерниста и по многому количеству в ней слюды делится подобно оной на равные пластинки, толщиною от ¹/₂ до 6 дюймов.

Находившаяся в породе рудная жила в превосходном своем протяжении была длиною до 40 сажен, шириною от 1 до 1¹/₂ аршина и простирая в разные стороны склонение свое, имела главный

свой путь с востока на запад; она наполнена была кварцевым и металлическим веществом и отделялась от породы своей как висячем так и в лежачем боках тонким тальковым зальбактом (простенком). И сия то жила доставляла многие годы в разном количестве и разных видов руды. Иногда при разработке встречался чистый белый или соединенный с тальком кварц, иногда же багровый медный красноватый желтый и разноцветный веществом колчедан, временем белый или красноватый зернистый шпат, рыхлый мергель, самородное золото почти всегда в медной стекловатой руде весом иногда от 1 и до $3\frac{1}{2}$ фунтов и весьма редки самородное серебро, медь и свинец.

Золота во все время разрабатывания рудника добыто с 745 по 769 год, т. е. в 24 года 1 пуд 21 фунт 71 золотник, меди выплавлено 4233 пуда, по разным случающимся при производстве работы издержкам употреблено 84.381 р. 83 $\frac{3}{4}$ к. и положив меди по 6 р. пуд надлежит выключить возвращающийся с меди капитал 25.398 р., затем останется расположить на золото 59.433 р. 83 $\frac{3}{4}$ к. и золотник обойдется по 10 р. 2 $\frac{4}{5}$ к., полагая же действительного оною цену, по какой принималось оно в монетном департаменте, т. е. по 2 р. 60 к., выдет убытку казне по вычислению нашему 44.025 р. 75 $\frac{3}{4}$ к. С 772 по 783 год в десять лет выработано золота 2 пуда 39 фунтов и 48 золотников, меди 2146 пуд. 22 фунта да не проплавленной 1715 пуд, которая уже ныне может быть будучи отвезена на Петровские заводы и проплавлена и из которой надлежит получить меди около 233 пуд и 5 фунтов. Всего на добытое в 10 лет золото, выплавленную и не выплавленную медь издержано 59.197 р. 20 $\frac{3}{4}$ к., полагая же медь, как выше сказано, по 6 руб. пуд, придется за всю медь выключить 19034 р. 40 к. и к расположению на золото останется 44.817 р. 80 $\frac{3}{4}$ к. и посему золотник золота обойдется по 3 р. 90 $\frac{2}{3}$ к. Положа же золота монетного департамента цену выйдет в 10 лет казне ущерб 14.990 р. 8 к., всего же во все время разрабатывания золота добыто 4 пуда 21 фунт и 23 золотника; меди выплавлено, полагая с отвезенною рудою в Петрозаводск, 6.612 пуд и 22 фунта, на разные же при добыче руды и при плавке во все времена случавшиеся выдачи издержано 144.029 р. 4 $\frac{1}{8}$ к., исключая капитал в золоте, заключающийся 45.237 р. 40 к. и в меди 39.647 р. 40 к., выходит казне убыток 59.142 р. 24 копейки.

Древность поселения крестьян на поверхности горы сей свидетельствует находящаяся на оной церковь. Сия, будучи построена в лето от сотворения мира 7140 при патриархе Филарете в первой половине нынешнего века, сгорела и построена после в то же имя Соловецких Зосима и Савватия чудотворцев. Селение сие до сего

времени принадлежало онежскому уезду, ныне же причислено к повенецкому и состоит из десяти убогих хижин.

Авг. 15.

16.

Простояв два дня за противною погодою, поехали на другой день обратно через Выг-озеро в деревню Ревнш-наволоок, но оставшая вдруг буря понудила нас пристать к острову, где, простояв часа с два, пустились в путь, буря увеличилась, и мы с трудом достигли до другого острова, лежащего в недалеком расстоянии от первого. Простояли на оном остаток дня и ночевали.

Авг. 17.

Приехав водою до деревни Ревнш-наволоок и немного в оной постояв, отправились озером 3, а потом верхами 27, потом водою 12 верст в деревню Сумостров.

18.

В деревне сей ночевал, проехали 15 верст водою по озерам и 20 верст сухим путем, приехали в Сумский острог.

Сей отстоит от Повенца в 175 верстах, лежит при реке Суме из Сумозера, при деревне Сумоостров текущей.

Обывательских дворов 300. Большая часть из оных с подклетами и печи с выводными трубами. Кроме теплой сверху горницы, у каждого есть на сопотив холодная без печи, в коей живут летом. Селение имеет положение правильное и расположено по берегам Сумы реки, окружается пространными покосами и небольшими пашнями. Поселян мужска пола 283, женска 385 душ.

Упражняясь большее время в лове рыб, не брегут о хлебопашестве. И скотоводство не весьма обильно, ибо во всем Остроге не более 51 тягловых лошадей, рогатого скота 131, овец 108. Из птиц они водят одних куриц, коих в Остроге находится 113. Сеют по большей части жито и мало ржи, в плодоносный год жито родит сам шесть, рожь же сам четверть. Здесь косят не горбушами, но ручными косами.

Многие из жителей доставляют себе пищу отвозом ездящих на моление в Соловецкий монастырь. Они возят их на корчмарах (суда с палубами) и непокрытых судах, за провоз берут на разных судах по 14 копеек с человека в обе стороны. Притом котлы и квас употребляется без платы судовщика. На корчмарах сажают по 70, на непокрытых судах по 30 человек.

Большая же часть поселян ездят на рыбные промыслы в Мурманско. Сие отстоит в 718 верстах от Кемского городка, и лов в оном простирается в правую сторону от Колы на 200 верст до Вайдо губы, в левую же на 360 до семи островов Харлова, Зеленцина и проч. и на 150 до Светлого носа, от Колы же отстоит в 360 верстах. В нем ловят треску, пикшей (род шелухою и видом сходствующим с сига́ми) и палтасину и продают в Архангельске.

В Мурманско ходят и сухим путем и плывут водами.

Сухим путем от Сумы отходят в марте месяце в Кемь из сел по берегам рек: Летней, Поньгомы, Черной, Керети, Кандалакши и Колы, пешие поспевают до Колы, а другие же на лошадях или взяв оленей приезжают на оных в полторы недели, водою же выезжают о троицких днях из Сумы реки в Белое море, держат путь прямо до становища или пристани при наволоках, на коих построены хижины и анбары, сии наполняют за год прежде солью, мукою и веревками и нанимают стеречь оные живущих вблизи лоплян; от становищ сих, взяв по 4 человека на карбасы или шняки (суда при ловле употребляемые) и взяв ярус или рыболовную снасть, состоящую из 40, у иных же из 100 стоянок или веревок, длиной каждый из оных в 37 сажень и все вместе связаны; на стоянке сии привязывают из тонкой пряжи оростяги или сплетенные в три или четыре раза из тонких веревок снурки, к коим привязываются тонкою пряжею для лова палтаских — большие, для прочих же рыб малые уды, на каждой веревке бывает уд сих до 12. Кроме яруса сего, берут с собою лесы о двух удах, сплетенные в пять рядов из тонкой веревки, и запасаются черенами длиною вершков по 5. Отъехав версты с три, ловят сим лесом, наживив оный червями, пикшей; сих разрезав вдоль и вынув кость, режут на небольшие куски и наживляют оными ярусные уды. Отъезжают от 15 до 30 верст далее и закидывают сей ярус, смерив глубину мерником, в сем месте простирающуюся от 200 до 300 сажень, привязывают по мере оной веревку, сию прикрепляют к чурбану, в который воткнута палка сажени в полторы, к концу коей привязан голик для знаку, где лежит закинутый ярус, таковых знаков бывает до шести. Ярус сей лежит в благополучный ветер сутки, в непогоду же не ловят. В одну тоню вылавливают трески, пикшей и палтасины до двух сот пуд, во все же время лова добывают от 200 и до 500 на шняку, таковых шняк зажиточные имеют и по 8. Четыре работника, пришедшие зимой, участвуют в добыче с хозяином, им всем плотится треть добытого, приплывшим же с хозяином о троицны дни плотится им по 18; сии ежели успеют приехать в надлежащее время, заказывают также ярусы. Рыбу — треску и пикшей — с сего времени до Иванова дня сушат, палта-

сину же солят, с лова возвращаются все на судах, смотря по погоде, с августа на 1, иногда же и сентября 1 числа, и 8 те оного приезжают в Архангельск, ибо в сие время бывает обыкновенно рыбная продажа. Пуд сухой трески продается по 70 и пуд соленой 37 и 40 к., сала трескового 1 р. 50 к., палтасины и пикшей по 1 р. 20 к., ездящие сухим путем в успешный в лове год добывают до 40, плывущие по водам до 30 рублей.

Сумской острог принадлежал Архангельской губернии, ныне же все поморские берега сего селения причислены высочайшим указом в ведомство Олонецкой губернии и состоят в Повенецком уезде.

Повенецкий уезд граничит к востоку частью Онежского уезда, к западу — шведскою Лапландиею и частью Финляндии, к северу — Кольским, к югу же Петрозаводским и Вытегорским уездами. Длина его, считая от уездного города до пограничного к северу с шведскою лопарнею Мульдозерской деревни до 600, в ширину же от деревни сея до Порозерской деревни, смежных с Выборгскою губерниею до 400 верст.

Положение большей частью гористое, прерывающееся множеством озер, рек и болот.

Знаменитые озера суть: **Куйто**, на верхнее, среднее и нижнее разделяющееся; величиною 125 верст. Из оного течет река Кемь, впадающая в Белое море. Устье верхнего Куйто имеет протоки, состоящие в небольших озерах, простирающихся до самой Мульдозерской деревни. **Каменное** при деревне Бабьей губе. Сие, соединяясь с другими двумя, Кемью и Ньюком, простирается на 75 верст.

В лесах здешних растет сосна, ель, осина; березы весьма мало, прочих же деревьев и совсем не находится.

Звери, здесь живущие: медведи, лисицы, куницы, зайцы, выдры, горностан, белки, росомахи и олени. В нынешние же времена бьют только зайцев, оленей и белок, других же зверей совсем не ловят.

Птицы в лесах водятся: рябчики, тетерева, куропатки и мошники, так же лебеди, дикие гуси и утки.

Рыба в здешних водах ловится: щуки, лососи, окуни, ряпуха, мелкие сига и плотва.

Поселения, из коих, кроме некоторых российских погостов, во всех прочих живут лопляне, и для сего за нужное считаю описать оных образ жизни и свойства.

Лопляне не строятся, подобно россиянам, под один верх, но избирают водное положение, и инде двор отстоит версты с полторы от другого. Саран и сенники делают наравне с избами, внизу же хлевы для скотины и конюшни.

Многие из лоплян возят для продажи в Петербург дичину, масло, икру и рыбу. Живущие же на границе имеют торг в ближних

шведских городах: Оле, Торневе и Калибурге. Товары, россиянами привозимые, состоят в пеньке, льне, нитках, полотне, набойке, пряниках, гребнях, крашенине, китайке, ножах, мыле, меду, сукне, тесемках, тике, табаке, холсте, восчанке и юфти. В деревне Юшкозере находится пограничная таможня, по показанию коей в прошлом 784 году вывезено на 6793 р. 95¹/₂ к., из коих с надлежащих по тарифу пошлин взято 324 рубля.

Продав отечественные произведения свои, привозят из шведской Лапландии в Россию звериные кожи: беличьи, выдровые, горностаевые и куньи, ефимки, сделаное серебро, бобровую струю и проч.; в прошлом году вывезено всего на 6895 р. 14 к., с коих пошлин собрано 188 р. 25 к.

Они также ездят на ярманки в Шунгский погост и продают там мехи, рыбу и уклад. Сей разделяется на три вида: первой руки продается 4 к. фунт, второй по 3 к. Уклад или жильник, в коем ²/₃ железа — 2 к., в оба торга привозят оного до 10.000 пуд.

Руда, уклад доставляющая, правильно в число красных болотных руд причтена быть может. Добывают оную в Пялозере (в 76 верстах от Петрозаводска), в Семгозерском и Сельском погостах, также при тивдийской ломке и обыкновенно в болотах. В ближних от оных сушах, срубив из двух саженных бревен костер, обжигают на оном руду; из 25 пуд обожженной руды выходит пятипудовый криц (сырец), из коего получают до 2-х пуд уклада.

Плавка сего следующим образом производится: положив в сыродутный горн (в оный уголь и руду сыплют сверху) весом руды, замазывают горн и по дутию нескольких часов вынимают выплавившийся криц, коего пуд продается по 1 р., и для продажи оного учрежден каждую субботу торг.

Укладчики, купив криц сей, переплавляют в обыкновенных кузнечных горнах, выливают на пол и дробят, по простужении разбивают молотом, полагают потребное для двух полос количество кусков сих на песок на дно горна, делают довольный огонь, сплавливают в широкую и короткую полосу, рубят пополам, тянут из каждой половины полосы молотом прут, закаливают водою и получают помянутый уклад. Сей, будучи еще раз перекален, делается настоящею сталью.

Хлебопашество у них в великом небрежении, и, по изустному уведомлению поселян, хлеб жнется в четвертый год от начатия обработки нивы.

В первый, избрав место для оной, валят растущие на оном деревья, в другой — палят хвою (сучья), в третий — подчищают и кладут хлам в груды, жгут и посевают, и в четвертый уже поспевает у них жатва.

На одной ниве двух посевов никогда не производится, и ежели постигнет их неурожай, пропадают тщетно четырехгодичные труды, и для получения жатвы потребно употребить еще толикое же время на обработку новых нив.

Лопляне сеют токмо рожь и жито, самый зажиточный не более четырех четвертей засеваает, убогий — по четверику, многие же и совсем не имеют пашен.

На нивах в добрый урожай рожь родится сам шесть и больше, на полях же сам четверть, они пашут обыкновенно на нивах, на полях же весьма редко, и запасных полей у них нет; на одном засевают и рожь и жито. Не имеющие лошадей орут железною заостренною с обеих сторон лопатою; вынуд оною немного земли, сбрасывают на сторону и таким образом обрабатывать полосу продолжает.

Уже седьмой год проливные дожди препятствуют им пожигать, посеянное же погибает от морозов, и от сего жители терпят великую нужду в хлебе и для приобретения пищи ходят в поморскую Кемь и другие места, служат в казаках и питаются подаением; многие же отправляют за границу разные работы, как-то: шьют шубы, рубят дрова и проч.

В Юшкозерской деревне устроен для продовольствия крестьян хлебный магазин, в оном имеется для ссужения оных ржи до 2500 четвертей.

Лопляне убогие едят хлеб, деланный из сосновой коры или из соломы, и питающиеся оным пухнут и кажутся дородными, в самом же деле слабосильные.

Хлеб из сосновой коры следующим образом готовится: по снятии коры очищают оной поверхность, сушат на воздухе, жарят в печи, толкут и прибавляют муки, замешивают тесто и пекут хлеб.

Хлеб из соломы: берут и рубят намелко концы колосьев и солому, сушат, толкут и мелют, присыпают муки и приготавливают хлебы.

Осенью пекут лепешки из так называемой травы векхи. Сия растет около малых ручьев, корень ее толщиной с мезинец, длиною же иногда и до 12 вершков; лист их подобен березовому, но токмо на концах имеет наподобие сосновых шишек, и ежели оные покраснеют, то значит перезрели и корень в пищу бывает негоден, ибо употребляют его до тех пор, пока и лист еще не растет.

Вырыв оный на сходе с полей снега, сушат, толкут, бьют мутовкою, прибавляют сосновой муки и пекут из теста сего зеленые, вкусом горькие лепешки.

Рокка (похлебка), всеми тамо весьма любимая, следующим образом готовится: вскипятя воду, кладут рыбу, бросают

потом ржаной, ежели же ея нет — сосновой муки, варят и поставляют на стол.

Посуда, употребляемая для варенья пищи, заключается в двух медных разной величины котлах и в коих по приготовлении и едят. Для хранения же съестных припасов, как равно ковши и ручной мойники, плетут из бересты.

Мельницы они не имеют, но в подпольях малые жернова, коими ежедневно мелют потребное для пищи.

Скотоводство поселян не весьма обильно: лошади, коровы, овцы и у немногих свиньи весь домашний скот составляют; дворовых же птиц совсем не водят. Самый богатый имеет не больше двух лошадей, 2-х коров, 5 овец. Кормят их осиновым листом, мешая оный с рубленой соломой, обдают кипятком и парят раскаленными ядрами.

По причине глубоких снегов лопляне на лошадях не ездят, но употребляют для перехода дальних расстояний шукши (лыжи), из коих одна длиною в четыре аршина, шириною же в 3 вершка и всегда бывает березовая, другая же бывает из разного дерева и длиною в три аршина, шириною же равная с первой. Березовая шукша надевается на левую ногу и низ под оной выстроган, по середине же выдолблен во всю длину лыжи желобок; она употребляется по свидетельству их для удобного раската, и гонящиеся за зверьми подбивают весь испод правой лосиновыми лапами дабы шерсть при восходе на гору, противостоя, скатываться препятствовала. Посередине для ноги делается род колодки, и чтобы она прямо стояла, привязывают с заду из вицы или кожи петлю и застегивают ногу. Шукши сии во всем сходствуют с употребляемыми на льду коньками, исключая, что идущий на оных подпирается палкою с кружком на конце, палка сия препятствует шукшам погрязать в снегу. В морозный ясный день перебегают на оных до 70 верст.

Повествуют, что великий Петр называл народ сей птицами, летающими на деревянных крыльях и питающимися древесной корой.

Для перевозу тяжестей употребляют оленей, запрягая их в так называемые кережки; кережка сия представляет совершенно вид поперек перерубленного челнока, длина его до трех аршин, шириною же до 12 вершков. Лоплянин, сидя в ней, правит, переметывая при поворотах на другую сторону одною возжою, привязанною к носу оленя, на шею коего надета лямка (петля) и пропущена между ног к носу кережки, ежели же она пошатнется, справливает тогда рукою и в таковой повозке проезжает до 60 верст в день. Оленей держат всегда в лесу и, когда надобно, взяв одного

доморощенного, идут к ним в лес, и к сему же пристают и лесовые. На дороге кормят их белым мхом, ягелем именующимся, и болотным хвощем.

Одеждою жители края сего ни в чем от смежных им россиян не отличны, и, исключая обуви, здесь носят востроносые с загнутыми концами сапоги, кеньгами по-лопски называющиеся. Женщины же на головах носят сороки, подобные российскому повойнику, только наперед сии имеют как бы расходящиеся рожки. На груди висит у достаточных серебряный, у прочих медный восьмиконечный крест. Платье сходствует с сарафаном и подпоясано суконным поясом, на ногах же надеты похожие на коты ступни.

Девы на голове носят из красного сукна повязку, унизанную сзади бисером, кос они не плетут и волосы имеют распущенные, одежда и обувь во всем замужним подобна.

Мужчины при свидании дают друг другу правую руку и кланяются, женщины же крестообразно объемяются и трижды кланяются.

При вступлении в брачный союз лопляне хранят следующие обряды: женихов отец, условясь с невестиними родителями, оставляет задаток, простирающийся у богатых и до 10 рублей, с договором, чтобы в случае несогласия невесты отдать оной ему обратно. Потом, собрав все семейство, входят с женихом в ближний дом и посылают спрашивать, можно ли жениху посмотреть невесту. Родители поставляют оную между двумя женщинами, они выходят наперед, а за ними следует невеста, жених приближается, женщины расходятся и оставляют невесту видимою. Жених, взяв ее за руку, дает женщинам деньги и отводит ее стороне, поднимает у ней брови, растворяет рот, смотрит зубы и все лицо и наконец, оглядев руки, дает невесте полтину или рубль, и сие означает одобрение невесты. На сем расходятся, спрашивают у них взаимного к вступлению в брак согласия, по получении оно, невеста ходит по родне и плачет, свойственники по возможности ее снабжают, и сие продолжается дня с два, после сего жених с невестою делают размену, поставляют две иконы с зажженными при сих свечами и сажает жениха за стол. Невеста, ходя по другой стороне, кланяется три раза жениху, величая его при каждом поклоне по имени и отчеству, и дарит платком. Жених, приняв платок, надевает невесте на руку перстень и сажает возле себя; приходит мать ее, дарит жениха, поздравляет, затем обдаривает всех платками. Поезжане кладут, называя сватьею, деньги на блюдо, тысяцкий (дружка) кормит поставленным на стол пирогом жениха и невесту, давая им попеременно укусывать. Мать выводит невесту из-за стола, сия прощется, кланяясь в землю, с родителями и со всем

семейством. Жених выходит на улицу, за ним выводят и невесту. Тысяцкий очерчивает около них топором круг. Сие по неоспоримому их мнению охраняет от действия всякой враждебной силы, после чего тесть говорит дочери: «Слушай, дочь! Ежели не станет у вас дров или лучины, руби лучше, что в дом не попадет, а не ходи просить в другую избу. А ты, зять, наказывай жену свою за первую вину одногодной вицею, за другую — двухгодовою, за третью — трехгодовою, после же трех как заблагорассудишь», — и отдает после сего невесту. Отец женихов дает каждому из невестиных поезжан по копейке, садятся в сани и едут в церковь, по совершению брачного священнодействия отвозят в женихов дом, теща дарит женихово семейство платками и просит к себе. Отец женихов кормит новобрачных хлебом, говоря, что, отведав своего хлеба, прилично итти есть чужого, идут к родителям невесты и по окончании пира расходятся.

Лопляне, похоронив умершего, носимые им во время болезни вещи и даже стружки от гроба бросают в воду. Причину же сему относят закоренелому обыкновению.

Язык лопский весьма недостаточен и, кроме общежитейских слов, для объяснения какого-либо термина потребны многие окольные доводы. Все речения имеют на первых слогах ударение и мягко произносятся. Наречие пограничной лопи, кроме некоторых отличных названий, совершенно сходствует с наречием олончан. Правильных грамматических изменений слова ощутить в нем невозможно, ибо многие из падежей отличаются начальными частицами, иные окончаниями, другие же особливими речениями. Времен и лиц отдельно они не имеют, но одним наименованием означают вместе оныя, переменяя по обстоятельствам окончания.

Лопляне все вообще греческого исповедания, небольшая часть держит раскол. Гнездо оных находится в вышеописанной даниловской скитне, отстоящей в 60 верст от уездного города. Сие, посеивая разврат в слабые умы верных христиан, нечувствительно их от правил православия оных отвлекает. И от сего на моление в церковь поселяне не ходят, в домах же каждый, поставя свой образ, в углу молится и считает за тяжкий грех образу другого помолиться.

Некоторые... забавляются игрою на гусях пятиструнных, сделанных из сосны... и можно сказать, что их сосна греет, сосна питает, сосна и веселит.

Август 19.

Из Сумского острога выехали вполдни на больших лодках и, выехав из устья Сумы реки, пустились по Белому морю; проехав оным

35 верст, пристали к становищу, Туманским островом именуя- щемуся. Остров сей как бы слит из больших диких каменьев, на нем построена небольшая хижинка промышленниками, ловящими с первых заморозков нерпов (род черных тюленей), их ловят, про- рубая проруби, редкими, нарочно для сего плетушимися сетями без матки. Просунув нерп в петлю голову, заворачивается в сетях и сам водою захлебывается. Так же их и стреляют, норovia к тому времени, как он зачнет высовывать голову. Сало его продают в Архангельске и Шунгской ярманке, пуд стоит от 80 к. до 1 р. 20 к. Кожу же поселяне употребляют на свои поделки. Ноче- вав в месте сем, поехали на другой день в волость Сороку, от становища в 7 верстах отстоящую. Церковь в оной во имя живо- начальная троицы с приделом соловецких чудотворцев, построена соловецким монастырем, когда волость сия обще с другими помор- скими селениями под ведомством монастыря сего находилась, по отнятии же их от одного, взяты и священнослужители в монастырь обратно. В житии преподобного Савватия известно, что оный здесь представился, и мощи после Зосимою перенесены в монастырь.

Домов в волости сей до 73, в коих поселян живет до 200 душ.

Хлебопашества совсем не имеют, но упражняются в рыбной ловле, ездят на Мурманско, в реке же Сороке ловят семгу и сиги, в губе же Белого моря — сельди. Каргопольские, Онежские, Шунг- ские, Повенецкие и прочие промышленники приезжают сюда и, купив за деньги или променяв на съестные припасы, коптят и возят зимою в Петербург, Москву и прочие места.

Скотоводство также здесь не обильно. Лошадей во всем селе- нии до 40, коров до 100, овец с 70. Коров и овец кормят белым мхом ягелем, обдавая его рыбною ухю. Для продовольствия своего съестные припасы, одежду, обувь и все покупают в Архангельске за добытые рыбным ловом деньги. Сельдей вылавливают от 6-ти до десяти тысяч на дом, тысячу продают по 35 и 45 копеек, иногда же и по полтине, в успешный же лов и по 25 копеек. Семги, когда не отменены были заколы, попадало по 300 рыб на 400 душ. Пуд продают, взяв от промышленников деньги вперед, по 2 р., за налич- ные же по 2 р. 50 и 70 к., сига по малому лову не продают, но оставляют для себя.

После полудни, выехав из Сороки в Белое море и не доехав до Кеми 10 верст, пристали для ночлега у горы, Кельяком именую- щейся. Гора сия имеет около версты восхода и состоит из дикого камня, на коем белый, употребляемый в корм скота мох.

21.

Ночевав здесь, отправились на рассвете в Кемь.

Кемский городок лежит при реке Кемь, истекающей из озера Куйто и впадающей в 10 верстах от городка в Белое море. От Сумского острога отстоит в 95, от Повенца же в 270 верстах.

В нем находится крепостица и шесть бастионов, сие стоит на небольшом островке и построено, как повествуют, великим Петром, чаятельно для охранения от шведов. Церковь на оном во имя Иоанна Предтечи, но по ветхости ея и по низости места разобрана и воздвигнута новая во имя того же пророка, которая и стоит, еще не освящена, ее окружают четыре упавшие от ветхости бастионы. В предместии храм Успения пресвятые богородицы, освящен в 714 году.

Предместье не имеет правильного положения, но рассыпано по берегам реки Кемь. Река сия наполнена около места сего и далее многими порогами, препятствующими плавать большим судам по оной. Ездят же лодки, сносящие 50 пудовый груз, и взяв путь из городка в Юшкозерскую деревню, перетаскивают в 15 верстах от оного при деревне Подужемье и за версту от оной, напоследок в 40 верстах, не доезжая 20 верст до Кенозерского погоста, во всех же трех местах перетаскивают по ровному пространству, в каждом по 150 сажен.

Жителей по последней ревизии мужска 453, женска 554 души. Обывательских дворов до 250, в числе коих и монастырское подворье, построенное для архимандрита Соловецкого монастыря. В сей ныне пребывает зимою.

Городок сей лет пять тому назад уничтожен и включен в Онежскую округу; ныне же высочайшим повелением августа 22 дня переименован городом и открыт правителем Олонецкого наместничества Державиным и включен в число прочих городов, губернию составляющих.

Хлебопашество здесь не весьма обильно и большею частию упражняются в рыбном лове, ездят на Мурманско и там промышленяют. Сеют на полях, и пространство, занимаемое всеми поселениями под пашню, простирается на 27 десятин, на коих поспевают до 50 четвертей ячменю; сей урожается в плодоносный год сам 6, ржи же и прочих посевов не производят; покосы изрядные, с них выкашивают сена до 1700 возов, каждый воз весом около 15 пудов, всего до 25.500 пуд. Косят горбушами приходящие из Повенецкой округи лопляне, сами же бывают в сие время на мурманском промысле. Лошадей тягловых у всех поселян до 50, жеребят до 10, коров до 250, овец до 300, прочего же скота не держат. Из дворовых птиц водят одних куриц, коих здесь находится до 200. Лошадей кормят сеном, прочий же скот так же, как сумляне, белым мхом, отдавая рыбною ухю.

В реке Кеми ловится семга, прошлого года выловлено оных на 1800 руб., ныне же, по снятии заколов, более 30 пуд в лето не выловлено; осенью намеряются ловить сетями, теперь же ловят поездами. Лов поездом следующим образом производится: идут две лодки и закидывают длиною в 1½ сажени, вышиною же в ¾ аршина сачок, у коего с обеих сторон прикреплены по две веревки, сии тянут идущие на лодках и, услышав по тяжести, что рыба в сачок попала, оборачивают отверстием к поверхности и вытягивают. В реке Кеми ловились семь лет тому назад и сельди, ныне же лов оным прервался. Сельди ловятся также в Летней реке в 22 верстах от Кемского города, в Поньгоме в 28 верстах от Летней, в Калгалакше — в 50 верстах от Поньгомы, самые же лучшие ловятся близь Анзерского острова, отстоящего в 25 верстах от Соловецкого монастыря. В реке Кеми ловятся также по несколько сига, наваги и камбалы. Сельди солятся больше в гишпанской соли в бочках, восьмушками называемых, в коих находится до 100 сельдей. В раствор потребно гишпанской соли 8, российской же 12 фунтов.

Для продовольствия же своего по приезде с мурманских промыслов покупают съестные припасы и все мясное в городе Архангельске.

Лопяне и другие торгующие в шведской Лапландии, приехав в июле месяце в Кемь из Панозерного погоста на лодках, перегружают на большие суда, могущие понести грузу до 4000 пуд и взять в Архангельск к отправляющейся тамо 8 октября ярманке мягкую рухлядь, серебряную шведскую посуду, стаканы, бокалы, стопы и проч., всего вообще тысячи на четыре рублей, они приезжают и еще в исход августа, но в сей раз ездят больше для покупки расходящихся в Швеции российских произведений.

Положение места — гористое и болотистое, лес растет березняк, ельничек, осинничек, сосняк, рябинничек и ольховый, строевого же здесь нет, а достают по реке Кемь из Панозерного погоста, отстоящего от города в 85 верстах. Звери в них водятся: медведи, лисы, зайцы, белки, горностаи и по малому количеству куниц.

Птицы в лесах: тетерева, рябчики, куропатки, дикие утки и гуси, орлы, лебеди, чайки, с коих собирается и чистится весьма мягкий пух.

Авг. 22.

На другой день отправились обратно в Суму и, ночевав на острове, приехали в Острог.

23 и 24.

Пробыв в оном сей и следующий день, пустились Белым морем и, проехав сто верст, остановились для ночлега в деревне.

26.

Уехав из оной на другой день, приехали к обеду в город Онегу, состоящий в ведомстве Архангельской губернии.

27.

Пробыв в оном сей день, в следующий отправились Онежским уездом в Каргополь. Река Онега в пяти верстах от Каргополя, истекáющая из озера Лаче и впадающая при городе того же имени в Белое море, простирается на 360 верст до самого Каргополя и отверзнет в полную воду в мае месяце свободный водяной путь в море. По оной ходят карбасы и полубарки, поднимающие до 500 пуд груза. Река сия довольством рыбы, правильным и ровным протяжением берегов, обильными по оным пашнями и покосами и расставленными в приятном и частом положении деревнями многие славные реки в России превосходит.

Авг. 31.

Пробыв на пути 4 дни, приехали в 5 в Каргополь.

Сент. 1.

Город Каргополь стоит под 56° и 35' дол. и 65° и 48' широты; расстоянием оный от престольного Санктпетербурга в 618, Москвы 1078, губернского 360, Архангельска 527, Онеги 360, Вытегры 240, Белозера 180 верстах. Лежит при реке Онеге, имеющей во многих местах небольшие пороги, ручей Кишкинской, впадающий в оную, разделяет город на две части, из коих одна называется посадом, другая же Колобовою горкою; окружается Успенским девичьим монастырем и мелким лесом. В длину простирается оный на 2 версты, в ширину на 100 сажен. Прежде пожара, постигшего город сей в 730 году, находилась в оном крепость, обнесенная земляным, вышиною в сажень, валом, за коим вырыт был канал окружностью до 440 сажен.

В Каргополе монастырей два. Успенский девичий стоит при реке Онеге 3-го класса. В нем церковей 2 каменная и 1 деревянная. Монастырь сей обнесен деревянною оградою, в нем игуменья и 9 монахинь.

Спасопрображенский позади города по другой стороне реки. В нем церковей каменных 1 и 2 деревянных...

В городе сем приходских церквей 26, каменных 17, деревянных 9, из коих пять каменных строятся.

Обывательских домов каменных 1, деревянных на каменном фундаменте построено по плану 57, разных 375. Всего 432 двора.

Сверх сего находится в городе сем консистория архива и соляной магазин.

Общественных зданий 5, из которых главным почестья может богадельня, построенная из подаяний. В ней воспитываются подкидышаемые и приносимые несчастнорожденные младенцы и содержатся от граждан. Ныне оных в богадельне находится мужеска пола 14, женска 8 душ. Торговых лавок 51, мельниц водяных 3, кузниц 10.

Жители: купцов 2 и 3 гильдии мужеска 242, женска 262 души, у которых объявленного капитала 62.030 р., мещан мужска 855, женска 483 души, разночинцев мужеска 13, женска 22, казенного ведомства обывателей мужеска 58, женска 62, при разных должностях — мужеска 120, женска 72, всего всех в городе живущих мужеска 1495, женска 1375.

Главный торг граждан состоит большею частью в покупке и продаже разных мякотных товаров, кон отвозят в Петербург, Москву и другие города, доставая сами оных из Сибири, куда ежегодно многие ездят. В городе же в лавках торгуют 24 купца и 27 мещан разными суровскими и мякотными товарами и съестными припасами.

Из рукоделий находятся шапошники, портные, чеботари, серебряники, скорняки, меховые подборщики, кузнецы, медники, фонарщики, столяры, плотники, сыромятники, маляры, кирпичники, печники, всего во всех ремеслах 282 человека, из коих отличные и превосходные числились шапошники. Они ездят в Москву и Петербург и делают там шапки.

Построенных в городе не находится, но имеют пристроенных в домах: сальных 3, свечных 1, за городом кожевенных 4 завода, содержатели оных купцы и мещане.

Ярманок в городе не бывает, а покупают нужное из ближних городов купцов в отправляемых тамо ярманках. В зимнее время рыбу закупают в Макарьевской, Кирилловской, Важемской и прочих погодных торгах.

Город сей мог бы весьма удобно строить каменные здания, ибо в версте от оного ломают в изобилии плиту, кою, пожигая 32 дня в нарочно сделанных для сего печах, обращают в известь.

Начало построения города сего древность от нас скрыла, что же оный из числа старинных городов доказывает сие найденная в монастырских бумагах рукопись, в коей показуется, что жители

сих мест именовались погаными сыроядами и чудью белоглазой, сии нападали на белозерские селения и другие россиян жилища и все на ходу пожигали и опустошали, и сие до толе продолжалось, доколе князь Вячеслав, собрав войски, отразил нападение чуди и, победа, гнал оную до берегов Белого моря; на обратном пути, желая вселить дух войны и славолюбия в свои войска и притом утомленный от пути по непроходимым сим местам, радовался, нашед поле, удобное и для отдохновения и для торжества победы, место сие тогда как бы покрыто было воронами, и как птица сия и поныне у простолюдинов именуется каргою, то и назвал князь оное карганиным полем и учредил на оном свой стол, покорил под власть свою кочующие здесь народы и возвратился в свою отчизну, оставя на месте сем довольную для усмирения бунтующей чуди стражу, но как народ сей ига рабства сносить не приобикший роптал и часто производил мятежи и смертоубийства, то россияне сделали на поле том острог, знаки коего и донныне видны. Время основания города сего не означено и до 6000 году, от Р. Х. до 1292 о нем ничего неизвестно. С сего уже времени было особое княжение, находившееся во владении у князя Глеба. Сей с войсками своими ходил на помощь московскому князю Дмитрию во время войны оного с Мамаем: в 1446 году Шемяка, соперник великого князя Василия Васильевича, внука князя Дмитрия Ивановича Донского, был побежден и, оставленный от своего войска, ушел и заперся в Каргополе, взяв мать великого князя; сие свидетельствует, что город сей в начале 14 века был в столь цветущем и оборонительном состоянии, что мог хранить утекшего князя и стоять против нападающих неприятелей. В 1766 г. постигший город сей пожар истребил все почти строения, но щедротами чадолюбивыя и великодушныя Екатерины великия выстроено по плану деревянных на каменном фундаменте 157 домов. В 777 году при перемене образа правления в Новгородской губернии подошел оный с прочими в ведомство сего наместничества; в 781 году причислен к Санкт-петербургской губернии; ныне же при открытии в 784 году декабря 17 дня Олонецкого наместничества включен он в число городов, составляющих оное.

Герб города сего изображает в светлосинем поле пылающий костер и его пламень объемлет овна.

Каргопольский уезд граничит к востоку с Важенским расстоянием в 140, к западу с Вытегорским в 60, к северу с Онежским в 120. Широта уезда сего 210, длина 220, в окружности же 860 верст. Местоположение вообще ровное, местами же гористое, грунт песчаный, иловатый и каменистый, земля же засевана черноземом.

Знаменитые озера величиною:

Лаче — длиною оное 40, шириною 15, в окружности 120 верст, из оного течет река Онега.

Водло — длиною 15, шириною 2, в окружности же 40 верст, в сие впадают три малых речки, из него же текут две судоходных реки — Водло и Вама.

Кено — длиною 15, шириною 2, в окружности же 10 верст. В него впали речек и ручьев 9, из оного течет река Кена.

Мошенное — длиною 10, шириною 1, в окружности же 20 верст, в него впадают две речки, истекает же реки Моша.

Лекшмозеро — длиною 14, шириною 6, в окружности же 6 верст, в него впадает небольшая река.

Аглимозеро — длиною 4, шириною 2, в окружности же 25 верст, из него течет речка.

Малых же озер 474.

Во всех Каргопольского уезда водах ловится рыба: щуки, окуни, белая рыбаца, лон, судаки, плотва, хариусы, налимы, ерши, лососи, снетки, ряпуха, пискари, караси, лещи, лохи, сиги и ельцы.

В лесах растет сосна, ель, береза, ива, ольха, черемуха, калина, рябина, можжевельник, жимолость, местами же лиственница, похожая на ель, содержащая в себе благовонную смолу, которая идет на ладан.

Птицы в лесах водятся: журавли, глухари, мошники, рябчики, куропатки, орлы и ястребы, дикie гуси и утки.

Звери в оных живут: медведи, волки, лисицы, куницы, олени, горностаи, белки, зайцы и по несколько соболи, выдры, норки, рыси и росомахи.

Из ремесленников в уезде находятся по малому числу иконописцы, рещики, столяры, сапожники, медники, кузнецы, шапошники, портные, печники и кирпичники. Последних двух ремесел ходят в Петербург и Москву ежегодно до трех тысяч человек.

Прочие же поселяне упражняются в хлебопашестве. Сеют рожь, ячмень, овес, местами — пшеницу, горох, семя льняное и конопляное.

В последние два года урожай был в трое противу посеянного, в плодоносный же год в пятеро и больше; покосами также поселяне изобилуют. В осеннее время женщины ходят в лес и собранные плоды относят в город для продажи, из коих здесь произрастают грибы, рыжики, ягоды — земляника, малина, смородина, черника, костяника, черемуха, морошка, клюква и брусница, грибы отвозятся по изобилию в Петербург и продают по 40 к., масленников же по 1 р. фунт; из земляники, малины и брусницы делают тонкие в лист картонной бумаги пастилы и продают по 20 к. фунт.

Поселян по последней ревизии считается мужеска пола 57.030 душ...

В уезде находятся винокуренный завод армии поручика Александра Ярославцева. Вино с оного ставится в города Каргополь, Вытегру и Белозерск. Хлеба на оный ставятся из низовых и здешних мест до 8000 четвертей.

Мельниц мучных: водяных 257, ветряных — 22.

Ярманок и торгов в уезде не бывает. В Кенозерской волости, лежащей от города в 150 верстах, добывается алебастр, пуд его в городе продается по 6 копеек.

Поселяне трудолюбивы и неубоги. Пашни их могут почесться лучшими всех других уездов, они ласковы, но корыстолюбивы.

Сент. 5.

Пробыв в городе 4 дни, выехали в пятый в город Вытегру и по тридневном пути приехали в четвертый в город.

Сент. 8.

Город Вытегра стоит под 54° и 70' долготы под 61° широты. Расстоянием оный от престольных градов Святого Петра 426, Москвы 876, губернского 186 версты. Лежит при реке Вытегре, текущей в 40 верстах от города из болота и впадающей в Онего озеро, расстоянием от города в 10 верстах, окружен вытегорскими погостами, селениями и лесами. В длину оный 50 сажен, в ширину 450 сажен, в окружности на 4 версты. Церковь одна соборная, каменная, не совсем еще отстроенная, в 1784 году начата она строиться повелением великия Екатерины из всемилостивейше пожалованной суммы, во что обойдется по подряду. Договорная цена оной 11.500 рублей.

Обывательских дворов 67, сверх того строится здешнего города городским головою каменный о двух этажах дом, длиною 10, шириною 8 сажен.

Из казенных строений казначейство каменное.

Лавок торговых 13. Мельниц 2, пильная и мукомольная. Купцов в городе запасных мещан мужеска 275, женского — 229. Сверх того при разных должностях мужеска 35, женска 51, по торгу и промыслу в разных работах мужеска 45, женска 29 душ.

Главный торг граждан состоит в продаже льна, муки, овса, часто смолы и дехтя и свежепросоленной рыбы, отправляя на мореходных судах в Петербург. В городе же торгуют пять купцов суровскими товарами и съестными припасами.

Хлеб, как-то: рожь, мука ржаная, пшеничная крупчатая, овес, горох и разныя крупы привозят из низовых волжских городов на

стругах и барках Волгою и Шексною реками, Белым озером и Ковжею рекою до бадожской пристани, а от бадожской пристани 54 версты до города Вытегры сухим путем, откуда уже отправляют Онегом на галиотах, шкотах, соймах и других мореходных судах.

Фабрик полотняных две купцов Мартьянова и Рыборецкого, в них делаются фряжское полотно и равендук и отправляются в Петербург; заводов свечных 2 — Мартьянова же и Рыборецкого, пильных один, его же Рыборецкого. Кирпичных три — Мартьянова, Галашевского и Рябова.

Ярманок положено в году 3. Мая 9-го при сборе народа и на грузке галиотов. 2-ая Августа 16 в день нерукотворенного образа. 3-ья Февраля 3-го в день Сретения господня, из коих последняя токмо отправляется, на оную съезжаются из Суздали, Каргопольского, вологодского, белозерского и кирилловского уездов, привозят разных сортов хлеб, мясо, рыбу, шерсть, разную медную и деревянную посуду и конскую упряжь. Торг продолжается три дня.

Место, где ныне стоит город, до 1700 года было заросшее дремучими лесами. С сего же времени великий государь приказал умножить на берегах реки строение анбаров и привозимые с бадабинской пристани припасы и материалы во время шведской войны и тогда назвал место сие вончанскою пристанью по текущему с восточной стороны из гор ручью Ванчу, сей, извинаясь, впадает в реку Вытегру, и в сем месте построил вологодский купец Негодяев анбары, в верху же пристани вянчинские, расстоянием в трех верстах, построены были казармы и назывались полесовым двором, коего остатки видны и поныне. Капитан Алексей Щетнев исправлял, повидимому, повелением государя должность главного надзирателя. Им зачато строение судов, карбасами именуемых, на коих все нужное водяным путем до Петербурга доставлялось; для лучшего же понятия о строении судов поставлен был повыше гостиного берега, стоящего от Вытегры в пяти верстах между деревнями Тячковой и Брусовой, на блоках киль со всей боковой наборкой и стоял до разрушения от гнилости. Здесь же началось и делание блоков, и с сего уже времени мало по малу жители, поселяясь, распространяли строения, и в 1774 году пристань переименована вытегорским городом по текущей реке Вытегре, в 1777 году открыты присутственные места и, подобно прочим городам наместничества, состоял в Новгородской и Санктпетербургской губернии, по открытии же здесь оного включен в ведомство его.

Герб города сего представляет в нижнем желтом поле галиот с распущенными парусами, а в верхнем белом изображен новгородский герб.

Граждане, имеющие достаток, почти все староверы, ибо даниловская скитна ревностно о преумножении доходов своих подвизается и не оставляет столь недалеко отстоящий город без нападения на оный старинными преданиями. Жители все трудолюбивы, гостеприимны, но корыстолюбивы.

Вытегорский уезд граничит к северу с Повенецким, с востока с Каргопольским и с частью Кирилловского, к югу с Новолодожским, Тихвинским и Белозерским, по западу с Олонецким и Петрозаводским уездами и озером Онегою. Уезд сей длиною 250, шириною до 200 верст, в окружности же до 1700 верст.

Местоположение большею частию ровное и болотистое.

Озер больших:

Водло — длиною 23, шириною на 10 верст, из него течет река Водла.

Петозеро — длиною 9, шириною 1 версты.

Долгое — длиною 9, шириною 1 и множество малых озер.

В водах уезда сего ловится рыба: лососи, судаки, сиги, налимы, щуки, окуни, угри, ерши, ряпуха, салака, ельцы, карпы, караси, язи, лещ и плотва.

В лесах растет сосна, ель, береза, ольха. Звери в оных: медведи, волки, лисицы, белки, куницы и зайцы.

Птицы водятся в лесах: тетерева, мошники, ряпчики, куропатки и дикие гуси и утки.

Поселяне почти все упражняются в хлебопашестве; сеют рожь, пшеницу, ячмень, овес и горох. В плодоносный год рожь урожается сам пять, пшеница сам четверть, ячмень сам четверть и сам пять, горох сам третей. Пашут обыкновенными орудиями, и хлеб сжатый кладется в суслоны, имеющие одиннадцать сполок, суслоны же сии в большие скирды.

Поселян по последней ревизии 23.117 да обельных вотченников 18. У них крестьян 70 душ. Женска же пола 13.783 души..

Сент. 8.

Пробыв в городе сей и следующий дни, выехали в третий и по трехдневном пути возвратились в Петрозаводск.

13.

Петрозаводск губернский город Олонецкого наместничества. Стоит под 61° 35' южной широты и под 52° 24' северной долготы. Расстоянием от престольного Петербурга в 456, Москвы 1024, от окружных — Олонца в 150, от Вытегры в 186, от Каргополя в 350, от Повенца в 136 верстах. Лежит на берегу залива озера Онеги.

Местоположение имеет приятное и по свободному водному пути до самого Петербурга весьма выгодное.

Окружен с юга рекою Неглинкою, впадающею в помянутый залив, другою рекою Лососинкою, текущею через самый город и впадающею в тот же залив. С прочих же сторон горами, лесом и Онежским заливом. Длинною простирается на 2, а шириною на $1\frac{3}{4}$ версты.

Церквей 2, из коих в одной служат зимою, в другой же летом. Летняя соборная во имя святых и верховных апостолов Петра и Павла. Построена в 1698 году повелением и иждивением Петра Великого, иконостас писан придворными его живописцами. При оной колокольня деревянная.

Казенных строений в Петрозаводске находится каменных шесть о двух этажах домов и два магазейна. В домах сих помещены присутственные места. Они имеют правильное круговое положение. При доме, в коем помещается наместническое правление... (далее несколько слов неразборчиво — Е. Э.) приказа общественного призрения с отделениями и деревянная больница на 30 кроватей. Больница эта устроена, потребными вещами снабжена и открыта сего 1785 года в знаменитый день восшествия на всероссийский престол мудрая и великая Екатерины правителем наместничества Державиным. Сверх сего возле сих каменных домов в порядочном же положении находятся осьмнадцать деревянных на каменном фундаменте домов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. А. М. Линевский. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1940.
2. Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. М., 1956, стр. 16.
3. Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 5 и след.
4. Сообщения Симона ван Салингена о земле Лопии. «Литературный вестник», 1901, т. 1.
5. «Книга Большому Чертежу». Под ред. и с предисл. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 151 и след.
6. Дополнения к актам историческим, т. 3, № 64.
7. В. Мегорский. Осударева дорога. Петрозаводск, 1903.
8. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 год, стр. 284; А. П. Глаголева. Олонецкие металлургические заводы при Петре I. «Исторические записки», 1950, № 35.
9. ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейской коллегии, д. 93, лл. 10—17. Документ выявлен Б. В. Гнедовским.
10. Об Олонецких Марциальных водах и роли Блюментроста см.: Н. Самойлов. Петр Великий на Марциальных водах. СПб., стр. 12; Я. Чистович. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870; см. также Д. М. Российский. История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения. М., 1956.
11. В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.—Л., 1940.
12. Подробнее об этом см.: М. А. Безбородов. Дмитрий Иванович Виноградов — создатель русского фарфора. М.—Л., 1950. Его же: Сырьевые материалы Карело-Финской ССР в производстве первого русского фарфора. «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1947, № 1—2.
13. Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 204.

14. О жизни и деятельности И. И. Лепехина см.: М. И. Сухоминов. И. И. Лепехин. В кн. История Российской Академии. СПб., 1875, вып. 2; Н. Г. Фрадкин. Академик И. И. Лепехин и его путешествие по России в 1768—1772 гг. М., 1950.

15. Выдержки, приводимые в очерке об И. И. Лепехине, взяты: из кн. Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году. Ч. IV, СПб., 1805; из приложений к статье В. П. Гарановича — Путешествие акад. И. И. Лепехина по Северу Европейской России в 1771 и 1772 гг. «Труды Института истории науки и техники АН СССР», сер. 1, вып. 4, Л., 1934.

16. Наиболее подробные сведения о Лаксмане см.: В. Г. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования, переписка. Пер. со шведского. СПб., 1890. См. также «Труды Вольного экономич. общ.-ва», 1769.

17. Об Н. Я. Озерецковском см.: Н. Г. Фрадкин. Путешествия И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского и В. Ф. Зуева. М., 1948, а также статьи в «Олонекских губ. ведомостях», 1897, № 78, 83, 84; 1898, № 15, 16, 44—54, 65—79, 84—89.

18. Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. Спб., 1812, стр. 345.

19. П. А. Борисов. Карельские шунгиты. Петрозаводск, 1956, стр. 16.

20. См. сводную работу Н. Н. Харузина «Русские лопари». М., 1890.

21. М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на Русском Севере. «Советская этнография», 1955, № 2.

22. Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив Г. Р. Державина, т. XXI.

23. Н. Л. Рубинштейн. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятник географического и экономического изучения России. «Вопросы географии», сб. 31.

24. Рукописный отдел. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Q IV, 325.

25. Карельская АССР. Географгиз, М., 1956, стр. 58.

26. Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, кн. собр. № 1212.

О В. В. Крестинине см.: Ф. И. Черняховский. Василий Васильевич Крестинин. Архангельск, 1955.

27. Месяцеслов исторический и географический на 1793 год.

28. О деятельности Г. Р. Державина в Карелии см.: Е. М. Эпштейн и М. В. Теплинский. Обзор материалов о пребывании Г. Р. Державина в Карелии. «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2. М. В. Теплинский и Е. М. Эпштейн. Г. Р. Державин в Петрозаводске. «На рубеже», 1951, № 5.

29. Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Арх. Г. Р. Державина, т. XXI.

30. Подлинник см.: Арх. Г. Р. Державина, т. XXI.

31. Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, кн. собр. № 519. См. также Соч. Г. Р. Державина. Т. VIII, стр. 394—396.

32. Н. Н. Страхов. О свадьбах, свадебных обрядах и обычаях русских крестьян. «Уч. зап. Московского ун-та», 1836.

33. О П. Б. Иноходцеве см.: М. И. Сухомлинов. П. Б. Иноходцев. В кн. История Российской Академии. Вып. 3, СПб., 1877; В. Ф. Гнучева. Волго-Донской канал в XVIII веке. «Природа», 1941, № 1; Ю. Г. Перель. П. Б. Иноходцев — русский ученый и первый русский историк астрономии. «Астрономический журнал», 1952, вып. 3.

34. П. Б. Иноходцев. О географическом местоположении города Петрозаводска... «Академич. сочинения». Ч. 1, 1801.

35. См. П. Б. Иноходцев. Общее описание Вологодского наместничества. «Месяцеслов исторический и географический на 1790 год», стр. 1—87; Продолжение описания городов Вологодского наместничества с их округами. «Месяцеслов исторический и географический на 1792 год», стр. 1—40; Краткое географическое и историческое описание города Каргополя. «Месяцеслов исторический и географический на 1796 год», стр. 1—37.

36. П. Б. Иноходцев. Описание Танбовского наместничества. «Месяцеслов исторический и географический на 1789 год», стр. 17.

37. П. И. Челищев. Путешествие по Северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева. СПб., 1886. Под ред. и со вступ. статьей акад. Л. Н. Майкова. Стр. 29—30.

38. К. В. Чистов. Путешествие по Северу России П. И. Челищева. «На рубеже», 1952, № 9; М. Т. Беляевский. Петр Челищев и его «Путешествие по Северу России». «Вестник МГУ», серия ист.-фил., 1956, № 2.

39. К. В. Чистов. Указ. соч., стр. 77.

40. Ср. В. Алымов. Надмогильные памятники поморских рыбаков. «Карело-Мурманский край», 1929, № 2, стр. 21—22.

41. О В. М. Севергине см.: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. СПб., 1879, вып. 4; Д. П. Григорьев и И. И. Шафрановский. Выдающиеся русские минералоги. М.—Л., 1949.

42. В. М. Севергин. Обзорение Российской Финляндии. СПб., 1805.

43. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. «Советская этнография», 1955, № 4.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От авторов	3
Введение	5
Глава I. Изучение Карелии в первой половине XVIII века	10
Глава II. И. И. Лепехин — исследователь северной Карелии ..	30
Глава III. Две экспедиции Э. Лаксмана	43
Глава IV. Путешествие академика Н. Я. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому	52
Глава V. Первые «описания» Карелии	75
Глава VI. Г. Р. Державин в Карелии	90
Глава VII. П. Б. Иноходцев — исследователь Русского Севера	113
Глава VIII. П. И. Челищев и его вклад в изучение Карелии ..	124
Глава IX. В. М. Севергин—исследователь юго-западной Карелии	138
Заключение	149
<i>Приложение.</i> Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Дер- жавинным	157
Литература и источники	192

Редактор *Д. И. Шехтер*
Художественный редактор *Р. С. Киселева*
Технический редактор *О. Б. Петрова*
Корректор *В. Н. Тихонова*

*

Сдано в набор 2/XI 1957 г.
Подписано к печати 21/I-58 г. Е—01072. Бумага
84×108^{1/2}—6,13 печ. л.+1 вл.=10,05 усл. печ. л. 10,2 9
уч.-изд. л.+1 вл. Тираж 3000. Заказ № 1619.
Цена 4 руб. 10 коп.

Госиздат Карельской АССР
Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1.

*

Книжная типография Полиграфиздата
Министерства культуры Карельской АССР
Сортавала, Карельская, 32.